

Ив. Бунинъ.

НАЧАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ.

Родныя степи, моя послѣдняя любовь.
Е. Баратынскій.

ПРАГА.
„Славянское Издательство“
1921

тип. Яна Изражка, Турновъ.

Изъ первой книги рассказовъ.

АНТОНОВСКІЯ ЯБЛОКИ.

I.

...Вспоминается мнѣ ранняя погожая осень. Августъ былъ съ теплыми дождиками, какъ будто нарочно выпадавшими для сѣва, — съ дождиками въ самую пору, въ срединѣ мѣсяца, около праздника св. Лаврентія. А „осень и зима хороши живутъ, коли на Лаврентія вода тиха и дождикъ“.. Потомъ бабьимъ лѣтомъ паутины много сѣло на поля. Это тоже добрый знакъ: „Много тенетника на бабье лѣто — осень ядреная“... Помню раннее, свѣжее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохшій и порѣдѣвшій садъ, помню кленовыя аллеи, тонкій аромат опавшей листвы и — запахъ антоновскихъ яблокъ, запахъ меда и осенней свѣжести. Воздухъ такъ чистъ, точно его совсѣмъ нѣтъ, по всему саду раздаются голоса и скрипъ телѣгъ. Это тархане, мѣщане-садовники, наняли мужиковъ и насыпаютъ яблоки, чтобы въ ночь отправлять ихъ въ городъ, — непременно въ ночь, когда такъ славно лежать на возу, смотрѣть въ звѣздное небо, чувствовать запахъ дегтя въ свѣжемъ воздухѣ и слушать, какъ осторожно поскрипываетъ въ темнотѣ длинный

обозъ по большой дорогѣ. Мужикъ, насыпающій яблоки, ѣстъ ихъ съ сочнымъ трескомъ одно за однимъ, но ужъ таково заведеніе — никогда мѣщанинъ не оборветъ его, а еще скажетъ:

— Вали, ѣшь досыта, — дѣлать нечего! На сливаньи всѣ медь пьютъ.

И прохладную тишину утра нарушаетъ только сытое квохтанье дроздовъ на коралловыхъ рябинахъ въ чащѣ сада, голоса да гулкій стукъсыпаемыхъ въ мѣры и кадушки яблокъ. Въ порѣдѣвшемъ саду далеко видна дорога къ большому шалашу, усыпанная соломой, и самый шалашъ, около котораго мѣщане обзавелись за лѣто цѣлымъ хозяйствомъ. Всюду сильно пахнетъ яблоками, тутъ — особенно. Въ шалашѣ устроены постели, стоитъ одноствольное ружье, позелѣвшій самоваръ, въ уголкѣ — посуда. Около шалаша валяются рогожи, ящики, всякіе истрепанные пожитки, вырыта земляная печка. Въ полдень на ней варится великолѣпный кулешъ съ саломъ, вечеромъ грѣтся самоваръ, и по саду, между деревьями, разстилается длинной полосой голубоватый дымъ. Въ праздничные же дни около шалаша — цѣлая ярмарка, и за деревьями поминутно, мелькаютъ красные уборы. Толпятся бойкія дѣвки-однодворки въ сарафанахъ, сильно пахнувшихъ краской, приходятъ „барскія“ въ своихъ красивыхъ и грубыхъ, дикарскихъ костюмахъ, молодая старостиха, беременная, съ широкимъ соннымъ лицомъ и важная, какъ холмогорская корова. На головѣ ея „рога“, — косы положены по бокамъ макушки и покрыты нѣсколькими платками, такъ что голова кажется огромной; ноги,

въ полусапожкахъ съ подковками, стоятъ тупо и крѣпко; безрукавка — плисовая, занавѣска длинная, а панева — черно-лиловая съ полосами кирпичнаго цвѣта и обложенная на подолѣ широкимъ золотымъ „прозументомъ“...

— Хозяйственная бабочка! — говоритъ о ней мѣщанинъ, покачивая головою. — Переводятся теперь такія...

А мальчишки въ бѣлыхъ замашныхъ рубашкахъ и коротенькихъ порточкахъ, съ бѣлыми раскрытыми головами, все подходятъ. Идутъ по двое, по-трое, мелко перебирая босыми ножками, и косятся на лохматую овчарку, привязанную къ яблонѣ. Покупаетъ, конечно, одинъ, ибо и покупки-то всего на копейку или на яйцо, но покупателей много, торговля идетъ бойко, и чахоточный мѣщанинъ въ длинномъ сюртукѣ и рыжихъ сапогахъ — весель. Вмѣстѣ съ братомъ, картавымъ, шустрымъ полуидіотомъ, который живетъ у него „изъ милости“, онъ торгуетъ съ шуточками, прибаутками и даже иногда „тронетъ“ на тульской гармоникѣ. И до вечера въ саду толпится народъ, слышится около шалаша смѣхъ и говоръ, а иногда и топоть пляски...

Къ ночи въ погоду становится очень холодно и росисто. Надъшавшись на гумнѣ ржанымъ ароматомъ новой соломы и мякины, бодро идешь домой къ ужину мимо садоваго вала. Голоса на деревнѣ или скрипъ воротъ раздаются по студеной зарѣ необыкновенно ясно. Темнѣетъ. И вотъ еще запахъ: въ саду — костеръ, и крѣпко тянетъ душистымъ дымомъ вишневыхъ сучьевъ. Въ темнотѣ, въ глубинѣ сада — сказочная картина: точ-

но въ уголкѣ ада, пылаеть около шалаша багровое пламя, окруженное мракомъ, и чьи-то черные, точно вырѣзанные изъ чернаго дерева силуэты двигаются вокругъ костра, межъ тѣмъ какъ гигантскія тѣни отъ нихъ ходятъ по яблонямъ. То по всему дереву ляжетъ черная рука въ нѣсколько аршинъ, то четко нарисуются двѣ ноги — два черныхъ столба. И вдругъ все это скользнетъ съ яблони — и тѣнь упадетъ по всей аллеѣ, отъ шалаша до самой калитки...

Поздней ночью, когда на деревнѣ погаснутъ огни, когда въ небѣ уже высоко блещетъ бриллиантовое семизвѣздіе Стожаръ, еще разъ пробѣжишь въ садъ. Шурша по сухой листьѣ, какъ слѣпой, доберешься до шалаша. Тамъ на полянкѣ немного свѣтлѣе, а надъ головой бѣлѣетъ Млечный Путь.

— Это вы, барчукъ? — тихо окликаетъ кто-то изъ темноты.

— Я. А вы не спите еще, Николай?

— Намъ нельзя-съ спать. А, должно, ужъ поздно? Вонъ, кажись, пассажирный поѣздъ идетъ...

Долго прислушиваемся и различаемъ дрожь въ землѣ. Дрожь переходитъ въ шумъ, растеть, и вотъ, какъ будто уже за самымъ садомъ, ускоренно выбиваютъ шумный тактъ колеса: громахая и стуча, несется поѣздъ... ближе, ближе, все громче и сердитѣе... И вдругъ начинаетъ стикать, глохнуть, точно уходя въ землю...

— А гдѣ у васъ ружье, Николай?

— А вотъ возлѣ ящика-съ.

Вскинешь кверху тяжелую, какъ ломъ, одностволку и съ маху выстрѣлишь. Багровое пламя

съ оглушительнымъ трескомъ блеснетъ къ небу, ослѣпитъ на мигъ и погаситъ звѣзды, а бодрое эхо кольцомъ грянетъ и раскатится по горизонту, далеко-далеко замирая въ чистомъ и чуткомъ воздухѣ.

— Ухъ, здорово! — скажетъ мѣщанинъ. — Потращайте, потращайте, барчукъ, а то просто бѣда! Опять всю дулю на валу отрясли...

А черное небо чертятъ огнистыми полосками падающія звѣзды. Долго глядишь въ его темно-синюю глубину, переполненную созвѣздями, пока не поплыветъ земля подъ ногами. Тогда встрепенешься и, пряча руки въ рукава, быстро побѣжишь по аллеѣ къ дому... Какъ холодно, росисто, и какъ хорошо жить на свѣтѣ!

II.

„Ядреная антоновка — къ веселому году“. Деревенскія дѣла хороши, если антоновка уродилась: значить, и хлѣбъ уродился... Вспоминается мнѣ урожайный годъ.

На ранней зарѣ, когда еще кричатъ пѣтухи и по-черному дымятся избы, распахнешь, бывало, окно въ прохладный садъ, наполненный лиловатымъ туманомъ, сквозь который ярко блеститъ кое-гдѣ утреннее солнце, и не утерпишь — велишь поскорѣе засѣдывать лошадь, а самъ побѣжишь умываться на прудъ. Мелкая листва почти вся облетѣла съ прибрежныхъ лозинъ, и сучья сквозятъ на бирюзовомъ небѣ. Вода подъ лозинами стала прозрачная, ледяная и какъ будто тяжелая. Она мгновенно прогоняетъ ночную лѣнь, и,

умывшись и позавтракавъ въ людской съ работниками горячими картошками и чернымъ хлѣбомъ съ крупной сырой солью, съ наслажденіемъ чувствуешь подъ собой скользкую кожу сѣдла, проѣзжая по Выселкамъ на охоту. Осень — пора престольныхъ праздниковъ, и народъ въ это время прибранъ, доволенъ, видъ деревни совсѣмъ не тотъ, что въ другую пору. Если же годъ урожайный, и на гумнахъ возвышается цѣлый золотой городъ, а на рѣкѣ звонко и рѣзко гогочуть по утрамъ гуси, такъ въ деревнѣ и совсѣмъ не плохо. Къ тому же наши Выселки споконъ вѣку, еще со временъ дѣдушки славились „богатствомъ“. Старики и старухи жили въ Выселкахъ очень подолгу, — первый признакъ богатой деревни, — и были все высокіе, большіе и бѣлые, какъ лунь. Только и слышишь, бывало: „Да, — вотъ Агаѣя восемьдесятъ три годочка отмахала!“ — или разговоры въ такомъ родѣ:

— И когда это ты умрешь, Панкратъ? Небось тебѣ лѣтъ сто будетъ?

— Какъ изволите говорить, батюшка?

— Сколько тебѣ годовъ, спрашиваю!

— А не знаю-съ, батюшка.

— Да Платона Аполлоныча-то помнишь?

— Какъ же-съ, батюшка, — явственно помню.

— Ну, вотъ видишь. Тебѣ, значитъ, никакъ не меньше ста.

Старикъ, который стоитъ передъ бариномъ вытянувшись, кротко и виновато улыбается. Что жъ, молъ, дѣлать, — виноватъ, зажился. И онъ, вѣроятно, еще болѣе зажился бы, если бы не объѣлся въ Петровки луку.

Помню я и старуху его. Все, бывало, сидить на скамеечкѣ, на крыльцѣ, согнувшись, трясая головой, задыхаясь и держась за скамейку руками,—все о чемъ-то думаетъ. „О добръ своемъ, небось“, говорили бабы, потому что „добра“ у нея въ сундукахъ было, правда, много. А она будто и не слышитъ; подслѣповато смотритъ куда-то вдаль изъ-подъ грустно приподнятыхъ бровей, трясеть головой и точно силится вспомнить что-то. Большая была старуха, вся какая-то темная. Панева — чуть не прошлаго столѣтія, чуньки — покойницкія, шея — желтая и высохшая, рубаха съ канифасовыми косяками всегда бѣлая-бѣлая,—„совсѣмъ хоть въ гробъ клади“. А около крыльца большою камень лежалъ: сама купила себѣ на могилку, такъ же, какъ и саванъ, —отличный саванъ, съ ангелами, съ крестами и съ молитвой, напечатанной по краямъ.

Подъ-стать старикамъ были и дворы въ Выселкахъ: кирпичные, строенные еще дѣдами. А у богатыхъ мужиковъ — у Савелія, у Игната, у Дрона — избы были въ двѣ-три связи, потому что дѣлится въ Выселкахъ еще не было моды. Въ такихъ семьяхъ водили пчель, гордились жеребцомъ-битюгомъ сиво-желѣзнаго цвѣта и держали усадьбы въ порядкѣ. На гумнахъ темнѣли густые и тучные коноплянники, стояли овины и риги, крытые вприческу; въ пунькахъ и амбарчикахъ были желѣзныя двери, за которыми хранились холсты, прялки, новые полушубки, наборная сбруя, мѣры, окованныя мѣдными обручами. На воротахъ и на санкахъ были выжжены кресты. И помню, мнѣ порою казалось на рѣдкость.

заманчивымъ быть мужикомъ. Когда, бывало, ѣдешь солнечнымъ утромъ по деревнѣ, все думаешь о томъ, какъ хорошо косить, молотить, спать на гумнѣ въ ометахъ, а въ праздникъ встать вмѣстѣ съ солнцемъ, подъ густой и музыкальной благовѣстью изъ села, умыться около бочки и надѣть чистую замашную рубаху, также портки и несокрушимые сапоги съ подковками. Если же, думалось, къ этому прибавить здоровую и красивую жену въ праздничномъ уборѣ, да поѣздку къ обѣднѣ, а потомъ обѣдъ у боро数据аго тестя, обѣдъ съ горячей бараниной на деревянныхъ тарелкахъ и съ ситниками, съ соевымъ медомъ и брагой, — такъ больше и желать невозможно!

Складъ средней дворянской жизни еще и на моей памяти, — очень недавно, — имѣлъ много общаго со складомъ богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосвѣтскому благополучію. Такова, на примѣръ, была усадьба тетки Анны Герасимовны, жившей отъ Выселокъ верстахъ въ двѣнадцать. Пока, бывало, доѣдешь до этой усадьбы, уже совсѣмъ ободняется. Съ собаками на сворахъ ѣхать приходится шагомъ, да и спѣшить не хочется, — такъ весело въ открытомъ полѣ въ солнечный и прохладный день! Мѣстность ровная, видно далеко. Небо легкое и такое просторное и глубокое. Солнце сверкаетъ сбоку, и дорога, укатанная по слѣ дождей телѣгами, замаслилась и блеститъ, какъ рельсы. Вокругъ раскидываются широкими косяками свѣжія, пышно-зеленя ози́ми. Взовьется откуда-нибудь ястребокъ въ прозрачномъ

воздухъ и замретъ на одномъ мѣстѣ, трепеща острыми крылышками. А въ ясную даль убѣгаютъ четко видные телеграфные столбы, и проволоки ихъ, какъ серебряныя струны, скользятъ по склону яснаго неба. На нихъ сидятъ копчики, — совсѣмъ черныя значки на нотной бумагѣ.

Крѣпостного права я не зналъ и не видѣлъ, но, помню, у тетки Анны Герасимовны чувствовалъ его. Въѣдешь во дворъ и сразу ощутишь, что тутъ оно еще вполне живо. Усадьба — небольшая, но вся старая, прочная, окруженная столѣтними березами и лозинами. Надворныхъ построекъ — невысокихъ, но домовитыхъ — множество, и всѣ онѣ точно слиты изъ темныхъ дубовыхъ бревенъ подъ соломенными крышами. Выдѣляется величиной или, лучше сказать, длиной только почернѣвшая людская, изъ которой выглядываютъ послѣдніе могики двороваго сословія — какіе-то ветхіе старики и старухи, дряхлый поваръ въ отставкѣ, похожій на Донъ-Кихота. Всѣ они, когда въѣзжаешь во дворъ, подтягиваются и низко-низко кланяются. Сѣдой кучеръ, направляющійся отъ каретнаго сарая взять лошадь, еще у сарая снимаетъ шапку и по всему двору идетъ съ обнаженной головой. Онъ у тетки ѣздилъ форейторомъ, а теперь возитъ ее къ обѣднѣ, — зимой въ возкѣ, а лѣтомъ въ крѣпкой, окованной желѣзомъ телѣжкѣ, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ ѣздятъ попы. Садъ у тетки славился своею запущенностью, соловьями, горлинками и яблоками, а домъ — крышей. Стоялъ онъ во главѣ двора, у самага сада, — вѣтви липъ обнимали его, — былъ невеликъ и приземистъ, но

казалось, что ему и вѣку не будетъ, — такъ основательно глядѣль онъ изъ-подъ своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши, почернѣвшей и затвердѣвшей отъ времени. Мнѣ его передній фасадъ представлялся всегда живымъ: точно старое лицо глядитъ изъ-подъ огромной шапки впадинами глазъ, — окнами съ перламутровыми отъ дождя и солнца стеклами. А по бокамъ этихъ глазъ были крыльца, — два старыхъ, большихъ крыльца съ колоннами. На фронтонѣ ихъ всегда сидѣли сытые голуби, между тѣмъ какъ тысячи воробьевъ дождемъ пересыпались съ крыши на крышу... И уютно чувствовалъ себя гость въ этомъ гнѣздѣ, подъ бирюзовымъ осеннимъ небомъ!

Войдешь въ домъ и прежде всего услышишь запахъ яблокъ, а потомъ уже другіе: старой мебели краснаго дерева, сушеннаго липоваго цвѣта, который съ іюня лежитъ на окнахъ... Во всѣхъ комнатахъ, — въ лакейской, въ залѣ, въ гостиной, — прохладно и сумрачно: это оттого, что домъ окруженъ садомъ, а верхнія стекла оконъ цвѣтныя: синія и лиловыя. Всюду тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы съ инкрустаціями и зеркала въ узенькихъ и витыхъ золотыхъ рамахъ никогда не трогались съ мѣста. И вотъ слышится покашливанье: выходитъ тетка. Она небольшая, но тоже, какъ и все кругомъ, прочная. На плечахъ у нея накинута большая персидская шаль. Выйдетъ она важно, но привѣтливо, и сейчасъ же, подъ безконечные разговоры про старину, про наслѣдства, начинаютъ появляться угощенія: сперва „дули“, яб-

локи, — антоновскія, „бель-барыня“, боровинка, „плодовитка“, — а потомъ удивительный обѣдъ: вся насквозь розовая вареная ветчина съ горошкомъ, фаршированная курица, индюшка, маринады и красный квасъ, — крѣпкій и сладкій-пресладкій... Окна въ садъ подняты, и оттуда вѣетъ бодрой осенней прохладой...

III.

За послѣдніе годы одно поддерживало угасающій духъ помѣщиковъ, — охота.

Прежде такія усадьбы, какъ усадьба Анны Герасимовны, были не рѣдкость. Были и разрушающіяся, но все еще жившія на широкую ногу усадьбы съ огромнымъ помѣстьемъ, съ садомъ въ двадцать десятинъ. Правда, сохранились нѣкоторыя изъ такихъ усадебъ еще и до сего времени, но въ нихъ уже нѣтъ жизни... Нѣтъ троекъ, нѣтъ верховыхъ „киргизовъ“, нѣтъ гончихъ и борзыхъ собакъ, нѣтъ дворни и нѣтъ самого обладателя всего этого — помѣщика-охотника, вродѣ моего покойнаго шурина Арсенія Семёныча.

Съ конца сентября наши сады и гумна пустѣли, погода, по обыкновенію, круто мѣнялась. Вѣтеръ по цѣлымъ днямъ рвалъ и трепалъ деревья, дожди поливали ихъ съ утра до ночи. Иногда къ вечеру между хмурыми низкими тучами пробивался на западѣ трепещущій золотистый свѣтъ низкаго солнца; воздухъ дѣлался чистъ и ясенъ, а солнечный свѣтъ ослѣпительно сверкалъ между листвою, между вѣтвями, кото-

Ив. Бунинъ.

рыя живою сѣткою двигались и волновались отъ вѣтра. Холодно и ярко сіяло на сѣверѣ надъ тяжелыми свинцовыми тучами жидкое голубое небо, а изъ-за этихъ тучъ медленно выплывали хребты снѣговыхъ горъ-облаковъ. Стоишь у окна и думаешь: „Авось, Богъ дастъ, распогодится“. Но вѣтеръ не унимался. Онъ волновалъ садъ, рвалъ непрерывно бѣгущую изъ трубы людской струю дыма и снова нагонялъ зловѣщія космы пепельныхъ облаковъ. Они бѣжали низко и быстро — и скоро, точно дымъ, затуманивали солнце. Погасалъ его блескъ, закрывалось окошечко въ голубое небо, а въ саду становилось пустынно и скучно, и снова начиналъ сѣять дождь... сперва тихо, осторожно, потомъ все гуще и наконецъ превращался въ ливень съ бурей и темнотою. Наступала долгая, тревожная ночь...

Изъ такой трепки садъ выходилъ почти совсѣмъ обнаженнымъ, засыпаннымъ мокрыми листьями и какимъ-то притихшимъ, смирившимся. Но зато какъ красивъ онъ былъ, когда снова наступала ясная погода, прозрачные и холодные дни начала октября, прощальный праздникъ осени! Сохранившаяся листва теперь будетъ висѣть на деревьяхъ уже до первыхъ зазимковъ. Черный садъ будетъ сквозить на холодномъ бирюзовомъ небѣ и покорно ждать зимы, пригрѣваясь въ солнечномъ блескѣ. А поля уже рѣзко чернѣютъ пашнями и ярко зеленѣютъ закустившимися озимями... Пора на охоту!

И вотъ я вижу себя въ усадьбѣ Арсенія Семеновича, въ большомъ домѣ, въ залѣ, полной солнца и дыма отъ трубокъ и папирость. Народу

много, — все люди загорблые, съ обвѣтренными лицами, въ поддевкахъ и длинныхъ сапогахъ. Только-что очень сытно пообѣдали, раскраснѣлись и возбуждены шумными разговорами о предстоящей охотѣ, но не забываютъ допивать водку и послѣ обѣда. А на дворѣ трубятъ рогъ и завываютъ на разные голоса собаки. Черный борзой, любимецъ Арсенія Семеныча, взлѣзаетъ на столъ и начинаетъ пожирать съ блюда остатки зайца подъ соусомъ. Но вдругъ онъ выпускаетъ страшный визгъ и, опрокидывая тарелки и рюмки, срывается со стола: Арсеній Семенычъ, вышедшій изъ кабинета съ арашикомъ и револьверомъ, внезапно оглушаетъ залу выстрѣломъ. Зала еще болѣе наполняется дымомъ, а Арсеній Семенычъ стоитъ и смѣется.

Жалко что промахнулся! — говоритъ онъ, играя глазами.

Онъ высокъ ростомъ, худощавъ, но широкоплечъ и строень, а лицомъ — красавецъ-цыганъ. Глаза у него блестятъ дико, онъ очень ловокъ, въ шелковой малиновой рубахѣ, бархатныхъ шароварахъ и длинныхъ сапогахъ. Напугавъ и собаку и гостей выстрѣломъ, онъ шутливо-важно декламируетъ баритономъ:

Пора, пора сѣдлатъ проворнаго донца
И звонкій рогъ за плечи перекинуть!—

и громко говорить:

Ну, однако нечего терять золотое время!

Я сейчасъ еще чувствую, какъ жадно и емко дышала молодая грудь холодомъ яснаго и сырого дня подъ вечеръ, когда, бывало, ѣдешь съ шумной ватагой Арсенія Семеныча, возбужден-

ный музыкальным гамомъ собакъ, брошен-
ныхъ въ чернолѣсье, въ какой-нибудь Красный
Бугоръ или Гремячій Островъ, уже однимъ сво-
имъ названіемъ волнующій охотника. Ѣдешь на
зломъ, сильномъ и приземистомъ „киргизъ“, крѣп-
ко сдерживая его поводьями, и чувствуешь себя сли-
тымъ съ нимъ почти воедино. Онъ фыркаетъ,
просится на рысь, шумно шуршитъ копытами по
глубокимъ и легкимъ коврамъ черной осыпав-
шейся листвы, и каждый звукъ гулко раздастся
въ пустомъ, сыромъ и свѣжемъ лѣсу. Тявкнула
гдѣ-то вдалекѣ собака, ей страстно и жалобно
отвѣтила другая, третья—и вдругъ весь лѣсъ за-
гремѣлъ, точно онъ весь стеклянный, отъ бурна-
го лая и крика. Крѣпко грянуль среди этого га-
ма выстрѣлъ—и все „заварилось“ и покатилося
куда-то вдалѣ.

— Береги-и! — завопилъ кто-то отчаяннымъ го-
лосомъ на весь лѣсъ.

„А, береги!“ — мелькнетъ въ головѣ опьяняю-
щая мысль. Гикнешь на лошадей и, какъ сорва-
вшійся съ цѣпи, помчишься по лѣсу, уже ничего
не разбирая по пути. Только деревья мелькаютъ
передъ глазами, да лѣпятъ въ лицо грязью изъ-
подъ копытъ лошади. Выскочишь изъ лѣсу, уви-
дишь на зеленяхъ пеструю, растянувшуюся по
землѣ стаю собакъ и еще сильнѣе наддашь кир-
гиза наперерѣзъ звѣрю, — по зеленямъ, взметамъ
и жнивьямъ, пока наконецъ не перевалишься въ
другой островъ и не скроется изъ глазъ стая
вмѣстѣ со своимъ бѣшенымъ лаемъ и стономъ.
Тогда, всеъ мокрый и дрожащій отъ напряженія,
осадишь вспѣненную, хрипящую лошадь и жадно

глотаетъ ледяную сырость лѣсной долины. Вдали замираютъ крики охотниковъ и лай собакъ, а вокругъ тебя мертвая тишина. Полураскрытый строевой лѣсъ стоитъ неподвижно, и кажется, что ты попалъ въ какіе-то заповѣдныя чертоги. Крѣпко пахнетъ отъ овраговъ грибной сыростью, перегнившими листьями и мокрой древесной корою. И сырость изъ овраговъ становится все ощутительнѣе, въ лѣсу холоднѣетъ и темнѣетъ... Пора на ночевку. Но собрать собакъ послѣ охоты трудно. Долго и безнадежно-тоскливо звѣнать рога въ лѣсу, долго слышатся крикъ, брань и визгъ собакъ... Наконецъ, уже совсѣмъ въ темнотѣ, вваливается ватага охотниковъ въ усадьбу какого-нибудь почти незнакомаго холостяка-помѣщика и наполняетъ шумомъ весь дворъ усадьбы, которая озаряется фонарями, свѣчами и лампами, вынесенными навстрѣчу гостямъ изъ дому...

Случалось, что у такого гостепріимнаго сосѣда охота жила по нѣскольку дней. На ранней утренней зарѣ, по ледяному вѣтру и первому мокрому зазимку, уѣзжали въ лѣса и въ поле, а къ сумеркамъ опять возвращались, всѣ въ грязи, съ раскраснѣвшимися лицами, пропахнувъ лошадинымъ потомъ, шерстью затравленнаго звѣря, — и начиналась попойка. Въ свѣтломъ и людномъ домѣ очень тепло послѣ цѣлаго дня на холодѣ въ полѣ. Всѣ ходятъ изъ комнаты въ комнату въ разстегнутыхъ поддевкахъ, беспорядочно пьютъ и ѣдятъ, шумно передавая другъ другу свои впечатлѣнія надъ убитымъ матерымъ волкомъ, который, осканивъ зубы, закативъ гла-

за, лежигь съ откншутымъ на сторону пушистымъ хвостомъ среди залы и окрашивается своєю блѣдной и уже холодной кровью полъ. Послѣ водки и ѣды чувствуешь такую сладкую усталость, такую нѣгу молодого сна, что какъ черезъ воду слышишь говоръ. Обвѣтренное лицо горитъ, а закроешь глаза — вся земля такъ и поплыветъ подъ ногами. А когда ляжешь въ постель, въ мягкую перину, гдѣ-нибудь въ угловой старинной комнатѣ съ образничкой и лампадой, замелькаютъ передъ глазами призраки огнисто-пестрыхъ собакъ, во всемъ тѣлѣ заноеетъ ощущение скачки, и не замѣтишь, какъ потонешь вмѣстѣ со всеми этими образами и ощущениями въ сладкомъ и здоровомъ снѣ, забывъ даже, что эта комната была когда-то молельной старика, имя котораго окружено мрачными крѣпостными легендами, и что онъ умеръ въ этой молельной, вѣроятно, на этой же кровати.

Когда случалось проспать охоту, отдыхъ бывалъ особенно пріятенъ. Проснешься и долго лежишь въ постели. Во всемъ домѣ — тишина. Слышно, какъ осторожно ходитъ по комнатамъ садовникъ, растапливая печи, и какъ дрова трещать и стрѣляютъ. Впереди — цѣлый день покоя въ безмолвной уже по-зимнему усадьбѣ. Не сиѣша одѣнешься, побродишь по саду, найдешь въ мокрой листвѣ случайно забытое холодное и мокрое яблоко, и почему-то оно покажется необыкновенно вкуснымъ, совсѣмъ не такимъ, какъ другія. Потомъ примешься за книги, — дѣдовскія книги въ толстыхъ кожаныхъ переплетахъ, съ золотыми звѣздочками на сафьянныхъ корешкахъ. Славно нах-

путь эти, похожія на церковныя требники книги своей пожелтѣвшей, толстой шершавой бумагой! Какой-то пріятной кислотоватой плѣсенью, старинными духами... Хороши и замѣтки на ихъ поляхъ, крупно и съ круглыми мягкими росчерками сдѣланныя гусинымъ перомъ. Развернешь книгу и читаешь: „Мысль, достойная древнихъ и новыхъ философовъ, цвѣтъ разума и чувства сердечнаго“... И невольно увлечешься и самой книгой. Это — „Дворянинъ-философъ, аллегорія, изданная лѣтъ сто тому назадъ иждивеніемъ какого-то „кавалера многихъ орденовъ“ и напечатанная въ типографіи приказа общественаго призрѣнія, -- рассказъ о томъ, какъ „дворянинъ-философъ, имѣя время и способность разсуждать, къ чему разумъ человѣка возноситься можетъ, получилъ нѣкогда желаніе сочинить планъ свѣта на просторномъ мѣстѣ своего селенія“... Потомъ наткнешься на „сатирическія и философскія сочиненія господина Вольтера“ и долго упиваешься милымъ и манернымъ слогомъ перевода: „Государя мои! Эразмъ сочинилъ въ шестомнадцатомъ столѣтіи похвалу дурачеству (манерная пауза, — точка съ занятою); вы же приказываете мнѣ превознести предъ вами разумъ...“ Потомъ отъ екатерининской старины перейдешь къ романтическимъ временамъ, къ альманахамъ, къ сантиментально-напыщеннымъ и длиннымъ романамъ... Кукушка выскакиваетъ изъ часовъ и насмѣшливо-грустно кукуетъ надъ тобою въ пустомъ домѣ. И понемногу въ сердце начинается закрадываться сладкая и странная тоска...

Вотъ „Тайны Алексиса“, вотъ „Викторъ, или дитя въ лѣсу“: Бьетъ полночь! Священная тиши-

на заступаетъ мѣсто дневного шума и веселыхъ
шѣсенъ поселенъ. Сонъ простираетъ мрачныя
крылья свои надъ поверхностью нашего полу-
шарія; онъ стрясаетъ съ нихъ мракъ и мечты...
Мечты... Какъ часто продолжаютъ онѣ „токмо
страданія злощастнаго!..“ И замелькаютъ передъ
глазами любимыя старинныя слова: скалы и дуб-
равы, блѣдная луна и одиночество, привидѣнія и
призраки, „ероты“, розы и лиліи, „проказы и рѣз-
вости молодыхъ шалуновъ“, лилейная рука, Люд-
милы и Алины... А вотъ журналы съ именами
Жуковскаго, Батюшкова, лицеиста Пушкина. И съ
грустью вспомнишь бабушку, ея полонезы на кла-
викордахъ, ея томное чтеніе стиховъ изъ „Евге-
нія Онѣгина“. И старинная мечтательная жизнь
встанетъ передъ тобою... Хорошія дѣвушки и жен-
щины жили когда-то въ дворянскихъ усадьбахъ!
Ихъ портреты глядятъ на меня со стѣны, ари-
стократически-красивыя головки въ старинныхъ
прическахъ кротко и женственно опускаютъ свои
длинные рѣсницы на печальные и нѣжныя глаза...

IV.

Запахъ антоновскихъ яблокъ исчезаетъ изъ по-
вѣщичьихъ усадебъ. Эти дни были такъ недавно,
а межъ тѣмъ мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ
прошло чуть не цѣлое столѣтіе. Перемерли ста-
рики въ Выселкахъ, умерла Анна Герасимовна,
застрѣлился Арсеній Семенычъ... Наступаетъ цар-
ство мелкопомѣстныхъ, обѣднѣвшихъ до нищен-
ства. Но хороша и эта нищенская мелкопомѣст-
ная жизнь!

Вотъ я вижу себя снова въ деревнѣ, глубокой осенью. Дни стоятъ синеватые, пасмурные. Утромъ я сажусь въ сѣдло и съ одной собакой, съ ружьемъ и съ рогомъ уѣзжаю въ поле. Вѣтеръ взопитъ и гудитъ въ дуло ружья, вѣтеръ крѣпко дуетъ навстрѣчу, иногда съ сухимъ снѣгомъ. Цѣлый день я скитаюсь по пустымъ равнинамъ... Голодный и прозябшій, возвращаюсь я къ су- меркамъ въ усадьбу, и на душѣ становится такъ тепло и отрадно, когда замелькаютъ огоньки Вы- селокъ и потянетъ изъ усадьбы запахомъ дыма, жилья. Помню, у насъ въ домѣ любили въ эту пору „сумерничать“, не зажигать огня и вести въ полутемнотѣ бесѣды. Войдя въ домъ, я нахо- жу зимнія рамы уже вставленными, и это еще болѣе настраиваетъ меня на мирный зимній ладъ. Въ лакейской работникъ топить печку, и я, какъ въ дѣтствѣ, сажусь на корточки около вороха соломы, рѣзко пахнувшей уже зимней свѣжестью, и гляжу то въ пылающую печку, то на окна, за которыми, синѣя, грустно умираютъ сумерки. Потомъ иду въ людскую. Тамъ свѣтло и людно: дѣвки рубятъ капусту, мелькаютъ сѣчки, я слу- шаю ихъ drobный, дружный стукъ и дружные, печально-веселыя деревенскія пѣсни... Иногда за- ѣдетъ какой-нибудь мелкопомѣстный сосѣдъ и на- долго увезетъ меня къ себѣ... Хороша и мелко- помѣстная жизнь!

Мелкопомѣстный встаетъ рано. Крѣпко потя- нувшись, поднимается онъ съ постели и крутитъ толстую папиросу изъ дешеваго, чернаго табаку или просто изъ махорки. Блѣдный свѣтъ рання- го ноябрьскаго утра озаряетъ простой, съ голы-

ми стѣнами кабинета, желтыя и заскорузлыя
шкурки лисицы надъ кроватью и коренастую фи-
гуру въ шароварахъ и распоясанной косоворот-
кѣ, а въ зеркалѣ отражается заспанное лицо та-
тарскаго склада. Въ полутемномъ, тепломъ до-
мѣ мертвая тишина. За дверью въ коридорѣ по-
храпываетъ старая кухарка, жившая въ господ-
скомъ домѣ еще дѣвчошкою. Это, однако не мѣ-
шаетъ барину хрипло крикнуть на весь домъ:

— Лукерья! Самоваръ!

Потомъ, надѣвъ сапоги, накинувъ на плечи под-
девку и не застегивая ворота рубахи, онъ выхо-
дитъ на крыльцо. Въ запертыхъ сѣняхъ пахнетъ
псиной; лѣниво потягиваясь, съ визгомъ зѣвая и
улыбаясь, окружаютъ его гончія.

— Отрыжь! — медленно, снисходительнымъ ба-
сомъ говорить онъ и черезъ садъ идетъ на гум-
но. Грудь его широко дышитъ рѣзкимъ возду-
хомъ зари и запахомъ озябшаго за ночь, обна-
женнаго сада. Свернувшіеся и почернѣвшіе отъ
мороза листья шуршатъ подъ сапогами въ бе-
резовою аллею, вырубленную уже наполовину. Вы-
рисовываясь на низкомъ сумрачномъ небѣ, спятъ
нахохленные галки на гребнѣ риги... Славный бу-
детъ день для охоты! И, остановившись среди
аллеи, баринъ долго глядитъ въ осеннее поле, на
пустынные, зеленыя озими, по которымъ бродятъ
телята. Двѣ гончія суки повизгиваютъ около его
ногъ, а Заливай уже за садомъ: перепрыгивая по
колкимъ жнивьямъ, онъ какъ будто зоветъ и
просится въ поле. Но что сдѣлаешь теперь съ
гончими? Звѣрь теперь въ полѣ, на взметахъ,
на чернотропѣ, а въ лѣсу онъ боится, потому

что въ лѣсу вѣтеръ шумитъ листовою... Охъ, каковы борзья!

Въ ригѣ начинается молотба. Медленно расходясь, гудитъ барабанъ молотилки. Лѣниво натягивая постромки, упираясь ногами по навозному кругу и качаясь, идутъ лошади въ приводѣ. Посреди привода, вращаясь на скамеечкѣ, сидитъ погонщикъ и одногласно покрикиваетъ на нихъ, всегда хлестая кнутомъ только одного бураго мерина, который лѣнивѣе всѣхъ и совсѣмъ спитъ на ходу, благо глаза у него завязаны.

— Ну, ну, дѣвки, дѣвки! — строго кричитъ степенный подавальщикъ, облачаясь въ широкую холщевую рубаху.

Дѣвки торопливо разметають токъ, бѣгаютъ съ носилками, метлами.

— Съ Богомъ! — говоритъ подавальщикъ, и первый пукъ старновки, пущенной на пробу, съ жужжаньемъ и визгомъ пролетаетъ въ барабанъ и растрепаннымъ вѣеромъ возносится изъ-подъ него кверху. А барабанъ гудитъ все настойчивѣе, работа закипаетъ, и скоро всѣ звуки сливаются въ общій пріятный шумъ молотбы. Баринъ стоитъ у воротъ риги и смотритъ, какъ въ ея темнотѣ мелькають красные и желтые платки, руки, грабли, солома, и все это мѣрно двигается и суетится подъ гулъ барабана и однообразный крикъ и свистъ погонщика. Хоботье облаками летитъ къ воротамъ. Баринъ стоитъ, весь посѣрѣвшій отъ него. Часто онъ поглядываетъ въ поле... Скоро-скоро забѣлѣють поля, скоро покроетъ ихъ зазимокъ...

Зазимокъ, первый снѣгъ! Борзыхъ нѣтъ, охо-

титься въ ноябрѣ не съ чѣмъ; но наступаетъ зима, начинается „работа“ съ гонимы. И вотъ опять, какъ въ прежнія времена, связываются мелкопомѣстные другъ къ другу, пьютъ на послѣднія деньги, по бѣлымъ днямъ пропадаютъ въ снѣжныхъ поляхъ. А вечеромъ на какомъ-нибудь глухомъ хуторѣ далеко свѣтятся въ темнотѣ зимней ночи окна флигеля. Тамъ, въ этомъ маленькомъ флигелѣ, плаваютъ клубы дыма, тускло горятъ сальныя свѣчи, настраивается гитара...

На сумерки буень вѣтеръ загулялъ,
Широки мои ворота растворялъ—

начинаетъ кто-нибудь грудымъ теноромъ. И прочіе нескладно, прикидываясь, что они шутятъ, подхватываютъ съ грустной, безнадежной удалью:

Широки мои ворота растворялъ,
Бѣлымъ снѣгомъ путь-дорогу заметалъ...

1900.

Надъ городомъ.

Глядя на колокольню снизу, съ церковнаго двора, мы сами чувствовали, до чего мы еще малы, и было жутко немного, потому что облака въ ясномъ весеннемъ небѣ медленно уходили отъ насъ, а высокая бѣлая колокольня, суживаясь кверху и блестя золотымъ крестомъ, подъ облаками медленно, плавно валилась на церковный дворъ — и крестъ былъ похожъ на человѣчка съ распротертыми руками... Потомъ мы вперегонки кидались къ узкой двери въ колокольню.

Длинная, почти отвѣсная лѣстница тотчасъ же за дверью терялась въ темнотѣ. Въ темнотѣ, стиснутые холодными кирпичными стѣнами, храбро лѣзли мы другъ за другомъ впередъ. Свѣтъ, какъ мы знали, долженъ былъ открыться внезапно — и, правда, скоро впереди мелькалъ проблескъ. Еще нѣсколько шаговъ, поворотъ — и мы въ низкомъ помѣщеніи, блѣдно озаренномъ рѣшетчатымъ окномъ. Надъ головой — тяжелый накатъ изъ бревень, перекрещивающіяся въ пыли и паутинѣ балки, на полу — цѣлые вороха известковаго птичьяго помета, изогнутая мѣдная купель среди кирпичей и мусора, суздальскія облупившіяся иконы, кадило съ оборванными цѣвнями...

Черничка-галка, съ пухомъ въ клювъ, сидитъ на подоконникѣ и выжидательно коситъ однимъ глазомъ. Таинственно въ этой старой кладовкѣ! По осматриваться некогда. Голоса и топотъ ногъ опередившихъ насъ раздаются уже надъ нами, звонко и весело, какъ всегда весной въ колокольнѣ. И, кинувъ нѣсколько быстрыхъ взглядовъ на мусоръ и балки, мы спѣшили по темнымъ изломамъ лѣстницъ дальше...

Вотъ, наконецъ, и первый пролетъ: сразу стало свѣтло, просторно, въ арки широко видно небо. Внизу—церковный дворъ, мощный камень, красная крыша сторожки въ углу ограды и береза у желѣзныхъ воротъ... Хорошо глядѣть на все это сверху—видѣть у себя подъ ногами верхушку березы! Съ высоты все кажется красивѣе, меньше; дворъ послѣ весеннихъ дождей сталъ бѣль, опрятенъ, между его высохшими плитами пробивается первая травка, а верхушка березы закудрявилась легкими, прозрачными кружевами зелени, необыкновенно нѣжной и свѣжей. И какъ тепло! Выйдетъ солнце изъ-за облака—чувствуешь на лицѣ горячую ласку свѣта. Воробьи на березѣ задорно зачиликаютъ въ этомъ блескѣ, извозчикъ, проѣзжающій мимо, хлестнетъ лошаадь, —и совсѣмъ по-лѣтнему затрещатъ по мостовой колеса...

— Идите сюда! — раздается чей-то крикъ сверху. И, переглянувшись, мы устремляемся къ гнилой и крутой лѣстницѣ во второй ярусъ, болѣе узкій и какъ будто болѣе зыбкій, чѣмъ первый, и снова попадаемъ въ полутемныя нѣдра колокольни, раздѣленные бревенчатыми потолками.

Опять грубый и беспорядочный видъ балокъ и лѣстницъ, мѣшающихся въ сумракѣ; опять холодокъ и запахъ кирпичныхъ стѣнъ... Всюду запустѣніе старой башни, все велико, покрыто пылью и птичьимъ пометомъ... Лѣстницы, подъ которыми валялись кирпичи и бревна, были шатки, колѣни у насъ дрожали, сердце учащенно билось; но въ узкія окошечки возлѣ лѣстницы мы видѣли лазурь, высоту, къ которой стремились. На подоконникахъ, на лѣстницахъ и балкахъ сидѣли сытые голуби, сизые и „жаркіе“, и такъ какъ мы уже чувствовали себя въ одномъ мѣрѣ съ ними, то намъ было очень жаль, что они такъ поспѣшно, пугая и себя и насъ, разсыпались куда пошло при нашемъ приближеніи, торопливо хлопая свистящими крыльями. Это, впрочемъ, не мѣшало имъ тотчасъ же опускаться на другія лѣстницы и снова начинать гулкое, сердито-ласковое воркованье, топчась на одномъ мѣстѣ съ раздувающимися зобами. А въ одномъ углу сидѣла на яйцахъ бѣлая голубка—и съ какимъ любопытствомъ мы смотрѣли на нее сверху! Тутъ было совсѣмъ почти темно, только въ длинное и узкое окошечко голубой лентой сіяло небо...

— Васька идетъ! — радостно говорилъ кто-нибудь изъ насъ, заглянувъ въ это окошечко и увидавъ подъ колокольной звонаря Ваську. И тогда мы еще болѣе ускоряли шаги, чтобы поспѣть къ звону. Ощущеніе высоты было уже очень сильно, когда мы выскакивали во второй пролетъ. Но нужно было сдѣлать еще шаговъ тридцать, къ колоколамъ, въ третій ярусъ. Мелькомъ мы заглядывали внизъ — и не узнавали березы у ограды:

такъ мала и низка стала она! Теперь даже огромный куполь церкви былъ наравнѣ съ нами, а подь нимъ—разноцвѣтныя крыши города, сбѣгающаго къ рѣкѣ, улицы и переулки межъ ними, грязные дворы, сады и пустоши... Вонъ во дворѣ чиновника баба развѣшиваетъ бѣлье по веревкѣ; вонъ мѣщанинъ, въ жилеткѣ и ситцевой рубашкѣ, выходитъ изъ тесоваго, похожаго на собачій, домика возлѣ сарая; рядомъ, на почтовомъ дворѣ, лѣнливо бродятъ съ хомутами въ рукахъ ямщики, запрягая двухъ одровъ въ телѣжку; а вонъ скучные каменные дома купца-богача близъ базарной площади, на скатѣ которой, надъ мелкой рѣкой, стоитъ старый приземистый соборъ съ синимъ куполомъ въ бѣлыхъ звѣздахъ... Улицы пусты,—всѣ эти мѣщане, купцы, старухи и молодыя кружевницы сидятъ по своимъ домишкамъ и, должно-быть, не знаютъ, какой просторъ зеленыхъ полей развертывается вокругъ города; а мы вотъ знаемъ и побѣжимъ еще выше, гдѣ уже совсѣмъ жутко, особенно когда подумаешь, что приближаешься къ самому шпигу колокольни, сіяющей надъ городомъ своимъ золотымъ крестомъ...

Теперь дѣтство кажется мнѣ далекимъ сномъ, но до сихъ поръ мнѣ пріятно думать, что хоть иногда поднимались мы надъ мѣщанскимъ захолустьемъ, которое угнетало насъ длинными днями и вечерами, хожденіемъ въ училище, гдѣ гибло наше дѣтство, полное мечтами о путешествіяхъ, о героизмѣ, о самоотверженной дружбѣ, о птицахъ, растеніяхъ и животныхъ, о завѣтныхъ книгахъ! Птицы любятъ высоту, — и мы стреми-

лись къ ней. Матери говорили, что мы растемъ, когда видимъ во снѣ, что летаемъ, — и на колокольнѣ мы росли, чувствовали за своими плечами крылья... Когда мы, запыхавшись, одолѣвали наконецъ послѣдній ярусъ колокольни, мы видѣли вокругъ себя только лазурь да волнистую степь. Городъ, какъ пестрый планъ, лежалъ далеко подъ нами, маленькій и скученный, а въ сердцахъ у насъ было то, что должны испытывать на полетѣ ласточки. Въ ожиданіи Васьки затѣвали мы драки, бѣгали другъ за другомъ, стуча сапогами подъ мѣдными шлемами колоколовъ, и громко кричали въ нихъ, возбуждая въ мѣди эхо. Пробираясь по лѣсенкѣ среди веревокъ, привязанныхъ за колокольные языки, къ главному колоколу, украшенному барельефами херувимовъ и надписью, какой купецъ отливалъ его, мы по очереди ударяли въ края колокола: ударишь и слушаешь — и кажется, что гдѣ-то далеко идетъ пѣвучій благовѣстъ къ ранней обѣднѣ! И однажды, поднявшись на верхнюю ступеньку, вдругъ увидалъ я на колоколѣ барельефный ликъ строгаго и прекраснаго Ангела Великаго Совѣта и прочиталъ сильное и краткое велѣніе: „Благовѣствуй землѣ радость велию...“

Какъ поразила меня даже въ то время эта надпись! Благовѣствовать взбирался на колокольню дурачекъ Васька; но даже эта жалкая фигура не мѣшаетъ мнѣ вспоминать предвечернее время весенняго дня, ясное небо въ аркахъ колокольни и ту могучую дрожь, которой гудѣла вершина колокольни вмѣстѣ со всѣми нами, когда, послѣ долгихъ раскачиваній била, Васька оглушалъ насъ

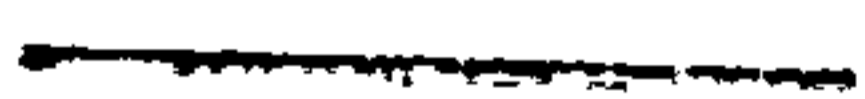
Ив. Бунинъ.

первымъ ударомъ, спугивалъ голубей со всѣхъ карнизовъ и уже весь отдавался любимому дѣлу, утопая въ звонкомъ и непрерывномъ гудѣнїи мѣди. Отъ этого гудѣнья у насъ верезжало въ ушахъ, во всемъ тѣлѣ; казалось, что вся колокольная съ вершины до основанія полна голосовъ, гула и пѣнїя. Не спуская глазь съ мотающихся рукъ Васьки, стояли мы, охваченные восторгомъ передъ гигантской силой звуковъ, замирая отъ захватывающей духъ гордости, точно сами мы были участниками въ возвышенномъ назначенїи колокола благовѣствовать радость. Затерявшїеся въ звукахъ, мы какъ будто сами носились по воздуху вмѣстѣ съ ихъ разливающимися волнами и ждали только одного -- чтобы поскорѣе отвѣтилъ своимъ низкимъ басомъ соборный колоколь, и чтобы Васька, въ волненїи соревнованїя, поднялся съ лѣстницы во весь ростъ и уже изо всѣхъ силъ ударилъ звониломъ. Боже, какой трезвонъ начинался тогда надъ нашимъ убогимъ мѣстечкомъ и какъ мечталъ я хоть когда-нибудь побывать на мѣстѣ Васьки!

Странное желанїе это и теперь иногда посѣщаетъ меня. Отдыхая порой въ городишкѣ, гдѣ протекло мое отрочество, я вспоминаю эту чули не единственную его радость -- нашу колокольную. Сидя въ лѣтніе вечера подъ окномъ, я слышаю зачинающїйся въ разныхъ концахъ города перепутывающїйся и мѣрно дрожащїй гулъ колоковъ, и этотъ гулъ погружаетъ меня въ думу о томъ, какъ протекаютъ тысячи тысячъ нашихъ жизней. Товарищи моихъ дѣтскихъ дней, тѣ, что безмечно играли когда-то въ лодыжки подъ за-

борами, тѣ, которымъ дѣтство сулило такъ много,—гдѣ они? А матери и отцы ихъ, уже сгорбленные и пригнутые къ землѣ страданіями и близостью смерти, плетутся съ желтыми восковыми свѣчами въ рукахъ предъ алтарь Бога, Который всегда казался имъ жестокимъ и карающимъ, требующимъ вѣчныхъ покаянныхъ слезъ и вздоховъ... И мнѣ вспоминается далекое время, когда Васька такъ звучно и тяжело ударялъ въ большой колоколь. Я мысленно взбираюсь на колокольню и уже въ свои руки беру веревку, привязанную къ колокольному билу. Трудно раскачивать его, но нужно раскачивать сильнѣе, чтобы съ перваго же удара дрогнулъ воздухъ. А когда отвѣтятъ другіе колокола, нужно позабыться, затеряться въ бурныхъ звукахъ и хотъ на мгновение повѣрить и напомнить людямъ, что „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ!“

1900 г.

Эпитафія.

За крайней избой нашей стеной деревушки пропадала во ржи наша прежняя дорога къ городу. И у дороги, въ хлѣбахъ, при началѣ уходившаго къ горизонту моря колосьевъ, стояла бѣлоствольная и развѣсистая, плакучая береза. Глубокія колеи дороги зарастали травой съ желтыми и бѣлыми цвѣтами, береза была исклѣнена степнымъ вѣтромъ, а подъ ея легкой, сквозной сѣнью уже давнымъ-давно возвышался ветхій, сѣрый голубецъ, — крестъ съ треугольной тесовой кровелькой, подъ которой хранилась отъ непогодъ суздальская икона Божіей Матери.

Шелковисто-зеленое, бѣлоствольное дерево въ золотыхъ хлѣбахъ! Когда-то тотъ, кто первый пришелъ на это мѣсто, поставилъ на своей десятинѣ крестъ съ кровелькой, призвалъ попа и освятилъ „Покровъ Пресвятыя Богородицы“. И съ тѣхъ поръ старая икона дни и ночи охраняла старую стеноую дорогу, незримо простирая свое благословеніе на трудовое крестьянское счастье. Въ дѣтствѣ мы чувствовали страхъ къ сѣрому кресту, никогда не рѣшались взглянуть подъ его кровельку, одиѣ ласточки смѣли залетать туда и даже вить тамъ гнѣзда. Но и

благоговѣніе чувствовали мы къ нему, потому что слышали, какъ наши матери шептали въ темныя осеннія ночи:

— Пресвятая Богородица, защити насъ Покровомъ Твоимъ!

Осень приходила къ намъ свѣтлая и тихая, такъ мирно и спокойно, что, казалось, конца не будетъ яснымъ днямъ. Она дѣлала дали нѣжно-голубыми и глубокими, небо чистымъ и кроткимъ. Тогда можно было различить самый отдаленный курганъ въ степи, на открытой и просторной равнинѣ желтаго жнивья. Осень убирала и березу въ золотой уборъ. А береза радовалась и не замѣчала, какъ недолговѣченъ этотъ уборъ, какъ листокъ за листкомъ осыпается онъ, пока, наконецъ, не оставалась вся раздѣтая на его золотистомъ коврѣ. Очарованная осенью, она была счастлива и покорна, и вся сіяла, озаренная изъ-подъ низу отсвѣтомъ сухихъ листьевъ. А радужныя паутинки тихо летали возлѣ нея въ блескъ солнца, тихо садились на сухое, колкое жнивье... И народъ называлъ ихъ красиво и нѣжно — „пряжей Богородицы“.

Зато жутки были дни и ночи, когда осень сбрасывала съ себя кроткую личину. Безпощадно трепалъ тогда вѣтеръ обнаженные вѣтви березы! Избы стояли нахохлившись, какъ куры въ непогоду, туманъ въ сумерки низко бѣжалъ по голымъ равнинамъ, волчьи глаза свѣтились ночью на задворкахъ. Нечистая сила часто скидывается ими, и было бы страшно въ такія ночи, если бы за околицей деревни не было стараго голубца. А съ начала ноябрю и до апрѣля бури неустанно за-

носили снѣгами и поля, и деревню, и березу по самый голубецъ. Бывало, выглянешь изъ сѣней въ поле, а жесткая выюга свиститъ подъ голубцомъ, дымится по острымъ сугробамъ и со стономъ проносится по равнинѣ, замата на бѣгу слѣды по ухабистой дорогѣ. Заблудившійся путникъ съ надеждой крестился въ такую пору, за видѣвъ въ дыму мятели торчащій изъ сугробовъ крестъ, зная, что здѣсь бодрствуетъ надъ дикою снѣжной пустыней сама Царица Небесная, что охраняетъ Она свою деревню, свое мертвое до поры, до времени поле.

Поле долго было мертвымъ, но степные люди были прежде выносливы. И вотъ, наконецъ, крестъ начиналъ выростать изъ осѣдающихъ сѣрыхъ снѣговъ. Обтаивала и горбатая унавоженная дорога, наступали теплые и густые мартовскіе туманы. Отъ тумановъ и дождей чернѣли и дымились въ сумрачные дни крыши избъ... Потомъ туманы сразу смѣнялись солнечными днями. И все снѣжное поле насыщалось водою, растоплялось и, растопленное, блистало подъ солнцемъ, дрожа безчисленными ручьями. Въ одинъ-два дня степь принимала новый видъ: по-весеннему темнѣли равнины, окаймленные блѣдно-синевадой далью. Выпускали шершавый скоть изъ хлѣвовъ; обезсилившія за зиму лошади и коровы бродили и лежали на выгонѣ, а галки садились на ихъ худыя спины и дергали клювами шерсть для своихъ гнѣздъ. Но дружная весна къ хорошимъ кормамъ, — скоть отгуляется по теплымъ росамъ! Уже пѣли жаворонки въ ясные полдни, уже мальчишки-настухи загорали отъ вѣтровъ и солнца,

которые просушивали землю. Когда же обмы-
валъ ее весенній дождь и пробуждалъ первый
громъ, Господь благословлялъ въ тихія звѣздныя
ночи расти хлѣбамъ и травамъ, и, успокоенная
за свои нивы, кротко глядѣла изъ голубца старая
икона. Тонко пахло въ чистомъ ночномъ возду-
хѣ зелеными, мирно было въ степи, тихо въ тем-
ной деревнѣ, гдѣ уже не вздували огня съ Бла-
говѣщенья, и замирали по вечерней зарѣ пѣсни
дѣвушекъ, прощавшихся со своими обрученными
подругами.

А потомъ все мѣнялось не по днямъ, а по ча-
самъ. Зеленѣлъ выгонъ, зеленѣли ветлы передъ из-
бами, зеленѣла береза... Шли дожди, протекали
жаркіе юньскіе дни, зацвѣтали цвѣты, наступали
веселые сѣнокосы... Помню, какъ мягко и безза-
ботно шумѣлъ лѣтній вѣтеръ въ шелковистой ли-
ствѣ березы, путая эту листву и склоняя до са-
мыхъ колосьевъ тонкія, гибкія вѣтви; помню сол-
нечное утро на Троицу, когда даже бородатые
мужики, какъ истые потомки русичей, улыбались
изъ-подъ огромныхъ березовыхъ вѣнковъ; по-
мню грубыя, но могучія пѣсни на Духовъ день, ко-
гда мы съ закатомъ уходили въ ближній дубовый
лѣсокъ и тамъ варили кашу, разставляли ее въ
черепкахъ по холмикамъ и „молили кукушку“
быть милостивою вѣщуньей; помню „игры солн-
ца“ подъ Петровъ день, помню величальныя пѣс-
ни и шумныя свадьбы, помню трогательныя мо-
лебны передъ кроткой Заступницей всѣхъ скор-
бящихъ,—въ полѣ, подъ открытымъ небомъ...

Жизнь не стоитъ на мѣстѣ, — старое уходитъ,
и мы провожаемъ его часто съ великой грустью.

Да, но не тѣмъ ли и хороша жизнь, что она пребываетъ въ неустанномъ обновленіи? Дѣтство миновало. Потянуло насъ заглянуть дальше того, что мы видѣли за околицей деревни, тѣмъ сильнѣе потянуло, что и деревня становилась все скучнѣй, и береза уже не такъ густо зеленѣла весной, и крестъ у дороги ветшалъ, и люди истощили поле, которое охранялъ онъ. И такъ какъ бѣда не ходитъ одна, то само небо, казалось, стало гнѣваться на людей. Знойные и сухіе вѣтры разгоняли тучи, подымая вихри по дорогѣ, солнце нещадно палило хлѣба и травы. Подсыхали до срока тощіе ржи и овсы. Было больно смотрѣть на нихъ, потому что нѣтъ ничего печальнѣе и смиреннѣе тощей ржи. Какъ безпомощно склоняется она отъ горячаго вѣтра легкими пустыми колосьями, какъ сиротливо шелеститъ! Сухая пашня сквозитъ между ея стеблями, видны среди нихъ сухіе васильки... И дикая серебристая лебеда, предвѣстница запустѣнія и голода, заступаетъ мѣсто тучныхъ хлѣбовъ у старой проселочной дороги. Нищіе и слѣпые все чаще стали съ жалобными припѣвами обходить деревню. А деревня безмолвно стояла на припекѣ — равнодушная, печальная.

Тогда, точно въ горести, потемнѣлъ отъ пыльныхъ вѣтровъ кроткій ликъ Богоматери. Проходили годы,— Она казалась безучастной къ судьбѣ своего поля. И люди мало-по-малу стали уходить по дорогѣ къ городу, уходить въ далекую Сибирь. Они продавали свой скудный скарбъ, забивали досками окна избъ, запрягали лошадей

и навсегда уходили изъ деревни на поиски новаго счастья. И деревня опустѣла.

— Ни души! — сказалъ вѣтеръ, облетѣвъ всю деревню и закрутивъ въ безцѣльномъ удалствѣ пыль на дорогѣ.

Но береза не отвѣтила ему, какъ отвѣчала прежде. Она слабо зашевелила вѣтвями и опять задремала. Она уже знала, что выгонъ въ деревнѣ заросъ высокой сорной травой, что глухая крапива поднялась у пороговъ, что полынь серебрится на полураскрытыхъ крышахъ. Степь вокругъ была мертва, а десятокъ уцѣлѣвшихъ избъ можно было издалека принять за кибитки кочевниковъ, покинутыя въ полѣ послѣ битвы или чумы. И голубецъ уже покосился подъ березой, на верхушкѣ которой торчали сухіе бѣлые сучья. Теперь, въ сумерки, когда за темными полями слабо алѣлъ закатъ, ночевали на ней только грачи да вороны, которые немало видѣли перемѣнъ на этомъ свѣтѣ...

Вотъ новые люди стали появляться на степи. Все чаще приходятъ они по дорогѣ изъ города и располагаются станомъ у деревни. Ночью они жгутъ костры, разгоняя темноту, и тѣни далеко убѣгаютъ отъ нихъ по дорогамъ. Съ разсвѣтомъ они выходятъ въ поле и длинными буравами сверлятъ землю. Вся окрестность чернѣетъ кучами, точно могильными холмами. Люди безъ сожалѣнія топчутъ рѣдкую рожь, еще вырастающую кое-гдѣ безъ сѣва, безъ сожалѣнія закидываютъ ее землею, потому что ищутъ они источниковъ новаго счастья, — ищутъ ихъ уже въ нѣдрахъ земли, гдѣ таятся талисманы будущаго...

Руда! Можетъ быть, скоро задымятъ здѣсь трубы заводовъ, лягутъ крѣпкіе желѣзные пути на мѣстѣ старой дороги и поднимется городъ на мѣстѣ дикой деревушки. И то, что освящало здѣсь старую жизнь — сѣрый, упавшій на землю крестъ будетъ забытъ всѣми... Чѣмъ-то освятятъ новые люди свою новую жизнь? Чье благословеніе призовутъ они на свой бодрый и шумный трудъ?

1900 г.

Въ полѣ.

I.

Тѣмнѣетъ, къ ночи поднимается вьюга...

Завтра Рождество, большой веселый праздникъ, и отъ этого еще грустиѣе кажутся непогожія сумерки, безконечная глухая дорога и поле, утопающее во мглѣ поземки. Небо все ниже нависаетъ надъ нимъ; слабо брезжить синевато-свинцовый свѣтъ угасающаго дня, и въ туманной дали уже начинаютъ появляться тѣ блѣдные неуловимые огоньки, которые всегда мелькаютъ передъ напряженными глазами путника въ зимнія степныя ночи...

Кромѣ этихъ зловѣщихъ таинственныхъ огоньковъ, въ полуверстѣ ничего не видно впереди. Хорошо еще, что морозно, и вѣтеръ легко сдуваетъ съ дороги жесткій снѣгъ. Но зато онъ бьетъ имъ въ лицо, засыпаетъ съ шипѣньемъ придорожныя дубовыя вѣшки, отрываетъ и уноситъ въ дыму поземки ихъ почернѣвшіе, сухіе листья, и, глядя на нихъ, чувствуешь себя затеряннымъ въ пустынь, среди вѣчныхъ сѣверныхъ сумерекъ...

Въ полѣ, далеко отъ большихъ проѣзжихъ пу-

тей, далеко отъ большихъ городовъ и желѣзныхъ дорогъ, стоитъ хуторъ. Даже деревушка, которая когда-то была возлѣ самаго хутора, гнѣздится теперь верстахъ въ пяти отъ него. Хуторъ этотъ господа Баскаковы много лѣтъ тому назадъ наименовали Лучезаровкой, а деревушку — Лучезаровскими Двориками.

Лучезаровка! Шумить, какъ море, вѣтеръ во-кругъ нея, и на дворѣ, по высокимъ бѣлымъ сугробамъ, какъ по могильнымъ холмамъ, курится поземка. Эти сугробы окружены далеко другъ отъ друга разбросанными постройками: господскимъ домомъ, „каретнымъ“ сараемъ и „людской“ избой. Всѣ постройки на старинный ладъ — низкія и длинныя. Домъ обшитъ тесомъ; передній фасадъ его глядитъ во дворъ только тремя маленькими окнами; крыльца — съ навѣсами на столбахъ; большая соломенная крыша почернѣла отъ времени. Была такая же и на людской, но теперь остался только скелетъ этой крыши и узкая, кирпичная труба возвышается надъ нимъ, какъ длинная шея...

И кажется, что усадьба вымерла: никакихъ признаковъ человѣческаго жилья, кромѣ начатаго омета возлѣ сарая, ни одного слѣда на дворѣ, ни одного звука людской рѣчи! Все забито снѣгомъ, все спитъ безжизненнымъ сномъ подъ напѣвы степного вѣтра, среди зимнихъ полей. Волки бродятъ по ночамъ около дома, приходятъ изъ луговъ по саду къ самому балкону.

Когда-то... Впрочемъ, кто не знаетъ, что было „когда-то“! Теперь числится при Лучезаровкѣ уже всего-на-всего двадцать восемь десятинъ

распахнутой и четыре десятины усадебной земли. Въ городъ переселилась семья Якова Петровича Баскакова: Глафира Яковлевна замужемъ за землемѣромъ, и почти круглый годъ живетъ у нея и Софья Павловна. Но Яковъ Петровичъ — старый степнякъ. Онъ на своемъ вѣку прогулялъ въ городѣ нѣсколько имѣній, но не пожелалъ кончать тамъ „последнюю треть жизни“, какъ выражался онъ о человѣческой старости. При немъ живетъ его бывшая крѣпостная, говорливая и крѣпкая старуха Дарья; она няньчила всѣхъ дѣтей Якова Петровича и навсегда осталась при баскаковскомъ домѣ. Кромѣ нея, Яковъ Петровичъ держитъ еще работника, замѣняющаго кухарку: кухарки не живутъ въ Лучезаровкѣ больше двухъ-трехъ недѣль.

— Тотъ-то у него будетъ жить! — говорятъ онъ. — Тамъ отъ одной тоски сердце изнаетъ!

Поэтому-то и замѣняетъ ихъ Судакъ, мужикъ изъ Двориковъ. Онъ человѣкъ лѣнивый и неуживчивый, но тутъ ужился. Возить воду съ пруда, топить печи, варить „хлебово“, мѣсить рѣзку бѣлому мерину и курить по вечерамъ съ бариномъ махорку — невеликъ трудъ.

Землю Яковъ Петровичъ всю сдаетъ мужикамъ, домашнее хозяйство его чрезвычайно несложно. Прежде, когда въ усадьбѣ стояли амбары, скотный дворъ и рига, усадьба еще походила на человѣческое жилище. Но на что нужны амбары, рига и скотные дворы при двадцати восьми десятинахъ, заложенныхъ, перезаложенныхъ въ банкъ? Благоразумиѣе было ихъ продать и хоть нѣкоторое время пожить на нихъ веселѣе, чѣмъ

обыкновенно. И Яковъ Петровичъ продалъ сперва ригу, потомъ амбары, а когда употребилъ на топку весь верхъ со скотнаго двора, продалъ и каменные стѣны его. И неуютно стало въ Лучезаровкѣ! Жутко было бы среди этого разореннаго гнѣзда даже Якову Петровичу, такъ какъ отъ голода и холода Дарья имѣла обыкновеніе на всѣ большіе зимніе праздники уѣзжать въ село къ племяннику, саножнику, но къ зимѣ Якова Петровича выручалъ его другой, болѣе вѣрный другъ.

— Селямъ алекюмъ! — раздавался старческій голосъ въ какой-нибудь хмурый день въ „дѣвичьей“ лучезаровскаго дома.

Какъ оживлялся при этомъ, знакомомъ съ самой крымской кампаніи, татарскомъ привѣтствіи Яковъ Петровичъ! У порога почтительно стоялъ и, улыбаясь, раскланивался маленькій, съдой человекъ, уже разбитый, хилый, но всегда бодрящійся, какъ всѣ бывшіе дворовые люди. Это прежній денщикъ Якова Петровича, Ковалевъ. Сорокъ лѣтъ прошло со времени крымской кампаніи, но каждый годъ онъ является передъ Яковомъ Петровичемъ и привѣтствуетъ его тѣми словами, которыя напоминаютъ имъ обоимъ Крымъ, охоты на фазановъ, ночевки въ татарскихъ сакляхъ...

— Алекюмъ селямъ! — весело восклицалъ и Яковъ Петровичъ. — Живъ?

— Да вѣдь севастиопольскій герой-то, — отвѣчалъ Ковалевъ.

Яковъ Петровичъ съ улыбкой осматривалъ его тулупъ, крытый солдатскимъ сукномъ, старень-

кую поддевочку, въ которой Ковалевъ казался сѣденькимъ мальчикомъ, поярковые валенки, которыми онъ такъ любилъ похвастать, потому что они поярковые...

— Какъ васъ Богъ милуетъ? — спрашивалъ Ковалевъ.

Яковъ Петровичъ осматривалъ и себя. И онъ все такой же: плотная фигура, сѣдая, стриженная голова, сѣдые усы, добродушное, безпечное лицо съ маленькими глазами и „польскимъ“ бритымъ подбородкомъ, эспаньолка...

— Байбакъ — еще — шутилъ въ отвѣтъ Яковъ Петровичъ. — Ну, раздѣвайся, раздѣвайся! Гдѣ пропадалъ? Удиль, огородничалъ?

— Удиль, Яковъ Петровичъ. Тамъ посуды покойной водой унесло пылѣшній годъ — и не приведи Господи!

— Значить, опять въ блиндажахъ сидѣль?

— Въ блиндажахъ, въ блиндажахъ...

— А табакъ есть?

— Есть маленько.

— Ну, садись, давай завертывать.

— Какъ Софья Павловна?

— Въ городѣ. Я былъ у ней недавно, да удраля скоро. Тутъ скука смертная, а тамъ еще хуже. Да и зятекъ мой любезный... Ты знаешь, какой человекъ! Ужаснѣйшій холопъ, интересанъ!

Изъ хама не сдѣлаешь пана!

— Не сдѣлаешь, братъ... Ну да чортъ съ нимъ!

— Какъ ваша охота.

— Да все пороху, дроби нѣту. На-дняхъ разжился, пошелъ, приниошь одного косолобаго...

Ихъ пылѣшній годъ страсть!

— Про то и толкъ-то. Завтра чѣмъ свѣтъ зальемся.

— Обязательно.

— Я тебѣ, ей-Богу, отъ души радъ!

Ковалевъ усмѣхался.

— А шашки цѣлы? — спрашивалъ онъ, свернувъ цыгарку и подавая Якову Петровичу.

— Цѣлы, цѣлы. Вотъ давай обѣдать и срѣжемся!

II.

Темнѣетъ. Наступаетъ предпраздничный вечеръ.

Разыгрывается на дворѣ мятель, все больше заноситъ снѣгомъ окошко, все холоднѣе и сумрачнѣе становится въ „дѣвичьей“. Это старинная комнатка съ низкимъ потолокомъ, съ бревенчатыми, черными отъ времени стѣнами и почти пустая: подъ окномъ длинная лавка, около лавки, простой деревянный столъ, у стѣны комодъ, въ верхнемъ ящикѣ котораго стоятъ тарелки. Дѣвичьей по справедливости она называлась уже давнымъ-давно, лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ, когда тутъ сидѣли и плели кружева дворовыя дѣвки. Теперь дѣвичья — одна изъ жилыхъ комнатъ самого Якова Петровича. Одна половина дома, окнами во дворъ, состоитъ изъ дѣвичьей, лакейской и кабинета среди нихъ; другая, окнами въ вишневыя садъ, — изъ гостиной и залы. Но зимой лакейская, гостиная и зала не топятся, и тамъ такъ холодно, что насквозь промерзаетъ и ломберный столъ, и портретъ Николая I.

Въ этотъ непогожий предпраздничный вечеръ

въ дѣвичьей особенно неуютно. Яковъ Петровичъ сидитъ на лавкѣ и курить. Ковалевъ стоитъ у печки, склонивъ голову. Оба въ шапкахъ, валенкахъ и шубахъ; баранье пальто Якова Петровича надѣто прямо на бѣлье и подпоясано полотенцемъ. Смутно виденъ въ сумракѣ плавающій синеватый дымъ махорки. Слышно, какъ дребезжатъ отъ вѣтра разбитыя стекла въ окнахъ гостиной. Мятель бушуетъ кругомъ дома и часто прерываетъ разговоръ его обитателей: все кажется, что кто-то подѣхалъ.

— Постой!— вдругъ останавливаетъ Ковалева Яковъ Петровичъ.— Должно-быть, это онъ.

Ковалевъ смолкаетъ. И ему почудился скрипъ саней у крыльца, чей-то голосъ, невнятно донесшійся сквозь шумъ метели...

— Поди-ка, посмотри, — должно-быть, пріѣхалъ.

Но Ковалеву вовсе не хочется выбѣгать на морозъ, хотя и онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ возвращенія Судака изъ села съ покупками. Онъ прислушивается очень внимательно и рѣшительно возражаетъ:

— Нѣтъ, это вѣтеръ.

— Да что тебѣ, трудно посмотреѣть-то?

Да что жь смотреѣть, когда никого нѣтъ?

Яковъ Петровичъ вздергиваетъ плечами; онъ начинаетъ раздражаться...

Такъ, было, все хорошо складывалось... Пріѣзжалъ богатый мужикъ изъ Калиновки съ просьбой написать прошеніе къ земскому начальнику (Яковъ Петровичъ славится въ околоткѣ какъ сочинитель прошеній) и привезъ за это ку-

Ив. Бунинъ.

рицу, бутылку водки и рубль денегъ. Правда, водка была выпита при самомъ сочиненіи и чтеніи прошенія, курица въ тотъ же день зарѣзана и съѣдена, но рубль остался цѣль, — Яковъ Петровичъ приберегъ его къ празднику... Потомъ вчера утромъ внезапно явился Ковалевъ и принесъ съ собой кренделей, полтора десятка яицъ, да еще и шестьдесятъ копеекъ. И старики были веселы и долго обсуждали, что купить. Въ концѣ концовъ развели въ чашкѣ сажи изъ печки, заострили спичку и жирными, крупными буквами написали въ село къ лавочнику: „Въ харчевню Николай Иванова. Отпусти 1 ф. махорки полуотборной, 1,000 спичекъ, 5 сельдей маринованныхъ, 2 ф. масла коноплянаго, 2 осьмушки фруктоваго чаю, 1 ф. сахару и 1½ ф. жамокъ мятныхъ“.

Но Судака нѣтъ съ самаго утра. А это влечетъ за собой то, что предпраздничный вечеръ пройдетъ вовсе не такъ, какъ думалось, и, главное, придется самимъ идти за соломой въ ометь: отъ вчерашняго дня соломы осталось въ сѣнцахъ чуть. И Яковъ Петровичъ раздражается, и все начинаетъ рисоваться ему въ мрачныхъ краскахъ.

Мысли и воспоминанія идутъ въ голову самая невеселыя... Вотъ ужъ около полугода онъ не видалъ ни жены ни дочери... Жить на хуторѣ становится съ каждымъ днемъ все хуже и скучнѣе...

— А, да чортъ его побери совсѣмъ! — говорить Яковъ Петровичъ свою любимую успокаивающую фразу.

Но сегодня она не успокаивается...

— Ну, и холода же завернули!— говорит Ковалевъ.

— Ужаснѣйшій холодъ!— подхватываетъ Яковъ Петровичъ. — Вѣдь тутъ хоть волковъ морозы! Смотри... Хх! Паръ отъ дыханія видно!

— Да, — продолжаетъ Ковалевъ монотонно. — А вѣдь, помните, мы подъ Новый годъ когда-то цвѣточки рвали въ однихъ мундирчикахъ! Подъ Балаклавой-то...

И опускаетъ голову.

— А онъ, видимое дѣло, не пріѣдетъ, — говоритъ Яковъ Петровичъ, не слушая. — Мы въ дурацкой ажитации, ни больше ни меньше!

— Не ночевать же онъ останется въ харчевнѣ!

— А ты что думаешь? Ему очень нужно!

— Положимъ, здорово мететь...

— Ничего тамъ не мететь. Обыкновенно, не лѣто ..

— Да вѣдь трусъ государственный! Замерзнуть боится...

— Да какъ же это замерзнуть? День, дорога табельная...

— Пойдите! — перебиваетъ Ковалевъ. — Кажется, подѣхалъ...

— Я говорю тебѣ, выйди, посмотри! Ты, ей-Богу, совсѣмъ отетеревѣлъ нынче! Надо же самоваръ ставить и соломы надергать.

— Да вѣдь, конечно, надо. А то что жъ тамъ сдѣлаешь ночью?

Ковалевъ соглашается, что итти за соломой необходимо, но ограничивается приготовлениями

къ топкѣ: онъ подставляетъ къ печкѣ стулъ, взлѣзаетъ на него, отворяетъ заслонку и вынимаетъ вьюшки. Въ трубѣ начинаетъ завывать на разные голоса вѣтеръ.

— Впусти хоть собаку-то! — говоритъ Яковъ Петровичъ.

— Какую собаку? — спрашиваетъ Ковалевъ, кряхтя и слѣзая со стула.

— Да что ты дуракомъ-то прикидываешься? Флембо, конечно, — слышишь, визжитъ.

Правда, Флембо, старая сука, жалобно повизгиваетъ въ сѣнцахъ.

— Надо Бога имѣть, — прибавляетъ Яковъ Петровичъ. — Вѣдь она замерзнетъ... А еще охотникъ! Лодырь ты, братъ, какъ я погляжу! Ужъ, правда, байбакъ.

— Да оно и вы-то, должно-быть, изъ той же породы — улыбается Ковалевъ, отворяетъ дверь въ сѣнцы и впускаетъ въ двѣичью Флембо.

— Затворяй, затворяй, пожалуйста! — кричитъ Яковъ Петровичъ. — Такъ и понесло по ногамъ холодомъ... Кушь тутъ! — грозно обращается онъ къ Флембо, указывая пальцемъ подъ лавку.

Ковалевъ же, прихлопывая дверь, бормочетъ:

— Тамъ несетъ — свѣту Божьяго не видно!.. А, должно-быть, скоро насъ потащутъ въ Богословское! Вотъ-тогъ о. Василий припожалуетъ за нами. Я ужъ вижу. Все мы ссоримся. Это передъ смертью.

— Ну, ужъ это обрекай себя одного, пожалуйста, — возражаетъ Яковъ Петровичъ задумчиво.

И опять выражаетъ свои мысли вслухъ:

Нѣтъ, я ужъ больше не буду сидѣть въ

этомъ гырль сторожемъ! Кажется, скоро скоро запрещитъ эта проклятая Лучезаровка...

Онъ развѣртываетъ кисеть, насыпаетъ цыгарку махоркой и продолжаетъ:

— Дошло до того, что завязки глаза да бѣги со двора долой! А все моя довѣрчивость дурацкая да друзья-пріятели! Я всю жизнь былъ честень, какъ булатъ, я никому ни въ чемъ не отказывалъ... А теперь что прикажете дѣлать? На мосту съ чашкой стоять? Пулю въ лобъ пустить? „Жизнь игрока“ разыграть? Вонъ у племянничка, Арентія Михальча, тысяча десятинъ, да развѣ у нихъ есть догадочка помочь старику? А ужь самъ я по чужимъ людямъ не пойду кланяться! Я самолюбивъ, какъ порохъ!

И, окончательно раздраженный, Яковъ Петровичъ совсѣмъ зло прибавляетъ:

— Однако телиться нечего, надо за соломой отправляться!

Ковалевъ еще больше сгорбливается и запускаетъ руки въ рукава тулупа. Ему такъ холодно, что у него стынеть кончикъ носа, но онъ все еще надѣется, что какъ-нибудь „обойдется“... можетъ-быть, Судакъ подѣдетъ... Онъ отлично понимаетъ, что Яковъ Петровичъ ему одному предлагаетъ отправляться за соломой.

— Да вѣдь телиться!—говоритъ онъ.—Вѣтеръ-то съ ногъ сшибаетъ...

— Ну, барствовать теперь не приходится!

— Побарствуешь, когда поясницу не разогнешь. Не молоденькіе тоже! Слава Богу, двумъ-то памть подъ сто сорокъ будетъ.

Ужъ, пожалуйста, не прикидывайся мерзлымъ бараномъ!

Яковъ Петровичъ тоже отлично понимаетъ, что одинъ Ковалевъ ничего не подѣлаетъ въ занесенномъ снѣгомъ ометѣ. Но и онъ надѣется, что какъ-нибудь обойдется безъ него...

Между тѣмъ въ двѣичьей становится уже совсемъ темно, и Ковалевъ наконецъ рѣшается поглядѣть, не ѣдетъ ли Судакъ. Шаркая разбитыми ногами, идетъ онъ къ двери...

Яковъ Петровичъ пускаетъ черезъ усы дымъ, и такъ какъ ему уже очень хочется чаю, то мысли его принимаютъ нѣсколько иное направленіе.

— Гм!— бормочетъ онъ. — Какъ вамъ это покажется? Хорошъ праздничекъ! Лопать, какъ собакѣ, хочется. Вѣдь неѣдалаго царства нѣту... Прежде хоть венгерцы ѣздили!.. Ну, погоди же, Судакъ!

Двери въ сѣнцахъ хлопаютъ, вбѣгаетъ Ковалевъ.

— Нѣту!— восклицаетъ онъ. — Какъ провалился! Что жъ теперь дѣлать? Въ сѣнцахъ соломы чуть!

Въ снѣгу, въ тяжеломъ тулупѣ, маленькій и сгорбленный, онъ такъ жалокъ и безпомощенъ.

Яковъ Петровичъ вдругъ подымается.

— А вотъ я знаю что дѣлать!— говоритъ онъ, осѣненный какой-то хорошей мыслью, наклоняется и достаетъ изъ-подъ лавки топоръ.

— Эта задача очень просто разрѣшается,— прибавляетъ онъ, опрокидывая стулъ, стоящій около стола, и взмахиваетъ топоромъ.— Таскай

пока солому-то! Чортъ его побери совсѣмъ, мнѣ свое здоровье дороже стула!

Ковалевъ, тоже сразу оживившійся, съ любопытствомъ смотритъ, какъ летятъ щепки изъ-подъ топора.

— Вѣдь тамъ, небось, еще на потолокъ много?— подхватываетъ онъ.

— Валяй на чердакъ, да самоваръ встрясай!

Въ растворенную дверь несетъ холодомъ, пахнетъ снѣгомъ... Ковалевъ, спотыкаясь, таскаетъ въ двѣичью солому, ручки старыхъ креселъ съ чердака...

— За милую душу истопимъ, — твердитъ онъ.— Крендели еще есть... Яиць бы напечь!

— Тащи ихъ на-конь. А то сидимъ плакучими ивами!

III.

Медленно протекаетъ зимній вечеръ. Не смолкая бушуетъ мятель за окнами...

Но теперь старики уже не прислушиваются къ ея шуму. Поставили въ сѣнцахъ самоваръ, затопили въ кабинетѣ печку и оба сѣли около нея на корточки.

Славно охватываетъ тѣло тепломъ! Иногда когда Ковалевъ запикивалъ въ печку большую охапку холодной соломы, глаза Флембо, которая тоже пришла погрѣться къ двери кабинета, какъ два изумрудные камня, сверкали въ темнотѣ. А въ печкѣ глухо гудѣло; просвѣчивая то тутъ, то тамъ сквозь солому и бросая на потолокъ кабинета мутно-красныя, дрожащія полосы свѣта,

медленно разрасталось и приближалось гудящее пламя къ устью, прыскали, съ трескомъ лопались, хлѣбныя зерна... Мало-по-малу озарялась вся комната. Пламя совсѣмъ овладѣвало соломой, и, когда отъ нея оставалась только дрожащая грудка „жара“, словно раскаленныхъ, золотисто-огненныхъ проволокъ, когда эта грудка опадала, блекла, Яковъ Петровичъ скидывалъ съ себя пальто, садился задомъ къ печкѣ и поднималъ на спинѣ рубаху.

— Аа, аа, -- говорилъ онъ. -- Славно спину-то нажарить!

И, когда его толстая спина становилась багровою, отскакивалъ отъ печки и накидывалъ тулупъ.

— Вотъ такъ пробрало! А то вѣдь бѣда безъ бани... Ну да ужъ нынѣшній годъ обязательно поставлю!

Это „обязательно“ Ковалевъ слышитъ каждый годъ, но каждый годъ съ восторгомъ принимаетъ мысль о банѣ.

— Добро милое! Бѣда безъ бани, — соглашается онъ, нагрѣвая у печки и свою худощавую спину.

Когда дрова и солома прогорѣли, Ковалевъ поджаривалъ въ печкѣ крендели, отклоняя отъ жара пылающее лицо. Въ темнотѣ, озаренный красноватымъ жерломъ печки, онъ казался бронзовымъ. Яковъ Петровичъ хлопоталъ около самовара. Вотъ онъ налилъ себѣ въ кружку чаю, поставилъ ее около себя на лежанкѣ, закурилъ и, немного помолчавъ, вдругъ спросилъ:

— А что то теперь подвываетъ премилая сова?

Какая сова? Ковалевъ хорошо знаетъ, какая сова! Лѣтъ 25 тому назадъ онъ подстрѣлилъ сову и гдѣ-то на ночлегѣ сказалъ эту фразу, но фраза эта почему-то не забылась и, какъ десятки другихъ, повторяется Яковомъ Петровичемъ. Сама по себѣ она, конечно, не имѣетъ смысла, но отъ долгаго употребленія стала смѣшной и, какъ другія, подобныя ей, влечетъ за собой много воспоминаній.

Очевидно, Яковъ Петровичъ совсѣмъ повеселѣлъ и приступаетъ къ мирнымъ разговорамъ о быломъ. И Ковалевъ слушаетъ съ задумчивой улыбкой.

— А помните, Яковъ Петровичъ? — начинаетъ онъ...

Медленно протекаетъ вечеръ, тепло и свѣтло въ маленькомъ кабинетѣ. Все въ немъ такъ просто, незатѣйливо, по-старинному: желтенькіе обои на стѣнахъ, украшенныхъ выцвѣтшими фотографіями, вышитыми шерстью картинами (собака, швейцарскій видъ), низкій потолокъ оклеенъ „Сыномъ Отечества“; передъ окномъ дубовый письменный столъ и старое, высокое и глубокое кресло; у стѣны большая кровать краснаго дерева съ ящиками, надъ кроватью рогъ, ружье, пороховница; въ углу образничка съ темными иконами... И все это родное, давно-давно знакомое!

Старикъ сыты и согрѣлись. Яковъ Петровичъ сидитъ въ валенкахъ и въ одномъ бѣльѣ, Ковалевъ—въ валенкахъ и поддевочкѣ. Долго играли

въ шапки, долго занимались своимъ любимымъ дѣломъ... осматривали одежду — нельзя ли какъ-нибудь вывернуть? — искроили на шапку старую „тужурку“; долго стояли у стола, мѣрили, чертили мѣломъ...

Настроение у Якова Петровича самое благодушное. Только въ глубинѣ души шевелится какое-то грустное чувство. Завтра праздникъ, онъ одинъ... Спасибо Ковалеву, хоть онъ не забылъ!

— Ну, — говоритъ Яковъ Петровичъ: — возьми эту шапку себѣ.

— А вы-то какъ же? — спрашиваетъ Ковалевъ.

— У меня есть.

— Да вѣдь одна вязаная?

— Такъ что жъ? Безподобная шапка!

— Ну, покорнѣйше благодаримъ.

У Якова Петровича страсть дѣлать подарки. Да и не хочется ему шить...

— Который-то теперь часъ? — размышляетъ онъ вслухъ.

— Теперь? — спрашивалъ Ковалевъ. — Теперь десять. Вѣрно, какъ въ аптекъ. Я ужъ знаю. Бывало, въ Петербургѣ, по двое серебряныхъ часовъ нашивалъ...

— Да и брешешь же ты, братъ! — замѣчаетъ Яковъ Петровичъ ласково.

— Да нѣтъ, вы позвольте, не фрапируйте сразу-то!

Яковъ Петровичъ разсѣянно улыбается.

— То-то, должно-быть, въ городѣ-то теперь! — говоритъ онъ, усаживаясь на лежанку съ гита-

рой. Оживленіе, блескъ, суета! Вездѣ собранія, маскарады!

И начинаются воспоминанія о клубахъ, о томъ, сколько когда выигралъ и проигралъ Яковъ Петровичъ, какъ иногда Ковалевъ во-время уговаривалъ его уѣхать изъ клуба. Идетъ оживленный разговоръ о прежнемъ благосостояніи Якова Петровича. Онъ говоритъ:

— Да, я много надѣлалъ ошибокъ въ своей жизни. Миѣ не на кого пенять. А судить меня будетъ ужь, видно, Богъ, а не Глафира Яковлевна и не зятекъ миленькій. Что жь, я бы рубашку имъ отдалъ, да у меня и рубашекъ-то нѣту... Вотъ я ни на кого никогда не имѣлъ злобы... Ну, да все прошло, пролетѣло... Сколько было родныхъ, знакомыхъ, сколько друзей-пріятелей — и все это въ могилѣ!

Лицо Якова Петровича задумчиво. Онъ играетъ на гитарѣ и поетъ старинный, печальный романсъ:

Что ты замолкъ и сидишь одиноко? —
поетъ онъ въ раздумьѣ:

Дума лежитъ на угрюмомъ челѣ...
Иль ты не видишь бокаль на столѣ?

И повторяетъ съ особенной задушевностью:

Иль ты не видишь бокаль на столѣ?

Медленно вступаетъ Ковалевъ:

Долго на свѣтѣ не зналъ я пріюту —
разбитымъ голосомъ затягиваетъ онъ, сгорби-

внись въ старомъ креслѣ и глядя въ одну точку
передъ собою.

Долго на свѣтъ не зная я пріоту
вторить Яковъ Петровичъ подъ гитару:

Долго носила земля сироту,
Долго имѣлъ я въ душѣ пустоту...

Вѣтеръ бушуетъ и рветъ крышу. Шумъ у
крыльца... Эхъ, если бы хоть кто-нибудь прі-
ѣхалъ! Даже старый другъ, Софья Павловна, за-
была...

И, покачивая головой, Яковъ Петровичъ про-
должаетъ:

Разъ въ незабвенную жизни минуту,
Разъ я увидѣлъ созданье одно,
Въ коемъ все сердце мое вмѣщено...
Въ коемъ все сердце мое вмѣщено...

Все прошло, пролетѣло... Грустные думы клю-
нятъ голову... Но печальной удалью звучитъ пѣсня:

Что жъ ты замолкъ и сидишь одиноко?
Стукнемъ бокаль о бокаль и запьемъ
Грустную думу веселымъ виномъ!

— Не пріѣхала бы барыня, — говоритъ Яковъ
Петровичъ, дергая струны гитары и кладя ее на
лежанку. И старается не глядѣть на Ковалева.

— Кого! — отзывался Ковалевъ. — Очень про-
сто.

— Избавь Богъ, плутаетъ... Въ рогъ бы по-
трубить... на всякій случай... Можетъ-быть, Су-
дакъ ѣдетъ. Вѣдь замерзнуть-то недолго. По че-
ловѣчеству надо судить...

Черезъ минуту старики стоятъ на крыльцѣ.

Вѣтеръ рветъ съ шихъ одежду. Дико и гулко заливается старый звонкій рогъ на разные голоса. Вѣтеръ подхватываетъ звуки и несетъ въ непроглядную степь, въ темноту бурной ночи.

— Гопъ-гопъ! — кричитъ Яковъ Петровичъ.

— Гопъ-гопъ! — вторитъ Ковалевъ.

И долго потомъ, настроенные на героическій ладъ, не унимаются старики. Только и слышится:

— Понимаешь? Онъ тысячами съ болота на овсяное поле! Шапки сбиваютъ!.. Да все матерья, кряковыя! Какъ ни дамъ — просто каши наварю!

Или:

— Вотъ, понимаешь, я и сталь за сосной. А ночь мѣсячная — хотъ деньги считай! И вдругъ преть... Лобище вотъ этакій... Какъ я его брызну!

Потомъ идутъ случаи замерзанія, неожиданнаго спасенія... Потомъ восхваленіе Лучезаровки.

— До-смерти не разстанусь! — говоритъ Яковъ Петровичъ. — Я все-таки тутъ самъ себѣ голова. Имѣніе, надо правду сказать, золотое дно. Если бы немножко мнѣ перевернуться! Сейчасъ всѣ 28 десятинъ — картофелемъ, банкъ — долой, и опять я кумъ королю!

IV.

Всю долгую ночь бушевала въ темныхъ поляхъ вьюга.

Старикамъ казалось, что они легли спать очень поздно, но что-то не спится имъ. Ковалевъ глу-

хо кашляетъ, съ головой закрытый тулупомъ; Яковъ Петровичъ ворочается и отдувается; ему жарко. Да и слишкомъ ужъ грозно буря потрясаетъ стѣны, слѣпнеть и засыпаетъ снѣгомъ окна! Слишкомъ неприятно дребезжать разбитыя стекла въ гостиной! Жутко тамъ теперь, въ этой холодной, необитаемой гостиной! Она пустая, мрачная, — потолоки въ ней низки, амбразуры маленькихъ оконъ глубоки. Ночь же такая темная! Смутно отсвѣчиваютъ свинцовымъ блескомъ стекла. Если даже прильнешь къ нимъ, то развѣ едва-едва различишь забитый, занесенный сугробами садъ... А дальше мракъ и мятель, мятель...

И старики сквозь сонъ чувствуютъ, какъ одинокъ и безпомощенъ ихъ хуторокъ въ этомъ бушующемъ морѣ степныхъ снѣговъ.

— Ахъ ты, Господи, Господи! — слышится порою бормотанье Ковалева.

Но опять странной дремотой обвѣваетъ его шумъ мятели. Онъ кашляетъ все тише и рѣже, медленно задремываетъ, словно погружается въ какое-то безконечное пространство... И опять чувствуетъ сквозь сонъ что-то зловѣщее... Онъ слышитъ... Да, шаги! Тяжелые шаги наверху гдѣ-то... По потолку кто-то ходитъ... Ковалевъ быстро приходитъ въ сознаніе, но тяжелые шаги ясно слышны и теперь... Скрипитъ матица...

— Яковъ Петровичъ! — говоритъ онъ. — Яковъ Петровичъ!

— А? Что? — спрашиваетъ Яковъ Петровичъ.

— А вѣдь по потолку-то кто-то ходитъ.

— Кто ходитъ?

— А вы послушайте-ка!

Яковъ Петровичъ слушаетъ: ходитъ!

— Да нѣтъ, это всегда такъ, — вѣтеръ, — говоритъ онъ наконецъ, зѣвая. — Да и трусь же ты, братъ! Давай-ка лучше спать.

И правда, сколько уже было толковъ про эти шаги на потолокъ. Каждую непогожую ночь!

Но все-таки Ковалевъ, задремывая, шепчетъ съ глубокимъ чувствомъ:

— Живый въ помощи Вышняго, въ кровъ Бога Небеснаго... Не убоишия отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы, летящія въ дни... На аспида и василиска наступиши и попрещи льва и змія...

И Якова Петровича что-то беспокоитъ во снѣ. Подъ шумъ мятели мерещится ему то гулъ вѣкового бора, то звонъ отдаленнаго колокола; слышится невнятный лай собакъ гдѣ-то въ степи, крикъ работника Судака... Вотъ шуршатъ у крыльца сани, скрипятъ чьи-то лапти по мерзлomu снѣгу въ сѣнцахъ... И сердце Якова Петровича сжимается отъ боли и ожиданія: это его сани, а въ саняхъ — Софья Павловна, Глаша... подъѣзжаютъ онѣ медленно, забитыя снѣгомъ, еле видныя въ темнотѣ бурной ночи... ѣдутъ, ѣдутъ, но почему-то мимо дома, все дальше, дальше... Ихъ увлекаетъ мятель, засыпаетъ ихъ снѣгомъ, и Яковъ Петровичъ торопливо ищетъ рогъ, хочетъ трубить, звать ихъ...

— Чортъ знаетъ, что такое! — бормочетъ онъ, очнувшись и отдуваясь.

— Что это вы, Яковъ Петровичъ?

— Не спится, братъ! А ночь давно, должно-быть!

— Да, давненько!

— Зажигай-ка свѣчку-то, да закуривай!

Кабинетъ озаряется. Щурясь отъ свѣчки, пламя которой колеблется передъ заспанными глазами, какъ лучистая, мутно-красная звѣзда, старики сидятъ, курятъ, съ наслажденіемъ чешутся и отдыхаютъ отъ сновидѣній... Хорошо проснуться въ долгую зимнюю ночь въ теплой, родной комнатѣ, покурить, поговорить, разогнать жуткія ощущенія веселымъ огонькомъ!

— А я, — говоритъ Яковъ Петровичъ, сладко зѣвая, — а я сейчасъ вижу во снѣ, какъ ты думаешь, что?.. Вѣдь приснится же!.. Будто я въ гостяхъ у турецкаго султана!

Ковалевъ сидитъ на полу, сгорбившись (какой онъ старенькій и маленькій безъ поддепочки и со сна!), въ раздумьѣ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, это что — у турецкаго султана! Вотъ я сейчасъ видѣлъ... Вѣрите ли? Одинъ за однимъ одинъ за однимъ... съ рожками, въ пиджачкахъ.. малъ-мала меньше... Да вѣдь какого транташа около меня раздѣлываютъ!

Оба врутъ. Они видѣли эти сны, даже не разъ видѣли, но совсѣмъ не въ эту ночь, и слишкомъ часто рассказываютъ ихъ они другъ другу, такъ что давно другъ другу не вѣрятъ. И все-таки рассказываютъ. И, наговорившись, въ томъ же благодушномъ настроеніи, тушатъ свѣчу, укладываются, одѣваются потеплѣй, надвигаютъ на лобъ шапки и засыпаютъ сномъ праведника...

Медленно наступаетъ день. Темно, угрюмо, буря не унимается. Сугробы подъ окнами почти прилегаютъ къ стекламъ и возвышаются до са-

мой крыши. Отъ этого въ кабинетѣ стоитъ какой-то странный, блѣдный сумракъ...

Вдругъ съ шумомъ летятъ кирпичи съ крыши. Вѣтеръ повалилъ трубу...

Это плохой знакъ: скоро, скоро, должно-быть, и слѣда не останется отъ Лучезаровки!

1895 г.

На край свѣта.

I.

То, что такъ долго всѣхъ волновало и тревожило, наконецъ разрѣшилось: Великій Перевозъ сразу опустѣлъ наполовину.

Много бѣлыхъ и голубыхъ хатъ осиротѣло въ этотъ лѣтній вечеръ. Много народу навѣкъ покинуло родимое село — его зеленые переулки между садами, пыльный базарный выгонъ, гдѣ такъ весело въ солнечное воскресное утро, когда кругомъ стоитъ говоръ, гудитъ бранью и спорами корчма, выкрикиваютъ торгивки, поютъ нищѣ, пиликаетъ скрипка, меланхолично жужжитъ лира, а важные волю, прикрывая отъ солнца глаза, сонно жууютъ сѣно подъ эти нестройные звуки; покинуло разноцвѣтные огороды и густыя верболозы съ матово-блѣдной длинной листвою надъ кришицею, при спускѣ къ затону рѣки, гдѣ въ тихіе вечера въ водѣ что-то стонетъ, глухо и однотонно, словно дуетъ въ пустую бочку; навсегда покинуло родину для далекихъ уссурійскихъ земель и ушло „на край свѣта“...

Когда на село, расположенное въ долину, легла широкая прохладная тѣнь отъ горы, закры-

бающей западъ, а въ долину, къ горизонту, все зарумянилось отблескомъ заката, зардѣлись рощи, вспыхнули алымъ глянцемъ изгибы рѣки, и за рѣкой какъ золото засверкали равнины песковъ, народъ, пестрѣющій яркими, праздничными нарядами, собрался на зеленую леваду, къ бѣлой старинной церковкѣ, гдѣ молились еще казаки и чумаки передъ своими далекими походами.

Тамъ, подъ открытымъ небомъ, между нагруженныхъ телѣгъ, начался молебень, и въ толпѣ воцарилась мертвая тишина. Голосъ священника звучалъ внятно и раздѣльно, и каждое слово молитвы проникало до глубины cadaго сердца...

Много слезъ упало на этомъ мѣстѣ и въ былые дни. Стояли здѣсь когда-то снаряженные въ далекій путь „лыцари“. Они тоже прощались, какъ передъ кончиной, и съ дѣтьми и съ женами, и не въ одномъ сердцѣ заранѣе звучала тогда величаво-грустная „дума“ о томъ, „якъ на Черному морю, на білому камені сидить ясенъ сокіль-білозірець, жалібненько квилить-проквиляе...“ Многихъ изъ нихъ ожидали „кайданы турецкіі, каторга басурманьская“, и „сиви туманы“ въ дорогѣ, и одинокая смерть подъ степнымъ курганомъ, и стаи орловъ сизокрылыхъ, что будутъ „на чорній кудри наступати, зъ лоба очи козацькіі видирати...“ Но тогда надо всѣмъ витала гордая казацкая воля. А теперь стоитъ сѣрая толпа, которую навсегда выгоняетъ на край свѣта не прихоть казацкая, а ницета, эти желтые пески, что сверкаютъ за рѣкою. И какъ на великой паншадѣ, заказанной по самому себѣ, тихо стоятъ народъ на молебнѣ съ поникшими, обнажен-

ными головами. Только ласточки звонко щебетали надъ ними, проносясь и утопая въ вечернемъ воздухѣ, въ голубомъ глубокомъ небѣ...

А потомъ поднялись вопли. И среди гортаннаго говора, плача и криковъ двинулся обозъ по дорогѣ въ гору. Въ послѣдній разъ показался Великій Перевозъ въ родной долинь—и скрылся... И самъ обозъ скрылся наконецъ за хлѣбами, въ поляхъ, въ блескѣ низкаго вечерняго солнца...

II.

Провожавшіе возвращались домой.

Народъ толпами валилъ подъ гору, къ хатамъ. Были и такіе, что только вздохнули и пошли домой торопливо и безпечно. Но такихъ было мало.

Молча, покорно согнувшись, шли старики и старухи; хмурились суровые хозяйственные мужики; плакали дѣти, которыхъ тащили за маленькія ручки отцы и матери; громко кричали молодья бабы и дивчата.

Вотъ двѣ спускаются подъ гору, по каменистой дорогѣ. Одна, крѣпкая, невысокая, хмурить брови и разсѣяннo смотритъ своими черными серьезными глазами куда-то въ даль, по долинь. Другая, высокая, худенькая, плачетъ... Обѣ наряжены по-праздничному, но какъ горько плачетъ одна, прижимая къ глазамъ рукава сорочки! Спотыкаются сафьяновые сапоги, на которые такъ красиво упадетъ изъ-подъ плахты бѣлоснѣжный подолъ... Звонко, съ неудержимой радостью плетъ она до глубокой ночи, бѣгая на рѣку съ вед-

рами, когда отецъ Юхыма твердо сказалъ, что не пойдеть на новыя мѣста! А потомъ...

— Прокинулись сю нѣчь, говорилъ Юхымъ растерянно, —прокинулись воны, Зинька, та й кажутъ: „Идемо на переселеніе!“ — „Якъ же такъ, тату, вы жъ казали...“ — „Ні, кажутъ, я сонъ бачивъ...“

А вотъ на горѣ, около мельницъ, стоитъ въ толпѣ стариковъ старый Василь Шкутъ. Онъ высокъ, широкоплечъ и сутуль. Отъ всей фигуры его еще вѣетъ степной мощью, но какое у него скорбное лицо! Ему вотъ-вотъ собираться въ могилу, а онъ уже никогда больше не услышитъ родного слова и помретъ въ чужой хатѣ, и некому будетъ ему глаза закрыть. Передъ смертью оторвали его отъ семьи, отъ дѣтей и внучатъ. Онъ бы дошелъ, онъ еще крѣпокъ, но гдѣ же взять эти семьдесятъ рублей, которыхъ не хватило для разрѣшенія итти на новыя земли?

Старики, разсѣянно переговариваясь, каждый со своей думой, стоятъ на горѣ. Они все глядятъ въ ту сторону, куда отбыли земляки.

Ужъ давно не стало видно и послѣдней телѣги. Опустѣла степь. Весело и кротко распѣваютъ, сыплютъ трели жаворонки. Мирно и спокойно догораетъ ясный день. Привольно зеленѣютъ кругомъ хлѣба и травы, далеко-далеко темнѣютъ курганы; а за курганами необъятнымъ полукругомъ простерся горизонтъ, между землей и небомъ охватываетъ степь полоса голубоватой воздушной бездны, какъ полоса далекаго моря.

— Що воно таке, сей Уссурійскій край?—думаютъ старики, прикрывая глаза отъ солнца, и

напрягаютъ воображеніе представить себѣ эту сказочную страну на концѣ свѣта и то громадное пространство, что залегаетъ между нею и Великимъ Перевозомъ, мысленно увидеть, какъ тянется длинный обозъ, нагруженный добромъ, бабами и дѣтьми, медленно скрипятъ колеса, бѣгутъ собаки и шагаютъ за обозомъ по мягкой пыльной дорогѣ, пригрѣтой догорающимъ солнцемъ, „дядьки“ въ широкихъ шароварахъ.

Небось, и они все глядятъ въ эту загадочную голубоватую даль:

— Що воно таке, сей Уссурійскій край?

А старый Шкуть, опершись на палку, надвинувъ на лобъ шапку, представляетъ себѣ возъ сына и съ покорной улыбкой бормочетъ:

— Я ему, бачите, і пилу і фуганокъ давъ... і якъ хату строить вінъ теперъ знае... Не пропаде!

— Богато людей загинуло! — говорятъ, не слушающая его, другіе. — Богато, богато!

III.

Темнѣетъ — и странная тишина царитъ въ селѣ.

Теплыя южныя сумерки неясной дымкой смягчаютъ вечернюю синеву глубокой долины, затуманевываютъ эту огромную картину широкой низменности съ темными кущами прибрежныхъ рощъ, съ тускло блестящими изгибами рѣчки, съ одинокими тополями, что чернѣютъ надъ долиной. Старинный Великій Перевозъ сѣрѣетъ своими скученными хатами въ котловинѣ у подошвы каменной горы. Смутно, какъ полосы сплывахъ

ржей, желтѣютъ за рѣкой пѣски. За пѣсками, уже совсѣмъ неясно, темнѣютъ лѣса. И даль становится дымчато-лиловой и сливается съ сумеречными небесами.

Все какъ всегда бывало въ этой мирной долинѣ въ лѣтнія сумерки... Но нѣтъ, не все! Много стоитъ хатъ темныхъ, забитыхъ и нѣмыхъ...

Уже почти всѣ разбрелись по домамъ. Пустьѣть дорога. Медленно бредетъ по ней нѣсколько человѣкъ, провожавшихъ переселенцевъ до ближняго перекрестка.

Они чувствуютъ ту внезапную пустоту въ сердцѣ и непонятную тишину вокругъ себя, которая всегда охватываетъ человѣка послѣ тревоги проводовъ, при возвращеніи въ опустѣвшій домъ. Спускаясь подъ гору, они глядятъ на село другими глазами, чѣмъ прежде, —точно послѣ долгой отлучки...

Вотъ растилается пахучій дымокъ надъ чьей-то хатой... покойно и буднично...

Вотъ красной звѣздочкой, среди темныхъ садовъ, среди скученныхъ дворовъ, загорѣлся огонекъ...

Глядя на огоньки и въ долину, медленно расходятся старики, и на горѣ, близъ дороги, остаются одни темные вѣтряки съ неподвижно распростертыми крыльями.

Молча идетъ подъ гору, улыбаясь своей странной улыбкой старческаго горя, Василь Шкутъ. Медленно отложилъ онъ калитку, медленно прошелъ черезъ дворикъ и скрылся въ хатѣ.

Хата родная. Но Шкутъ въ ней больше не хозяинъ. Ее купили чужіе люди и позволили ему

только „дожить“ въ ней. Это надо сдѣлать по скорѣе...

Въ тепломъ и душномъ мракѣ хаты выжидательно трюкаетъ сверчокъ изъ-за печки... словно прислушивается... Сонныя мухи гудятъ по потолку... Старикъ, согнувшись, сидитъ въ темнотѣ и безмолвіи.

Что-то онъ думаетъ? Можетъ-быть, про то, какъ гдѣ-то тамъ, по смутно бѣлѣющей дорогѣ, тихо поскрипываетъ обозъ? — Э, да что про то и думать!

Звонкій дѣвическій голосъ замираетъ за рѣкою:

О, зійди, зійди,
Ясень місяцю!

Глубокое молчаніе. Южное ночное небо въ крупныхъ жемчужныхъ звѣздахъ. Темный силуэтъ неподвижнаго тополя рисуется на фонѣ ночного неба. Подъ нимъ чернѣетъ крыша, бѣлѣютъ стѣны хаты. Звѣзды сіяютъ сквозь листья и вѣтви...

IV.

• А они еще недалеко.

Они ночуютъ въ степи, подъ роднымъ небомъ, но имъ уже кажется, что они за тысячу верстъ ото всего привычнаго, родного.

Какъ цыганскій таборъ, расположились они у дороги. Распрягли лошадей, сварили ужинъ; то вели безпокойные разговоры, то угрюмо молчали и сторонились другъ друга...

• Наконецъ все стихло.

Въ звѣздномъ свѣтѣ темнѣли безпорядочно скученные возы, виднѣлись фигуры лежащихъ людей и наклоненныхъ къ травѣ лошадей. Сторожевые, съ кнутами въ рукахъ, сонно ежились возлѣ телѣгъ, зѣвали и съ тоской глядѣли въ темную степь...

Но съ какой радостью встрепенулись они, когда услышали скрипъ проѣзжей телѣги! Землякъ! Они окружили его, улыбались и жали ему руку, словно не видались много-много лѣтъ.

Разбуженные говоромъ, подымались съ земли и другіе и, застѣнчиво скрывая свою радость, тоже толпились у телѣги проѣзжаго, закуривали трубки и были готовы говорить хоть до самаго свѣта...

Потомъ опять все затихло.

Взволнованные встрѣчей, засыпали они, закрывая головы свитками, и все думали объ одномъ,— о далекой неизвѣстной странѣ на краю свѣта, о дорогахъ и большихъ рѣкахъ въ пути, о родномъ покинутомъ селѣ...

Холоднѣло. Все спало крѣпкимъ сномъ—и люди и дороги и росистые хлѣба.

Съ отдаленнаго хутора чуть слышно донесся крикъ пѣтуха. Серпъ мѣсяца, мутно-красный и поникшій на сторону, показался на краю неба. Онъ почти не свѣтилъ. Только небо около него приняло зеленоватый оттѣнокъ, почернѣла степь отъ горизонта, да на горизонтѣ выступило что-то темное. Это были курганы. И только звѣзды и курганы слушали мертвую тишину на степи и дыханіе людей, позабывшихъ во снѣ свое горе и далекія дороги.

Но что имъ, этимъ вѣковымъ молчаливымъ курганамъ, до горя или радости какихъ-то существъ, которыя проживуть мгновение и уступятъ мѣсто другимъ такимъ же — снова волноваться и радоваться и также безслѣдно исчезнуть съ лица земли? Много почевавшихъ въ степи обозовъ и становъ, много людей, много горя и радости видѣли эти курганы.

Однѣ звѣзды, можетъ-быть, знаютъ, какъ свято человѣческое горе.

1894 г.

Учитель.

I.

Наканунѣ сочельника учитель земской школы въ Можаровкѣ, Николай Нилычъ Турбинъ, занимался очень неохотно. Классъ былъ наполовину пустъ. Турбинъ съ усиленіемъ дотягивалъ занятія до половины второго. За послѣднее время во многихъ непріятностяхъ и въ утомительной работѣ онъ подкрѣплялъ себя напряженнымъ ожиданіемъ праздника и надеждой съѣздить домой. Но ѣхать оказалось не на что. Турбинъ давно уже понялъ, что никуда не поѣдетъ, но сказать себѣ это опредѣленно все оттягивалъ. Теперь больше всего хотѣлось остаться одному. „Обсудимъ, обсудимъ!“ — думалъ онъ безпокойно, прикрывая глаза, и ребята думали, что онъ или сердитъ, или нездоровъ. Но правда, къ концу занятій у него начало ломить въ лѣвой сторонѣ головы.

Когда же школа опустѣла, Турбинъ со злобой прихлопнулъ дверь въ передней и быстро пошелъ въ свою комнату.

— Пусть будетъ такъ! — сказалъ онъ и, хму-

рять, скинулъ съ себя пиджакъ. Повѣсивъ его подъ простыню на стѣну, онъ накиннулъ на себя длинный тулугъ, крытый казинею, и легъ на кровать. „Ночной зефиръ струитъ эфиръ...“ напѣвалъ онъ мысленно. Въ головѣ стояло одно и то же: „Пусть будетъ такъ! — чортъ его побери, не ѣхать, такъ не ѣхать... эка важность!“ Тащиться къ дьячку обѣдать не хотѣлось. Левая сторона головы продолжала болѣть. Онъ обмялъ плечомъ подушку поудобнѣе и старался не шевелиться.

Сквозь дремоту онъ слышалъ, какъ приходилъ сторожъ Павелъ, обивалъ отъ снѣга лапти, кричалъ съ мороза, сморкался и гремѣлъ ведрами; видѣлъ сквозь полузакрытыя вѣки, что въ комнатѣ разливается отсвѣтъ заката, и чувствовалъ что отъ холода стынуть ноги и кончикъ носа...

II.

Турбину шелъ двадцать четвертый годъ. Былъ онъ бѣлокуръ, очень высокъ ростомъ, худъ и отъ застѣнчивости очень неловокъ. Былъ онъ сынъ сельскаго дьякона, учился въ семинаріи, но курса не кончилъ: по бѣдности пришлось вернуться домой; дома онъ все выписывалъ программы, думая приготовиться то въ юнкерскую, то въ межевую школу. Кончилъ, однако, экзаменомъ на сельскаго учителя и радъ былъ этому. Жить дома было тяжело. Матери онъ не помнилъ, а дьяконъ отличался болѣзненно-угрюмымъ характеромъ; лицо у него было какъ на

старинныхъ иконахъ у схимниковъ,—темное, деревянное, фигура сухая, сутулая; говорилъ онъ глухимъ басомъ и все кашлялъ, заправляя за ухо длинныя косицы сѣдыхъ волосъ. Даже тонъ его былъ всегда одинъ—такой, словно онъ старался вразумить, растолковать, образумить.

Однако, проживши годъ одиноко, Турбинъ сталъ вспоминать объ отцѣ съ тоской и нѣжностью, дни и ночи мечталъ о поѣздкѣ домой. Онъ все обманывалъ себя надеждами на будущее: вотъ, моль, дай только это время пережить, а тамъ... все пойдетъ прекрасно. Лѣто онъ пробылъ на кондиціи—изъ-за одного содержанія—у богатаго лѣсорубщика, и думалъ отправиться домой въ августѣ, хотя недѣльки на двѣ. Но нужно было справиться къ зимѣ тулупъ. Осенью онъ надѣялся на Святки. Со всѣми подробностями представлялъ онъ себѣ, какъ пріѣдетъ домой... долго будетъ сидѣть съ отцомъ въ первый вечеръ за самоваромъ, въ знакомой чистой и теплой хатѣ, задушевно будетъ говорить съ нимъ до поздней ночи. А потомъ поѣдетъ въ большое торговое село къ двоюродной сестрѣ; у сестры будутъ каждый вечеръ гости, барышни и молодые люди съ фабрики. „Надо будетъ захватить съ собою гитару“, —думалъ Турбинъ.

Чтобы скопить денегъ, онъ отъ священника перешелъ обѣдать и ужинать къ дьячку. Но въ ноябрѣ отецъ написалъ ему, что онъ долженъ ѣхать въ губернской городъ лѣчиться, и просилъ денегъ. Чтобы предупредить отказъ, письмо было строго и властно. Внизу же была приписка: „А послѣднее мое слово: имѣй Бога и сознаніе,

пожалѣй мою старость“. И учитель отослалъ все свое сбереженіе. Осталась надежда заработать корреспонденціями. Онъ сталъ почти ежедневно посылать въ губернской городъ статейки подъ заглавіемъ: „Родные отголоски“ и за подписью: „Аріель“. Но изъ нихъ взяли только пару замѣтокъ — о дождяхъ и о несчастномъ случаѣ на винокуренномъ заводѣ.

III.

Школа стояла одиночкой, на горѣ. Слева были церковь и кладбище, походившее на запущенный садъ, справа — косогоръ. Дорога шла изъ полей мимо училища влѣво подъ гору. Подъ горой, ниже кладбища, жили духовные; противъ нихъ, черезъ дорогу, стояли лавка и кабакъ Грибакина. На той сторонѣ, за рѣчкой, была усадьба Линтварева съ бѣлыми хоромами и скучно-синѣющими рядами елей передъ ними. Винокуренный заводъ вѣчно дымился въ сторонѣ отъ нея, надъ рѣчкой. Подлѣ него находились неуклюжія заводскія строенія — очистныя, подвальные — и домики на манеръ желѣзнодорожныхъ — для служащихъ.

Съ завода приходили къ Грибакину гости — старый барскій поваръ, всеми уважаемый за его поѣздку въ Іерусалимъ, о которой онъ постоянно со смиреніемъ и важностью рассказывалъ, и за его близкое знакомство съ интимной жизнью господъ, конторщики, подвальные, дистилляторъ, мѣдникъ. Это былъ народъ лавочнику нужны; но вечерамъ они забавлялись у него стуколкомъ.

Турбинъ избѣгалъ попадать на такіе вечера: его усаживали за карты, а онъ не любилъ проигрывать. Да и Грибакинъ обходился съ нимъ учтиво, но холодно. Весной онъ замѣтилъ, что у его жены, нахально-красивой молодой женщины, стали завязываться съ учителемъ какіе-то особенные разговоры, замѣтилъ и не подалъ вида, выжидая, что дальше будетъ: такой онъ былъ благообразный и вѣжливый старичокъ въ опрятной сѣрой поддевочкѣ. И правда, учитель нравился лавочницѣ. Но онъ старался отдѣлываться отъ нея шуточками. Она сперва покрикивала на него — „это еще что за новости?“, — а потомъ начала звать гулять на кладбище и все чаще начинать сдержанно-страстно, прикрывая какъ бы въ изнеможеніи, глаза:

Вотъ скоро скоро я уѣду,
Забудь мой ростъ, мои черты!

Тогда Турбинъ сталъ пропадать по вечерамъ въ полѣ. „Пойдутъ сплетни, — думалъ онъ, — различные неприятности... немыслимо!“ И лавочница стала говорить ему при встрѣчахъ дерзости.

— Ага, — думалъ Грибакинъ, — перековала язычокъ!

Въ гостяхъ на заводской сторонѣ учитель бывалъ у дистиллятора Таубкина. Таубкинъ, молодой еврей, рыжий и золотушный, въ золотыхъ очкахъ для близорукихъ, былъ человекъ очень радушный, и у него собиралась большая компанія. Но между нею и учителемъ отношенія тоже какъ-то не завязывались. Учитель дичился, а заводскіе все были другъ съ другомъ за панибрата, все жили дружно, одними интересами, ча-

сто бывали другъ у друга, или портвейнъ и закусывали сардинами, танцовали подъ аристонъ, а послѣ играли въ „шестъдесятъ шесть“. Старшіе рабочіе на заводѣ изъ очистной, здоровые мужики въ фартукахъ, отличались во всемъ грубой рѣшительностью и собственнымъ достоинствомъ. Учитель нѣкоторыхъ изъ нихъ побайвался даже, — на примѣръ, посыльнаго на почту: говорилъ ему „вы“, давалъ на водку, но посыльный все-таки поражалъ его своимъ презрительнымъ спокойствіемъ.

IV.

Осень началась солнечными днями.

По воскресеньямъ Турбинъ съ утра уходилъ въ поле, туда, гдѣ видны были на горизонтѣ станція и одинъ за другимъ уходящіе въ даль телеграфные столбы. Его тянуло туда, потому что въ ту сторону поѣздъ долженъ былъ унести его на родину.

Съ утра было свѣтло и тихо. Низкое солнце блестѣло ослѣпительно. Бѣлый, холодный туманъ затоплялъ рѣку. Бѣлый дымъ таялъ въ солнечныхъ лучахъ надъ крышами избъ и уходилъ въ бирюзовое небо. Въ барскомъ паркѣ, прохваченномъ почною сыростью, на низахъ стояли холодныя синія тѣни и пахло прѣлымъ листомъ и яблоками; на полянахъ, въ солнечномъ блескѣ, сверкали паутины и неподвижно рдѣли свѣтло-золотые клены. Рѣзкій крикъ дроздовъ иногда нарушалъ тишину. Листья пригрѣтые солнцемъ, слабо колеблясь, падали на темныя,

сырыя дорожки. Садъ пустѣль и дичаль; далеко виденъ былъ въ немъ полураскрытый, покинутый шалаашъ садовника.

Не спѣша, учитель всходилъ на гору. Село лежало въ широкой котловинѣ. Ровно тянулся въ высь дымъ завода; въ ясномъ небѣ кружили и сверкали бѣлые голуби. На деревнѣ всюду рѣзко желтѣла новая солома, слышался говоръ, съ громомъ неслись черезъ мостъ порожнія телѣги... А въ открытомъ полѣ — подъ солнцемъ, къ югу — все блестѣло; къ сѣверу горизонтъ былъ темень и тяжелъ и рѣзко отдѣлялся грифельнымъ цвѣтомъ отъ желтой скатерти жнивья. Издалека можно было различить фигуры женщинъ, работающихъ на картофельныхъ полосахъ, медленно идущаго по полю мужика. Золотистыми кострами пылали въ лощинахъ лѣсоочки. Кирпично краснѣли крыши помѣщичьихъ хуторовъ. Учитель напряженно смотрѣлъ на нихъ. Имъ овладѣло безпокойство одиночества, тянуло въ эту неизвѣстную ему среду, въ новую обстановку, гдѣ жизнь, какъ ему казалось, проходитъ свободно, легко, весело. И за думами о помѣщичьей жизни онъ совсѣмъ не видалъ простора, красоты, которая была вокругъ.

На мѣстѣ срубленнаго лѣса бѣлѣла щена, среди обрубленныхъ сучьевъ и поблекшихъ листьевъ возвышались три длинныя, тонкія березки съ уцѣлѣвшими макушками. Ихъ очертанія такъ хорошо гармонировали съ открытыми далями. А Турбинъ, при видѣ этихъ березокъ, всегда вспоминалъ, что здѣсь онъ встрѣтилъ жену Липтварева. Съ Липтваревыми онъ познакомился

Ив. Бунинъ.

и встрѣчался нѣсколько разъ на станціи. Они держали себя съ нимъ просто и даже ласково. Про Линтварева было слышно, что онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, увлечень земскими дѣлами, профессиональнымъ образованіемъ. Все это, съ придачей богатства и знатности, внушило Турбину большое уваженіе къ Линтваревымъ. При встрѣчѣ съ нимъ жена Линтварева такъ ласково улыбнулась ему и показалась такъ изящна и аристократична, что учитель покраснѣлъ отъ радости и тутъ же рѣшилъ непременно побывать у нихъ въ гостяхъ, завязать прочное знакомство. Онъ долго глядѣлъ вслѣдъ ея англійскому шарабану. Онъ не видѣлъ, куда идетъ, мечтая о томъ, какъ онъ будетъ сидѣть у Линтварева на балконѣ, вести интересный, живой разговоръ, пить прекрасный чай и курить дорогую сигару...

V.

Въ концѣ сентября, въ октябрѣ дожди лили съ утра до ночи. Линтваревы уѣхали. Садъ ихъ почернѣлъ, сталъ какъ будто ниже и меньше. Деревня приняла темный, жалкій видъ. Холодный вѣтеръ затягивалъ окрестности туманной сѣткой дождя. Въ училищѣ запахло кислой печной сыростью, стало холодно, темно и неуютно.

Турбинъ вставалъ еще при огнѣ, въ ту неприязненную пору, когда послѣ мрачной дождливой ночи, надъ грязными полями, надъ колеями дорогъ, полными водою, недовольно начиналъ дымиться блѣдный разсвѣтъ. Будилъ стукъ дверей.

Ребята патаскивали на лаптяхъ въ переднюю грязь, возились, топали и кричали. Въ двери несло ледяной сыростью. Съ дрожью подходилъ учитель къ умывальнику. Потомъ спѣшно пилъ горячій жидкій чай въ прикуску и тушилъ лампочку. Послѣ ея желтаго свѣта въ комнатѣ синѣлъ холодный утренній сумракъ. Въ этомъ сумракѣ учитель входилъ въ классъ и, завернувшись въ тулущъ, натягивая его на холодѣющія колѣни, садился за свой столъ. Начиналась упорная работа. Сперва онъ горячился, напрягалъ всѣ усилія говорить понятнѣе и сдержаннѣе, потомъ только смотрѣлъ, какъ съчетъ въ окна косою дождь и тянутся обозы къ заводу; мужики шлепали по грязи, накрывшись рогожами; отъ потныхъ, потемнѣвшихъ лошадей валилъ паръ. И все представлялъ учитель самого себя ѣдущимъ на вокзалъ въ телѣгѣ: телѣга медленно качается, хлюпаетъ по дорогѣ, и заливается-стонетъ вѣтеръ, гнетъ въ полѣ одинокую голую березку...

Оживлялся онъ при говорѣ и толкотнѣ уходящихъ учениковъ.

— Здорово лѣтъ? — спрашивалъ онъ Павла, засовывая ноги въ старыя большія калоши.

— Кажись, перестаетъ, — каждый день отвѣчалъ на это Павелъ.

По морю, яко по суху, — каждый день говорилъ лавочникъ, стоя подъ навѣсомъ кабака, и снисходительно смѣялся.

Турбинъ, всегда въ этотъ моментъ перебиравшійся на другую, менѣе грязную сторону дороги, махалъ съ отвѣтнымъ смѣхомъ рукой и вдругъ двалъ со всѣхъ своихъ длинныхъ ногъ гигант-

скій, отчаянный шагъ. Шлепнувъ калошей въ лужу и видя, что надъ этимъ прыжкомъ покатывается со смѣху сидящая за шитьемъ подъ окномъ лавочница, онъ, съ кривой улыбкой, неловко пробирался подъ плетнемъ дальше.

— Писемъ, Иванъ Филимоновичъ, нѣту? — кричалъ онъ издалека лавочнику. — Вы, говорятъ, на станціи были?

— Пишутъ-съ!

— То-то несуразный-то! — говорила лавочница, какъ бы съ сожалѣніемъ, качая головою и откусывая нитку.

Дьячекъ Скрябинъ былъ самый убогій человекъ въ селѣ. Унылый, поблекшій носъ, жидкая коса, слезящіеся глаза, — все въ немъ напоминало старуху. Тяжело было глядѣть, какъ онъ весной, въ полоую воду, или осенью, подъ дождемъ, брелъ къ выгону въ огромныхъ растрепанныхъ валенкахъ, внутри которыхъ была солома. На клиросѣ онъ читалъ и подпѣвалъ разбитымъ голосомъ такъ, словно онъ былъ выпивши или бредилъ. Въ избѣ у него, какъ и у большинства духовныхъ, было довольно чисто и уютно, но толклось семь человекъ дѣтей. Никто не обращалъ на нихъ вниманія. И самъ Скрябинъ и жена его только и думали съ утра до ночи, что объ ѣдѣ. Скрябинъ ѣлъ походя: то лазилъ въ печку за картофелемъ, то пекъ яйца, то наливалъ черезъ полчаса послѣ обѣда чашку похлебки, то жевалъ хлѣбъ. Раза три или четыре въ день онъ возился съ самоваромъ, собиралъ щетки, раздувалъ его то губами, то старымъ голенищемъ. У жены Скрябина было привѣтливое, открытое и по-

корное лицо. Когда въ октябрѣ она умерла передъ концомъ беременности, Турбинъ долго не могъ безъ содроганія видѣть ея хибарки.

Чаще всего послѣ обѣда онъ бывалъ въ гостяхъ у священника, о. Ѳедора Рокотова. Священникъ выходилъ заспанный, съ свѣтлыми, слезящимися глазами и красными полосами на вискѣ отъ рубцовъ подушки. Онъ улыбался и говорилъ съ благодушнымъ снисхожденіемъ къ своей слабости:

— А я прилегу на минуту да и задремалъ, какъ сурокъ...

Вечеромъ затѣвалась игра въ преферансъ на орѣхи. Иногда Турбинъ игралъ съ поповной на двухъ гитарахъ „Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла“, „Раздумье Вольтера“ или на мотивъ малороссійскаго казачка „Прибѣжали въ избу дѣти“... Томной меланхоліей звучали струны гитаръ. Священникъ острилъ насчетъ худобы и роста Турбина. И Турбинъ всегда при этомъ смѣялся, прикрывая, по своей манерѣ, ротъ рукою.

VI.

Деревня тонула въ сырыхъ сумеркахъ, зажигались на заводѣ огни и тянуло дымомъ самоваровъ, а онъ скользилъ по липкой грязи, мучился медленнымъ восхожденіемъ на гору. Темь, холодъ, запахъ угарной печки и одиночество встрѣчали его въ безмолвномъ училищѣ. Но первое время это не смущало его. Первый годъ въ школѣ прошелъ какъ-то удивительно быстро. Турбинъ мечталъ. Молодымъ скрытнымъ семинаромъ

онъ мечталъ о мно́гомъ -- думалъ стать миссіонеромъ, городскимъ священникомъ. Представлялъ онъ себя въ губернскомъ городѣ, о. Николаемъ въ шелковой лиловой рясѣ, на которую надають выхоленные кудри, даже почему-то въ золотыхъ очкахъ, какъ протоіерей въ Вознесенскомъ соборѣ. Мечталъ о жизни съ достаткомъ, думалъ вести хорошее знакомство, быть человекомъ просвѣщеннымъ, слѣдящимъ за наукой, за политикой. Эти мечты погибли. Вдучи въ школу, онъ весь былъ переполненъ рвеніемъ поскорѣе начать работать, сразу сдѣлать свою школу образцовой, пописывать статейки по народному образованію, приняться за составленіе учебниковъ. День за днемъ тускнѣли эти мечты. Въ Можаровкѣ близость завода наводила его на мысль попасть на службу по акцизу, да такъ, чтобы годиковъ черезъ пять получать тысячи три, а то и четыре, -- бывали примѣры.

Но прежде всего необходимо заняться самообразованіемъ, рѣшалъ онъ, -- это прежде всего; завести знакомство, почувствовать себя человекомъ. Вотъ только дай пройдетъ эта осень! Съѣзжу домой, а вернусь -- буду ходить къ Линтвареву, буду, Богъ дастъ, съ живыми, настоящими людьми общаться...

И, волнуясь, онъ расхаживалъ по своей комнатѣ. Потомъ бралъ выпрошенную еще въ семинаріи у товарища книжку журнала и принимался за статью: „Взглядъ на русское судостройство и судопроизводство“. Но статья была невеселая. Осилить нѣсколько страницъ, Турбинъ опускалъ книгу, закрывалъ глаза и опять отдавался ду-

мамъ... Иногда, поздней ночью, растроганный нѣжностью къ отцу, Турбинъ писалъ къ нему длинныя письма; но на утро они казались ему витіеватыми и невыразительными и онъ не посылалъ ихъ...

Когда обнаружилось, что вѣхатъ не на что, вечера измѣнились. Онъ сталъ проводить ихъ въ безпокойной тоскѣ и безплодныхъ придумываніяхъ, какъ устроить эту поѣздку. Иногда онъ рѣшался даже на послѣднее средство—занять денегъ. Но тотчасъ же отказывался отъ него. „Немыслимо. Долги—погибель!“ Проклиная въ душѣ и себя, и темноту, и училище, онъ шагаль къ дьячку ужинать. Возвратясь, тотчасъ же заворачивался въ тулупъ и ложился въ постель. Вся тоска осеннихъ дней охватывала его тогда. Черная ночь глядѣла въ окна. На деревнѣ во мракѣ зіялъ огнями заводъ; огненными искрами роились его высокія трубы; когда тяжелымъ взмахомъ налеталъ вѣтеръ, чаще и гуще стрекалъ косою дождь въ стекла оконъ и еще жалобнѣе завывало въ печкѣ... А на разсвѣтѣ отдаленными-отдаленными, протяжными стопами доносилась перекличка пѣтуховъ; медленно-медленно пробуждалась послѣ долгой ночи жизнь. Дождь стихалъ; холоднѣло; вѣтеръ гналъ въ холодномъ небѣ бѣлесыя космы тучъ. Надъ деревней, надъ голыми полями занимался новый скучный день...

А потомъ пошли мятели, засыпая снѣгомъ избы, слѣпя окна. Побѣлѣвшая деревня еще болѣе опустѣла и затихла—даже собаки забивались въ сѣнцы.

Съ утра до ночи неслась надъ ней вьюга и сто-

яли мутныя сумерки. Въ бѣлой пыли топили и заводъ и церковь. Вътеръ по почамъ жалобно перезванивать на колокольнѣ...

VII.

Часовъ около шести Павелъ съ громомъ уронилъ на полъ вьюшку. Чтобы загладить свою неловкость, онъ закричалъ и чмокнулъ губами:

— Ну и студено же на дворѣ! Вызвѣздило — страсть!

— А ты плѣшивыхъ посчитай! — раздался изъ темноты спокойный голосъ учителя.

— Ай проснулись?

— Подремаль, — отвѣчалъ учитель, зѣвая.

На душѣ у него было пусто. Онъ спустилъ длинныя ноги съ кровати и соображалъ, итти или нѣтъ къ дьячку. Ёсть хотѣлось, — надо было итти.

На селѣ было темно и тихо. Морозило; на черномъ небѣ сверкали крупныя звѣзды. Лай собачонки съ того боку деревни звонко отдавался въ чистомъ воздухѣ. Свѣжесть зимней ночи ободрила Турбина.

— Отцу Алексѣю — почтеніе! — сказалъ онъ шутливо-громко и съ удареніемъ на „о“, нагибаясь и входя въ избушку дьячка. — Съ преддверіемъ!

Дьячокъ чинилъ хомуть, сидя на лавкѣ около коптившей лампочки. Онъ медленно поднялъ голову и, приложивъ большой палецъ къ ноздрѣ, сильно дунуль носомъ въ сторону. И опять посмотрѣлъ на Турбина сквозь висѣвшія на кончикѣ носа очки.

Не на званомъ ли обѣдѣ были? спросилъ онъ, слабо улыбаясь и утирая носъ подою.

На званомъ, о. Алексѣй, на званомъ.

Старшая дочка дьячка, косенькая, миловидная и тихая дѣвочка лѣтъ шести, слепая босыми ножками по полу, собрала на столъ. Турбинъ молча принялся хлебать щи.

— Попробую и я съ вами... — сказалъ дьячокъ, откладывая хомутъ въ сторону, подошелъ къ лейкѣ надъ лоханью, плеснулъ водой на руки и взялся за ложку.

Косенькая дѣвочка молча стояла у печки. Дьячокъ посмотрѣлъ на нее, опустилъ голову и сказалъ:

— Еже во плоти Рождество Господа нашего Иисуса Христа... Да... воспоминаніе избавленія церкви и державы... А тамъ и отданіе праздника, и Новый годъ... Что-то я забылъ, когда восходъ солнца? Заходъ знаю, а вотъ восходъ? Вы не помните?

Турбинъ захохоталъ, откинувшись къ стѣнѣ и закрывъ ротъ рукою.

— А на что онъ вамъ, о. Алексѣй?

Дѣвочка подошла къ столу и серьезно стала убирать ложки. Турбинъ смолкъ и поскорѣе выбрался на улицу.

— Эхе-хе-хе-хе! — говорилъ онъ, шагая въ гору и качая головой.

На полугорѣ онъ остановился и глубоко вздохнулъ свѣжимъ воздухомъ...

— Какой же, собственно, смыслъ въ тоскѣ? — подумалъ онъ. — Живуть и хуже моего.

Къ удивленію его, въ училищѣ свѣтился огонь.

Не отецъ ли прѣхалъ? Или кто-нибудь изъ забытыхъ товарищей? Но тогда у крыльца были бы лошади... „Навѣрно, Слѣпушкинъ или Кондратъ Семенычъ“.

VIII.

Кондратъ Семенычъ былъ сынъ обѣднѣвшаго помѣщика, учился въ гимназiи, но дотянулъ только до 5-го класса. Этому, впрочемъ, помогло и то, что на охотѣ съ борзыми онъ сломалъ себѣ ногу. Отъ отца Кондрату Семенычу осталось только тридцать десятинъ земли, небольшой флигелекъ на выѣздѣ Можаровки, шитье съ дворянскаго мундира, портретъ Николая I, два бронзовые шандала и дорожный ларчикъ краснаго дерева, изъ затѣйливыхъ ящичковъ котораго пахло старинными кислыми духами. Кондратъ Семенычъ сдалъ исполу мужикамъ землю, нанялъ кучера, записного охотника и пьяницу Ваську, и уже не разлучался съ нимъ.

Кондратъ Семенычъ былъ широкоплечъ, небольшого роста, особенно тогда, когда осѣдалъ на лѣвый бокъ, на хромую ногу; черные волосы его кудрявились, а загорѣлое, кирпичнаго цвѣта лицо оживлялось маленькими веселыми глазками; нижняя челюсть выдавалась у него, но это придавало ему только добродушное выраженiе; концы черныхъ усиковъ на короткой верхней губѣ лихо завивались кверху.

Душа у Кондрата Семеныча была добрая, открытая. Пилъ онъ и въ кабакахъ, и въ гостяхъ, и на охотѣ, лгалъ, хвастался отчаянно и не скры-

вать этого: „А я тебѣ, братъ, чертовски брехалъ вчера“, — сиплетъмалъ безъ всякой предвзятой цѣли — просто подъ вліяніемъ расположенія къ другу, а друзьями у него на селѣ были почти всѣ. Колтыхая по деревенской улицѣ, онъ такъ же дружески встрѣчался и съ помѣщикомъ, какъ и ставилъ ногу на втулку колеса къ мужику, насыпая изъ его кисета цыгарку махоркой. Носилъ, какъ всѣ мелкопомѣстные, длинные сапоги, шаровары, картузь и поддевку, которая издавала какой-то особенный запахъ — запахъ пороха и лошади; какъ и они, любилъ хвастнуть своей рыженькой троечкой.

Турбинъ былъ у него раза два. Онъ надѣялся черезъ Кондрата Семеныча познакомиться со многими помѣщиками. Но тотъ только силился напоить его. Къ тому же и обстановка у него была не такая, какую думалъ встрѣтить Турбинъ: крыльцо передъ домомъ было разрушено; въ прихожей полъ былъ какъ въ свиной закутѣ — какъ онъ былъ унавоженъ жившими здѣсь и зиму и лѣто турманами, которые при входѣ людей поднимались тучей, съ шумомъ и свистомъ крыльевъ, и совсѣмъ затемняли свѣтъ, проникавшій сквозь радужныя отъ времени стекла. Въ углу залы былъ насыпанъ ворохъ овса; тутъ же на соломѣ повизгивали, ползали и тыкались слѣпыми мордами гончіе щенята; большая красивая сука, спавшая возлѣ нихъ, подняла голову съ лапъ и наполнила всю залу музыкальнымъ лаемъ. Голыя стѣны кабинета были темны отъ табаку и мухъ; надъ турецкимъ диваномъ висѣли нагайки, книжалы и желтыя шкурки лисицъ.

Подъ окномъ, на письменномъ столѣ, кучей была насыпана махорка, стояла коробка кофесной мази, лежала шляпа; изъ-подъ стола зеленѣла четверть водки. Турбинъ чувствовалъ себя неприятно. Не нравилось ему и то, что Кондрать Семеньчъ говорилъ ему „ты“ и называлъ его циркулемъ.

Слѣпушкинъ служилъ на заводѣ подкурничкомъ; лицо у него было толстое, обрюзглое и темное, какъ у заправскаго алкоголика, голосъ тяжелый, фигура медвѣдя. Пилъ Слѣпушкинъ водку, смѣшанную съ пивомъ: такой составъ назывался „ершомъ“, но трудности проглотить его сразу. Въ гостяхъ у Турбина онъ засиживался до трехъ часовъ ночи и часто просилъ писать къ лавочнику записки, чтобы тотъ прислалъ „дюжину“.

— Не понимаю, — говорилъ онъ сонно, облокотясь на столъ и глядя на учителя свинцовыми глазами, — не понимаю этихъ нѣжностей: вѣдь мнѣ онъ не повѣритъ... а я, надѣюсь, въ состояннн заплатить вамъ этотъ несчастный цѣлковый.

— Само собой, — говорилъ Турбинъ, расхаживая по комнатѣ, — я не сомнѣваюсь, но право же...

— Само собой, само собой! дразнилъ Слѣпушкинъ.

— Пусть будетъ такъ... — начиналъ Турбинъ, но главная вещь...

Тогда Слѣпушкинъ подымался.

— А ужь этого „пусть будетъ такъ“ я совсемъ не выношу! — говорилъ онъ съ искрен-

нимъ презрѣніемъ. — Вѣроятно, мы теперь не скоро увидимся.

IX.

Съ неудовольствіемъ вспоминая все это, Турбинъ подошелъ къ училищу и заглянулъ въ окно.

Кондратъ Семенычъ лежалъ на кровати. Таубкинъ, выгнувъ сутулую спину и запустивъ руки въ карманы модныхъ узкихъ брюкъ, сверкалъ очками. Слѣпушкинъ сосредоточенно игралъ на гитарѣ, опустивъ голову и покачиваясь. Ему вторилъ на гармоникѣ одинъ изъ подвальныхъ, Митька Лызловъ, бѣлобрысый и безусый. Онъ игралъ и съ блаженной усмѣшкой тянулъ фальцетомъ:

А всѣмъ барышнямъ-модисткамъ
По поклончику по низкомъ!

Но кто-то былъ еще, какой-то благообразный господинъ съ лысиной во всю голову, съ длинными черными баками. Осторожно Турбинъ пробрался къ противоположному окну, и даже руки у него похолодѣли: это былъ Прохоръ Матвѣичъ, линтваревскій лакей.

— Значитъ, Линтваревъ пріѣхалъ, — думалъ Турбинъ. — Но какова это будетъ штука, если я пойду къ нему, буду сидѣть въ залѣ — и вдругъ войдетъ Прохоръ Матвѣевичъ?

Стукъ двери и голоса послышались на крыльцѣ. Турбинъ прижался за уголъ. По снѣгу закричали шаги, Лызловъ звонко заигралъ на гармоникѣ. Турбинъ осторожно пробрался въ школу. Дверь на крыльцо осталась открытой; въ ком-

натѣ пахло табакомъ и свѣжестью морознаго воздуха. Турбинъ поморщился. Но вдругъ взглядъ его упалъ на столъ: конвертъ изъ плотной бумаги! Турбинъ смѣшался, покраснѣлъ, неловко рвануль его...

„Многоуважаемый Николай Нилычъ, — стояло въ письмѣ, — простите за поздній отвѣтъ. Въ тотъ прїѣздъ, какъ получилъ ваше письмо, я не успѣлъ отвѣтить, а теперь хотѣлось бы поговорить съ вами лично по поводу вашей просьбы, почему надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи видѣть васъ у себя на второй день праздника вечеромъ. Преданный вамъ Линтваревъ“.

Это былъ отвѣтъ на просьбу Турбина помочъ школъ учебниками. Но теперь Турбину было не до учебниковъ; онъ ходилъ по комнатѣ и бормоталъ съ сіяющимъ лицомъ:

— Преданный! Гм... Вотъ, ей-Богу, чудакъ!..
И внутри у него все дрожало отъ радости.

Х.

Къ утру сочельника комната его сильно настудилась. Вода въ умывальникѣ замерзла. Стекла оконъ были съ верху до низу запушены инеемъ и зарисованы серебряными пальмовами листьями, узорчатыми папоротниками. Турбинъ спалъ крѣпко, а проснулся съ ощущеніемъ какой-то хорошей цѣли. Онъ вскочилъ и отдернулъ примерзшую форточку. Рѣзкій скрипъ саней стоялъ надъ всѣмъ выгономъ: изъ-подъ горы тянулся длинный обозъ, весь завѣянный ночной поземкой; морды лошадей были въ кудрявомъ инеѣ. Все

тонуло въ яркихъ, но удивительно нѣжныхъ и чистыхъ краскахъ сѣвернаго утра. Выгоны, лозины, избы — все казалось снѣговыми изваяніями. И на всемъ уже сіялъ огнистый блескъ восходящаго солнца. Турбинъ заглянулъ изъ форточки влѣво и увидалъ его за церковью во всемъ ослѣпительномъ великолѣпіи, въ морозномъ кольцѣ съ двумя другими, отраженными солицами.

— Поразительно!—воскликнулъ онъ и, торопливо захлопнувъ форточку, юркнулъ подъ одѣяло.

— Уши! — сказалъ онъ громко и засмѣялся, вспомнивъ, что мужики называютъ эти отраженія солнца „ушами“.

Передняя, куда онъ вышелъ умываться, вся была озарена солнцемъ. Онъ долго и особенно тщательно мылся, потомъ заглянулъ въ класную: и тамъ было теперь весело отъ солнца и тишины предпраздничнаго утра. „Не шуми ты, рожь...“ — затынулъ онъ во все горло... Голосъ гулко отдался въ пустой комнатѣ, и это напомнило ему его одиночество. Онъ замолкъ и пошелъ въ переднюю пить чай на окнѣ, при солнцѣ. Сообразивши, что итти къ обѣднѣ уже поздно, онъ даже обрадовался. Его тянуло обдумать, получше обдумать что-то. Но, подавляя внутреннюю торопливость, онъ убралъ чашки и самоваръ, надѣлъ новое пальто и медленно вышелъ.

Щурясь отъ ослѣпительнаго сверканья на парчѣ снѣга, отъ блестящихъ, отшлифованныхъ, какъ слоновою костью, ухабовъ дороги, глубоко дыша холоднымъ воздухомъ, онъ шелъ и все любо-

вался деревней, синими рѣзкими тѣнями около строеній и горизонтомъ зеленоватаго неба надъ далекимъ лѣсочкомъ въ снѣжномъ полѣ: туда, къ горизонту, небо было особенно нѣжно и ясно. Ишей пріятно садился на вѣки, паръ шелъ отъ дыханья, солнце пригрѣвало щеку... Хорошо бы теперь откинуться въ задокъ барскихъ сапей, полузакрѣпить глаза и только покачиваться, слушая, какъ заливадается колокольчикъ надъ тройкой, запряженной впротяжку!

— Ну, такъ какъ же? Иду, значитъ? Или нѣтъ не стоитъ?—думалъ Турбинъ, шагая.

Въ душѣ онъ еще вчера рѣшилъ, что пойдеть. „Да, такъ лучше,—говорилъ онъ себѣ,—пойду на третій день, утромъ, по дѣлу, ненадолго. Немыслимо сразу въ гости прійти... это онъ для приличія... Попрошу и уйду. А тамъ, на Новый годъ, примѣрно, ужь и вечеркомъ можно“.

Незамѣтно онъ уходилъ все дальше и, говоря одно, повторялъ въ то же время другое: „Ну, такъ какъ же?...“ Представивъ себѣ всѣ непріятности этого посѣщенія, онъ тотчасъ же начиналъ разубѣждать себя въ этомъ, говорилъ, что „глупо рисовать все въ дурномъ смыслѣ“, что онъ не хуже другихъ... Въ концѣ концовъ эта путаница мысли испортила ему настроеніе, утомила, стала мучить. Онъ поспѣшно пошелъ обѣдать.

Вернувшись и увидя свою бѣдную комнатку вымытой и прибранной къ празднику, онъ почувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ и сталъ думать спокойнѣе и, серьезнѣе.

ХІ.

Наступилъ праздникъ.

Турбинъ чувствовалъ себя какъ-то особенно, какъ привыкъ чувствовать себя съ дѣтства въ большіе праздники, чинно стоялъ въ церкви, чинно разговлялся у батюшки. Дома, не зная за что приняться, онъ безцѣльно походилъ по классу, заглянулъ въ окно... Въ безлюдьѣ села чувствовалось: всѣ дождались чего-то, одѣлись лучше и не знаютъ, что дѣлать. Съ утра было сѣро и вѣтрено. Послѣ полудня воздухъ прояснился, облачное небо посинѣло, блѣдно-желтымъ пятномъ обозначилось солнце, снѣгъ сталъ ярче и желтѣе, поземка струйками закурилась на гребняхъ сугробовъ, подхватываясь и развѣваясь бѣлой пылью, криво понеслись по вѣтру галки. Проѣзжій мужикъ повязалъ уши платкомъ, сталъ на колѣни и погналъ лошадь. Розвальни бѣжали, разрывая переносы сухого снѣга на обмерзлой дорогѣ, постукивая и раскатываясь...

Скука съ новой силой охватила Турбина.

Но вечеромъ, когда онъ пошелъ на заводскую сторону, онъ неожиданно столкнулся съ Линтваревымъ и совершенно потерялся отъ смущенія.

— Съ праздникомъ! — сказалъ онъ не то галантно, не то въ шутку, неестественно изгибаясь.

Линтваревъ былъ средняго роста, съ простымъ пріятнымъ лицомъ, съ русою бородкой и ласковыми глазами. На немъ былъ полушубокъ и ватенки, на головѣ — баранковая шапка.

— Ахъ, Николай Нильчъ! — сказалъ онъ, встрепенувшись, какъ будто даже заискивающе.

Ив. Бунинъ.

Здравствуйте, здравствуйте!.. Благодарю васъ...
Ну, что, какъ вы,—не соскучились?

— Пока еще нѣтъ,— отвѣтилъ Турбинъ, краснѣя и сисясь вложить въ каждое слово не то что-то особенное, не то ироническое.

— Да, да...

Постояли, помялись.

— Ну, такъ увидимся? До завтра?

Турбинъ опять не то галантно, не то комически раскланялся.

Домой онъ шелъ очень быстро. Какъ быть, гдѣ взять крахмальную рубашку? Въ вышитой положительно невозможно!

ХII.

Вечеромъ онъ долго, съ великимъ трудомъ зашивалъ задникъ сапога шпиками и замазывалъ ихъ чернилами.

Все утро онъ ходилъ по комнатамъ въ одномъ бѣльѣ, умывался, нѣсколько разъ принимался чистить сапоги, пачкалъ и опять мылъ руки и все думалъ о рубашкѣ.

— Ничего не придумаешь! — говорилъ онъ, останавливаясь среди комнаты. — Послать къ Слѣпушкину? Немыслимо! Начнутъ судить, рядить... дойдетъ до Лигтварева... Гадость!

«Но нѣчто подобное случилось.

Около полудня къ крыльцу школы подлетѣла тройка Кондрата Семеныча. Съ мороза его лицо было особенно свѣжо и темно-красно. Подбородокъ былъ выбритъ, усы чернѣли ярко и лихо. На немъ была спортивная пара; въ перел-

ней онъ сбросилъ еотовую шубу. Коренастый, приземистый, — объ дорогу не расшибешь, что называется, — бойко прихрамывая, онъ быстро вошелъ къ Турбину, крѣпко поцѣловался съ нимъ, причеиъ на Турбина пахнуло морозной свѣжестью и запахомъ закуски, и тотчасъ принялъ живѣйшее участіе въ заботахъ о его нарядѣ.

— Валяй, братъ, валяй смѣлѣй!

Турбинъ, хотя и относился Кондрату Семенычу, какъ къ человеку пустому, однако зналъ, что Кондратъ Семенычъ „бывалъ въ обществѣ“ и можетъ подать совѣтъ.

— Какъ валять-то? — говорилъ онъ, сдерживая улыбку. — Тутъ такая неприятная исторія! Рубашки крахмальной нѣтъ!

Кондратъ Семенычъ качнулъ головой.

— Это, братъ, скверно. Въ вышитой явится въ первый разъ въ домъ — нахальство!

— Ну, такъ какъ же? — говорилъ Турбинъ растерянно.

— Ни черта, — сказалъ Кондратъ Семенычъ. — Не робѣй!

И, отворивъ форточку, онъ своимъ хриплымъ охотничьимъ голосомъ гаркнулъ:

— Васька! Домой валяй! Духомъ доставь рубашку крахмальную... въ сундукъ, подъ лѣтней поддевкой...

Пока Василій ѣздилъ за рубашкой, Кондратъ Семенычъ разсказалъ, гдѣ онъ успѣлъ уже побывать, и съ улыбкой сатира, отъ которой заблестѣли его маленькіе каріе глаза, вытащилъ изъ рукава шубы бутылку водки.

— Хвати для храбрости! Хочешь?— говорилъ онъ, обивая сургучъ съ горлышка.

— Ну ужъ нѣтъ!

— Что, думаешь, пахнуть будетъ? Ни капельки. Только чаемъ зажуи. А впрочемъ, чортъ съ тобой. Нѣтъ ли чашечки?

Выпивъ и закусивъ кренделемъ, Кондрать Семенычъ заговорилъ серьезно:

— Ты, братъ, себя поразвязнѣй держи, посвободиѣе. А то вѣдь будешь сидѣть, какъ кнутъ проглотилъ.

— А какъ брюки —ничего? —спрашивалъ Турбинъ.

Кондрать Семенычъ оглядѣлъ ихъ съ полной добросовѣстностью и подумалъ.

— Сойдетъ!— сказалъ онъ рѣшительно; за милую душу сойдетъ. Только вотъ смяты немного. Снимай, давай разгладимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пустяки, — пробормоталъ Турбинъ, густо краснѣя.

— Ну, какъ знаешь.

Кондрать Семенычъ легъ на постель и воцарился за пѣль:

Вода—для рыбы, раковъ,
А мы, герои, водку пьемъ!

Въ это время Васька внесъ рубашку. Но едва Турбинъ надѣлъ ее, Кондрать Семенычъ такъ и покатился со смѣху.

— Нѣтъ... Не срамись! — хрипѣлъ онъ, задирая ее на голову Турбина, — не годится!

И правда, рубашка не годилась. Накрахмалена она была отвратительно — вся была грязно-синяя, воротъ ея былъ непомерно широкъ.

Декольтэ! - повторялъ Кондрать Семенычъ сквозь смѣхъ.

Турбинъ снова покраснѣлъ и даже зацвѣлъ отъ злобы.

— Я вамъ не шутъ гороховый! — крикнулъ онъ бѣшено.

— Да за что жѣ серчаешь-то? — заговорилъ Кондрать Семенычъ растерянно. — Самъ тонокъ, какъ шесть, хотъ грачей доставать, а на мѣня серчаетъ... Ну, хочешь, достану?

— Не понимаю — гдѣ? — глядя въ сторону, про-
бормоталъ Турбинъ.

— Да ужъ это мое дѣло. Ну, хочешь?

И, не дожидаясь отвѣта, хлопнулъ дверью, на-
кинулъ на себя шубу, и выскочилъ на крыльцо. Рыженькая троечка подхватила подъ гору. Тур-
бинъ бросился къ дверямъ:

— Кондрать Семенычъ! Кондрать Семенычъ!

Но Кондрать Семенычъ только рукой мах-
нулъ.

— Это Богъ знаетъ что такое! — сказалъ Тур-
бинъ, чуть не плача. — Это значитъ, всему заво-
ду будетъ извѣстно!..

Однако, когда Кондрать Семенычъ черезъ де-
сять минутъ явился обратно и привезъ съ со-
бой Таубкина и его крахмальную рубашку, ко-
гда Таубкинъ самымъ задушевымъ тономъ сталъ
просить „не беспокоиться“ и когда рубашка ока-
залась какъ разъ впору, Турбинъ, весь красный
отъ волненія, началъ улыбаться.

— Что вы беспокоитесь? — говорилъ Таубкинъ
фальцетомъ. — Что такое? Развѣ я не понимаю?

Конечно, это останется между нами. Хотите мои часы?

Турбинъ отказывался. Кондратъ Семенычъ преувеличенно расхваливалъ его костюмъ.

Наконецъ Турбинъ былъ готовъ. Онъ повеселѣлъ, хотя и чувствовалъ себя наряженнымъ и точно связаннымъ. Онъ сѣдился то на одинъ, то на другой стулъ.

— Вы къ нему по дѣлу? — вдругъ спросилъ Таубкинъ, какъ будто вскользь.

— Да, то-есть такъ... по дѣлу отчасти.

— Такъ вамъ, пожалуй, пора.

Турбинъ уже давно думалъ про это. „Пожалуй, что и правда пора, — соображалъ онъ, — что же, къ шапочному разбору-то прійти? Только хозяевъ въ неловкое положеніе поставишь...“

— А который часъ?

— Четверть восьмого.

— Вали, братъ, вали, — сказалъ Кондратъ Семенычъ.

— Пожалуй, — согласился Турбинъ, медленно подымаясь.

Напѣвая, Кондратъ Семенычъ накинулъ на себя шубу, осмотрѣлъ пальто Турбина.

— Молодецъ! — сказалъ онъ, смѣясь глазами. Хочешь, подвезу?

Турбинъ заторопился отказаться.

— Ну, чертъ съ тобой! Ыдемъ.

Онъ сунулся лицомъ къ лицу Турбина для поцѣлуя, ввалился въ сани рядомъ съ Таубкинымъ и крикнулъ:

— Обрати посерьезнѣе вниманіе на Ливтвари-ху. Хороша, анаѳема!

Уже подходя къ аллеѣ передъ линтваревскимъ домомъ, Турбинъ вдругъ оробѣлъ, оглянулся и поспѣшно зашагалъ подъ гору. „Рано, рано, немислимо такъ рано!..“

Волнуясь, онъ дошелъ до моста и опять оглянулся. Вотъ будетъ скверно, если видѣли, что онъ приходилъ! Но никого не было кругомъ. Только на деревнѣ горланили на „улицѣ“ дѣвки. Изъ дома черезъ аллею загадочно свѣтились окна. Что тамъ, въ домѣ? Начался вечеръ или нѣтъ? И кто тамъ, и что дѣлаютъ? А обстановка? „Небось, люстры, паркетъ, бархатъ, фамильные портреты“... „Вотъ отчитаю сто... нѣтъ двѣсти, и тогда пойду“.

Вдругъ на мосту послышался скрипъ шаговъ. Турбинъ быстро повернулся и, не оглядываясь, почти побѣжалъ по аллеѣ. Не думая, онъ быстро растворилъ дверь, шагнулъ черезъ три ступеньки въ сѣняхъ и сталъ шарить по притолкѣ звонка. Въ дверяхъ щелкнулъ замокъ, и нарядная горничная появилась на порогѣ.

— Павелъ Андреевичъ дома?

— Пожалуйста-съ.

Горничная помогла ему снять пальто. Какъ въ туманѣ, увидалъ онъ большую свѣтлую залу, открытый блестящій рояль, тонкіе стулья, тропическія растенія... Поразили его только ширмочки около нихъ изъ матоваго стекла; все остальное показалось ему черезчуръ просто. Цапаясь когтями по паркету, изъ столовой выбѣжала щего-

левато-топкая черная собачка, а за нею быстро вышелъ Линтваревъ.

— Имѣю честь поздравить! — сказалъ Турбинъ и въ смущеніи вынулъ носовой платокъ.

Предупредительно-ласково Линтваревъ пожалъ ему руку.

— Милости просимъ, милости просимъ!

И, пропуская Турбина впередъ, повелъ его въ столовую.

— А, Николай Нилычъ! — сказала Надежда Константиновна такъ, словно давно ждала его.

Турбинъ расшаркался, оглянулся.

— Николай Ивановичъ Турбинъ... Г-нъ Турбинъ... — поспѣшно говорилъ хозяинъ.

Молодой, свѣжій, красивый флотскій офицеръ всталъ быстро и поклонился съ преувеличенной вѣжливостью. Невысокій, худощаво-широкоплечій, съ обвѣтреннымъ, инородческаго типа лицомъ докторъ пожалъ ему руку просто и безъ улыбки. Пожилой, солидный господинъ, не вставая, сдержанно-вѣжливо наклонилъ голову.

— Присаживайтесь-ка! — сказала хозяйка опять такъ, словно хотѣла сказать: „Ну, наконецъ-то, вотъ теперь все пойдетъ прекрасно“.

Турбинъ сѣлъ, вытеръ платкомъ лобъ, все еще глядя словно черезъ воду. То, что одинъ изъ гостей не подалъ ему руки, заставило его ощутить почти физическую боль въ сердцѣ.

— Николай Нилычъ, вамъ сколько кусковъ сахару? — обратилась къ нему хозяйка съ улыбкой.

Турбинъ встрепенулся.

— Я бы попросилъ безъ сахару, сказалъ онъ.

И онъ взялъ стаканъ, замирая отъ страха повалить его на скатерть или прикоснуться руками къ рукамъ Надежды Константиновны. Такъ какъ общій разговоръ на минуту прервался, то она продолжала:

— Ну что, какъ ваша школа?

— Ничего, прекрасно, — отвѣтилъ Турбинъ, и его голосъ ему показался чужимъ и слишкомъ громкимъ.

— А въ Можаровкѣ вы на всѣ Святки остались? — заботливо прибавилъ хозяинъ.

— Да, ужъ нынѣшній годъ, думаю... рѣшилъ такъ, что не ѣздить лучше.

— Да?

Линтваревъ наклонилъ голову, словно пріятно изумился. Затѣмъ торопливо, съ виноватой улыбкой — по необходимости, молъ — обернулся къ сосѣду.

Стараясь держаться свободнѣе, Турбинъ сталъ осматриваться.

XIV.

Тотъ, что не подалъ руки Турбину, Беклемишевъ, былъ богатый помѣщикъ и видный человекъ въ земствѣ. Онъ былъ плотенъ, родовитъ, съ матовымъ цвѣтомъ моложаваго лица, сѣдъ. Держался съ удивительнымъ хладнокровіемъ. И Турбинъ старался не глядѣть на него.

Земскій докторъ держался строго, но просто, и его черемисское лицо и взгляды сквозь очки

между быстрыми глотками чая не пугали. Родственницы хозяйки, княжны Тришольскія, часто вставляли свои замѣчанія въ разговоръ Беклемишева о его поѣздкѣ къ министру Ермолову лѣнивымъ тономъ, гримасничая, когда улыбались. Ихъ Турбинъ уже видѣлъ нѣсколько разъ осенью, когда онъ амазонками проѣзжали по селу кататься. И у священника и у лавочника велись тогда безконечные разговоры о нихъ. Отъ стараго повара всѣ знали, что княжны очень богаты, живутъ то въ Петербургѣ, то въ своемъ имѣннѣи, то гостятъ у Линтварева, а больше всего — за границей.

— Что жъ имъ? Катайся въ свое удовольствіе да и только! — говорилъ лавочникъ съ умиленіемъ.

Когда о Турбинѣ забыли, онъ успокоился и только чувствовалъ себя какъ-то странно-хорошо въ этой новой обстановкѣ, среди легко развивающагося разговора, сидя около хозяйки, похожей на англійскую лэди: такихъ изящныхъ чертъ лица, такой чистоты и нѣжности кожи онъ еще никогда не видывалъ. А когда онъ вставалъ, такъ было легко и пріятно отодвигать тонкій красивый стулъ, ходить по паркету въ этой просторной столовой, ярко озаренной большой лампой надъ столомъ, видѣть блескъ серебрянаго самовара и посуды изъ тончайшаго стекла. Было, правда, одно очень непріятное обстоятельство: во время разказа Беклемишева, Турбинъ, не зная, что дѣлать, наклонился и поймалъ собачку; но та, какъ стальная, выскочила изъ рукъ и при этомъ такъ пронзительно взвизгнула, что

хозяйка схватилась за високъ и всѣ встревожились, обратили на него глаза, и Турбинъ готовъ былъ провалиться сквозь землю отъ смущенія. Но сама же хозяйка и сумѣла замять эту исторію: такъ непринужденно, словно ничего и не было, обратилась къ нему: „Николай Нилычъ, вы позволите еще чаю?“ — что онъ ободрился и смогъ очень ловко отвѣтить: „Нѣтъ, merci... достаточно уже“.

Онъ выпилъ два стакана, наслаждаясь ароматомъ рома, который съ тихой лаской подливалъ ему въ чай хозяинъ, и отъ рома оживился, почувствовалъ смѣлость и вѣрную упругость въ ногахъ. Онъ даже не смутился, когда пріѣхало еще нѣсколько человѣкъ гостей: красивая, полная вдова-помѣщица, завитая, съ горящими отъ мороза ушками, старикъ-помѣщикъ, который немножко рисовался простотой, но котораго всѣ любили за эту простоту и тотчасъ окружили съ веселыми улыбками, еврей-инженеръ, сухой, черненькій, подвижной, въ родѣ той собачки, которую поймалъ Турбинъ, и наконецъ членъ суда, такой чистый, какъ всѣ судейскіе, свободный и веселый острякъ, дѣлавшій умные, насмѣшливые глаза.

Говорили о театрѣ. Трипольскіе съ восторгомъ рассказывали объ игрѣ Заньковецкой въ Петербургѣ, бранили Мазини, хвалили Фигнера... рассказывали про своихъ знакомыхъ, про поэта Надсона. Какъ будто желая описать, какой онъ милый и больной человѣкъ, княжны рассказывали, что онъ у нихъ былъ въ гостяхъ, а потомъ онъ его навѣстили въ Ниццѣ. Членъ суда декла-

мировалъ пародіи Буренина на надсоповскіе стихи. Потомъ разговоръ разбился - въ одномъ мѣстѣ слышались имена земцевъ, въ другомъ все еще Мазини и Фигнера. Учитель, изгибаясь и покачиваясь, подходилъ то къ одной, то къ другой группѣ и все время былъ въ напряженномъ состояніи отъ желанія хоть что-нибудь сказать. Но все разговоръ шель о неизвѣстномъ, и онъ молчалъ или смѣялся сдержанно и неискренно, когда смѣялись другіе.

— А вы все о своемъ профессиональномъ образованіи? — сказалъ онъ наконецъ, подходя къ Линтвареву и Беклемишеву.

Беклемишевъ тихо поднялъ на него глаза.

— Нѣтъ, почему же... — сказалъ Линтваревъ, улыбаясь.

Турбинъ, тоже улыбаясь, продолжалъ:

— Вы хотите, какъ я слышалъ, такъ серьезно имъ заняться?

Отъ неловкости Турбинъ подчеркивалъ слова, и ихъ можно было принять за насмѣшку. Особенно нехорошо ему было отъ пристальнаго и спокойнаго взгляда Беклемишева. Но все-таки онъ присѣлъ къ столу, предварительно посмотрѣвъ на стулъ и раздвинувъ полы сюртука, разставилъ острыми углами свои тонкія ноги и, поставивъ локоть на колѣно, сталъ пощипывать кончики своихъ жидкихъ бѣлесыхъ усовъ.

— Меня, по правдѣ сказать, очень интересуесть этотъ вопросъ, — сказалъ онъ, помолчавъ, какъ-то внезапно. — Я, конечно, говорю искренно...

— Съ какой же именно стороны васъ интересуесть? — спросилъ Беклемишевъ.

— То-есть какъ съ какой стороны? Вообще... въ примѣненіи его въ жизни.

Беклемишевъ, поставивъ руки на столъ и, соединяя ладони, смотрѣлъ, ровно ли приходятся пальцы одинъ къ другому. Линтваревъ старательно набивалъ машинкой папиросы.

— Я читалъ, — продолжалъ Турбинъ уже съ усиленіемъ: — недавно въ одной газеткѣ про книжку ^о какого-то Весселя о профессиональномъ образованіи... Меня собственно удивило, что къ его мыслямъ, очевидно, многіе относятся враждебно: на примѣръ, директоръ ремесленного училища Цесаревича Николая... Мнѣ кажется, что тутъ есть несправедливость... Онъ говоритъ, на примѣръ, что школа, собственно, несовмѣстима съ мастерской...

— То-есть это, — мягко перебилъ Линтваревъ, — Песталоцци мнѣніе, а Вессель, хотя и...

— Ну да, и Песталоцци, — перебилъ въ свою очередь Турбинъ, и въ немъ уже загорѣлось желаніе спора. — Только по моему мнѣнію, это и понятно... Когда мнѣ, позвольте спросить, обучать своего какого-либо мальчика мастерить разныя бездѣлушки, когда онъ самъ, въ своемъ быту, такъ сказать...

Зачѣмъ же непременно бездѣлушки?

Турбинъ развелъ руками.

— Мнѣ, собственно, это все представляется какъ бы игрушками... Мнѣ трудно это объяснить, но всѣ эти затѣи... Говорятъ, подспорье хозяйству... но вѣдь смѣшно подпирать то, что разваливается окончательно... да и не соответствуетъ все это духу нашего народа, нестаго

земледѣльца... А учить его, напримѣръ, дѣлать плетушки...

— Ну да, ученаго учить только портить, — насмѣшливо сказалъ Беклемишевъ.

Турбинъ хотѣлъ продолжать, сказать, что онъ думаетъ, болѣе ясно и связно. Но Беклемишевъ, какъ бы забывъ о его присутствіи, тихо и спокойно промолвилъ Линтвареву:

— Да, такъ я думаю, что это еще гадательно: князь слишкомъ глупъ для этого, а Гарницкій — юнъ.

Линтваревъ виновато посмотрѣлъ на Турбина. Турбинъ смолкъ. Теперь ему хотѣлось одного — поскорѣе уйти изъ столовой. Но встать сразу было неловко.

— А я все хотѣлъ попросить у васъ какой-либо книжицы изъ вашей библіотеки, — сказалъ онъ, наконецъ, подымаясь.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, — поспѣшилъ отвѣтить Линтваревъ.

Турбинъ всталъ и медленно прошелся по столовой. Онъ долго стоялъ передъ каминомъ, разсматривалъ большой портретъ Толстого, писанный масляными красками! Но ему уже было не по себѣ. Музыка въ залѣ ударила ему по сердцу какъ-то болѣзненно. И, подъ предлогомъ, что онъ идетъ слушать, онъ вышелъ въ залу.

XV.

Игралъ членъ суда.

Что это? спросилъ сидѣвшій около него старикъ-помѣщикъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Соната Грига. Вы не знаете?

-- Десять лѣтъ не игралъ, -- сказалъ помѣщикъ со вздохомъ, -- а хорошо!

-- Чудно! — подтвердила хозяйка.

Музыка Грига рѣшительно не нравилась Турбину. Звуки лились вычурно, быстро и не трогали его сердца. Онъ чувствовалъ, что она такъ же чужда ему, какъ все общество, окружавшее его. Въ началѣ вечера онъ все ждалъ, что будетъ что-то хорошее. Теперь это чувство ослабѣло. Онъ думалъ, что надо идти домой, что никому онъ не нуженъ. Никто даже не поинтересовался имъ, не поговорилъ, чтобы узнать, что онъ за человекъ. Даже хозяинъ только предупредительно, безпокойно вѣжливъ съ нимъ...

Музыка смолкла. „Посижу еще, послушаю немного и уйду“, рѣшилъ Турбинъ. Но поднялся разговоръ о Григѣ. Старикъ-помѣщикъ добродушно-насмѣшливо покачивалъ головой. „Хорошо, а не забирючиваетъ“, -- говорилъ онъ. Членъ суда горячился, доказывая, что „Григъ великолѣпенъ“.

И, покачивая головою, тихо началъ „Бѣлая ночь“ Чайковскаго:

Какая ночь! На всемъ какая нѣга!

Турбинъ не зналъ ни этихъ словъ ни Чайковскаго; но при первыхъ же чистыхъ звукахъ мелодіи у него дрогнуло сердце; что-то нѣжно-призывающее было въ нихъ; а когда эти зовущіе звуки опредѣлились въ томительно-грустные, Турбину захотѣлось заплакать.

Но рояль стихъ. Турбинъ всталъ: ему хотѣлось еще музыки, но онъ не зналъ, что назвать.

Онъ подумалъ о „Молитвѣ дѣвы“... но это было какъ-то неловко сказать.

— Будьте добры, сыграйте еще что-нибудь, — обратился онъ къ члену суда.

— Что же? — спросилъ тотъ, перебирая ноты.

— Что-нибудь Бетховена.

Членъ суда посмотрѣлъ на него внимательно.

— Сонату? — спросилъ онъ.

Турбинъ въ смущеніи качнулъ станомъ.

— Да, сонату...

— Какую же?

— Все равно... — пробормоталъ Турбинъ, чувствуя, что надъ нимъ смѣются.

Но тутъ позвали къ столу. Турбинъ настроилъ себя чинно и шелъ медленно всѣхъ.

Хозяинъ особенно хвалилъ и предлагалъ се-ледку. Членъ суда, съ видомъ знатока, попробовалъ ее и нашелъ „геніальной“.

— Николай Нилычъ! Водки? — сказалъ хозяинъ.

— Можно! — отвѣтилъ Турбинъ.

— Хинной или простой?

— Хинной, такъ хинной.

— Такъ будьте добры — распоряжайтесь сами

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, пожалуйста!

Около стола тѣснились, оживленно переговаривались. Съ тарелкою въ рукахъ Турбинъ долго стоялъ въ концѣ всѣхъ. Онъ не обѣдалъ и съ особеннымъ удовольствіемъ выпилъ рюмку водки, погнался вилкой за ускользающимъ грибокѣмъ и ограничился на первое время пирогомъ. Послѣ первой же рюмки онъ почувствовалъ лег-

кій хмель, очень захотѣлъ ѣсть и долго, поглядывая искоса и стараясь не торопиться, ѣлъ однихъ омаровъ. Членъ суда уже дружески предлагалъ ему выпить съ нимъ, и Турбинъ выпилъ еще рюмку простой водки. И водка и дружескій тонъ члена суда совсѣмъ размягчили его.

Первыя минуты опьяненія онъ чувствовалъ себя такъ же, какъ въ самомъ началѣ вечера: какъ сквозь воду видѣлъ блескъ огней и посуды, лица гостей, слышалъ говоръ и смѣхъ, чувствовалъ, что теряетъ способность управлять своими словами и движеніями, хотя сознавалъ еще все ясно. Раскраснѣвшееся, потное лицо затягивало паутиной; въ головѣ слегка шумѣло. Но все-таки онъ старался оглядываться смѣло и весело своими томными глазами. Ему было жарко. Когда же Линтваревъ (Турбину казалось, что и Линтваревъ запьянѣлъ) взялъ его подъ руку и повелъ къ столу ужинать, онъ почувствовалъ себя очень большимъ и неловкимъ.

— Не выпьемъ ли еще по единой? — сказалъ членъ суда.

Блаженный Теодоритъ велитъ повторить, отвѣчалъ Турбинъ со смѣхомъ.

— *Repetitio est mater studiorum.* Не такъ ли? промолвилъ съ другого конца стола флотскій офицеръ, явно поддѣльваясь подъ семинарскую рѣчь.

Турбинъ понялъ это и вызывающе поглядѣлъ на офицера. „Ну, и чертъ съ тобой!“ — подумалъ онъ и, усмѣхаясь, крикнулъ:

Ив. Бунинъ.

8

-- Оптіше!

Членъ суда поспѣшилъ налить. Хозяйка какъ будто вскользь, но значительно поглядѣла на него. И это Турбинъ замѣтилъ, но никакъ не могъ обидѣться: такъ просто и тепло стало у него на душѣ.

— Да и послѣдняя! — сказалъ онъ, выпивая и махая рукой. — Я и такъ мокрый, какъ мышь.

Удерживаясь отъ смѣха, младшая княжна зажала ротъ платкомъ.

Ужинъ, какъ показалось, прошелъ чрезвычайно быстро. Турбинъ запомнилъ только, что ѣлъ горячій ростбивъ, что сои огнемъ охватили ему ротъ, что онъ пилъ мадеру, лафитъ и плохо соображалъ, о чемъ идетъ говоръ.

Когда подали шампанское (былъ день рожденія хозяйки), Турбинъ быстро всталъ и оглушительно крикнулъ „ура!“ Но за оживленіемъ на это не обратили особеннаго вниманія. Всѣ столпились въ кучу, поздравляя хозяйку и самого Линтварева. Линтваревъ, съ бокаломъ въ одной рукѣ, прижималъ другую къ сердцу и старался казаться и тронутымъ и шутливымъ.

— Ура! — крикнулъ еще разъ Турбинъ, но уже потише и улыбнулся слабой, жалкой улыбкой.

— Не стойтъ! — шепнулъ докторъ, сжимая ему локоть.

— Ну, не надо...

И, улыбаясь, Турбинъ медленно пошелъ въ залу. Теперь онъ уже освоился съ тѣмъ, что не можетъ управлять собою.

Въ залѣ Прохоръ Матвѣичъ разносилъ чай, снова предложенный хозяиномъ. „Люблю, грѣшнѣйшій человѣкъ! — говорилъ онъ. — Господа, кто желаетъ китайскаго зелья?“ Всѣ приняли это предложеніе съ шумными одобреніями, какъ на земскихъ собраніяхъ: „Просимъ, просимъ!..“

- Сергѣй Львовичъ, сыграть просимъ! — крикнулъ хозяинъ.

- Благодарю, господа, я чувствую себя слишкомъ утомленнымъ, отнѣкивался Сергѣй Львовичъ, продолжая пародировать гласныхъ. Но тутъ поднялся такой шумъ и крикъ, что отказываться стало невозможно.

- Просимъ! — крикнулъ Турбинъ уже послѣ всѣхъ.

- Давненько я не бралъ въ руки шанекъ, — говорилъ Сергѣй Львовичъ, кряхтя и усаживаясь за рояль.

Сергѣй Львовичъ! Вебера! — крикнулъ членъ суда.

Сергѣй Львовичъ поднялъ брови и подумалъ.

- Нѣтъ, — сказалъ онъ съ улыбкой, — попробуемъ блеснуть техникой. Ну-ка...

- Тарантелла... — шепнулъ флотскій офицеръ — Николай Рубинштейна.

Членъ суда утвердительно кивнулъ головой.

Изъ медленныхъ, въ которыхъ сказывалась хитрая, сдержанная удаля, звуки быстро превратились въ шумные, быстрые и затрепетали въ какомъ-то дикомъ восторгѣ. Возгласы одобренія поминутно заглушали ихъ. Казалось, что если

• бы танецъ не кончился, можно было бы задохнуться отъ напряженія... Турбинъ хохоталъ первымъ смѣхомъ.

— Вотъ это такъ такъ, бормоталъ онъ въ восторгѣ.

— А теперь, — крикнулъ Линтваревъ, — грессь-фатеръ!

• Подъ церемонные звуки старинной музыки дамы во главѣ съ хозяиномъ и членомъ суда начали комически двигаться, раскланиваться, но спутались, перемѣшались и со смѣхомъ остановились.

— Ну, лянсье! — взывалъ хозяинъ.

— Не выйdetъ!

— Выйдетъ!

Турбинъ тоже порывался танцовать и быстро оглядывался кругомъ.

— Сергѣй Львовичъ! — вдругъ завопилъ онъ, пожалуйста!.. ту, веселую...

— Тарантеллу?

— Да, да!

Сергѣй Львовичъ мелькомъ взглянулъ на него и ударилъ по клавишамъ. И не успѣли опомниться гости и хозяинъ, какъ произошло нѣчто дикое: не слушая музыки, безъ всякаго такта, Турбинъ вдругъ зашаркалъ ногами, потомъ все быстрѣе, быстрѣе пошелъ мелкой дробью и вдругъ стукнулъ въ паркетъ, подпрыгнулъ и пустилъ руки между ногами, словно разрубилъ что-то со всего размаха.

— Bravo! — крикнулъ кто-то насмѣшливо — Бисъ!

И подъ разрастающіеся звуки Турбинъ охотно

пообъяжалъ назадъ, зашлетая и размахивая ногами какъ веслами, хотѣлъ еще разъ стукнуть въ полъ и вдругъ замеръ: въ двухъ шагахъ отъ него стоялъ отецъ Литварева! Шаркая и подаваясь впередъ, онъ поторопился изъ маленькой гостиной, гдѣ игралъ въ карты, на шумъ въ залъ. Увидавъ пляску, онъ съ изумленіемъ поднялъ свою сѣдую большую голову и, приложивъ къ переносицѣ пенснэ, глядѣлъ прямо въ лицо Турбину остановившимися глазами.

Турбинъ качнулся въ сторону и съ жалкой улыбкой махнулъ рукой. Докторъ быстро подошелъ къ нему.

— Пойдемте, батенька, домой, — сказалъ онъ ему строго.

— Нѣтъ, чего же? — отвѣтилъ Турбинъ. — Я еще не хочу.

Лицо его было блѣдно, холодный потъ крупными каплями покрывалъ лобъ.

Нельзя, нельзя, — повторилъ докторъ еще строже и, взявъ его подъ руку, повелъ въ переднюю.

Турбинъ, приплясывая, покорно пошелъ...

XVII.

Спалъ или не спалъ онъ, добравшись домой? До головокруженія живы и безпокойны были сновидѣнія. Казалось, что онъ все еще въ гостяхъ: люди двигались, перетасовывались, проходили передъ нимъ какъ въ пантомимѣ, и онъ самъ во всемъ участвовалъ и чувствовалъ, что все выходитъ хорошо и ловко, хотя и безпоко-

ить что-то, спутываетъ все. Турбинъ старался вспомнить, что же это мѣшаетъ, и никакъ не могъ, и мучился, осаждаемый сповидѣніями. Истомленный до послѣдней степени, онъ наконецъ открылъ глаза. Дневной свѣтъ сразу отрезвилъ его, — и стыдъ, жгучій стыдъ до слезъ, до физической боли пронзилъ его душу. Онъ стиснулъ зубы, крѣпко прижалъ голову къ подушкѣ.

Вдругъ онъ вскочилъ. Онъ рѣшился переломить себя, задавить всѣ эти воспоминанія. Онъ носѣшно одѣвался, убиралъ комнату. Въ ногахъ была слабость, но голова не болѣла. Онъ старался дѣлать все какъ можно правильнѣе и серьезнѣе. И въ то же время безпокойно выискивалъ оправданія себѣ...

Отворилась дверь.

— Самоваръ-то ставить, что ль? — спросилъ Павелъ.

— А почему же не ,.ставить? — хрипло крикнулъ Турбинъ.

— Да то-то, молъ, надо ли?

Турбинъ отвернулся и еще крѣпче стиснулъ зубы. Павелъ помолчалъ, потомъ вдругъ лукаво заглянулъ Турбину въ глаза и, съ просіявшимъ лицомъ, быстрымъ шопотомъ спросилъ:

— Ай слетать къ Ивану Филимонычу?

— Это зачѣмъ?

— За похмелочкой? А?

— Убирайся ты отъ меня къ шуту со своими безсмысленными глупостями! — закричалъ Турбинъ, багровѣя отъ злобы.

Послѣ чая онъ лежалъ на кровати и съ глухой яростью придумывалъ самыя оскорбитель-

ныя фразы, которыя, вѣроятно, посыпались по его адресу, какъ только онъ вышелъ, въ домъ Линтварева. А на селѣ! Съ какими глазами показаться теперь на село?

Однако онъ заставилъ себя одѣться и пошелъ къ дьячку обѣдать. „Знаютъ или нѣтъ?“ — думалъ онъ, боязливо глядя на заводскую сторону.

Около лавки онъ постарался итти какъ можно медленнѣе.

— Съ праздникомъ, Иванъ Филимонычъ! — сказалъ онъ, увидя лавочника, стоявшаго около сани съ ящикомъ водки.

Лавочникъ считалъ бутылки, передавая ихъ въ лавку мальчику, и отвѣтилъ учтиво и поспѣшно.

— И васъ также! Милости просимъ.

— Постараюсь.

— Николай Нилычъ теперь загордѣлъ, — вдругъ раздался голосъ лавочницы съ крыльца.

Она смотрѣла на Турбина насмѣшливо-пристально. Лавочникъ вдругъ обернулся къ ней съ строгимъ взглядомъ, и по одному этому взгляду Турбинъ понялъ, что все извѣстно, все... и съ замирающимъ сердцемъ поспѣшилъ скрыться въ избѣ дьячка.

Обѣдъ прошелъ спокойно. Но, когда Турбинъ уже поднялся изъ-за стола, дьячокъ, глядя въ сторону, сказалъ такъ, словно продолжалъ давно начатый разговоръ:

— И совсѣмъ не стоило туда ходить. И батюшка то же говоритъ, и Иванъ Филимонычъ.

Турбина словно ударили по головѣ.

— Куда это? — черезъ силу спросилъ онъ.

— Если, гыртъ, продолжалъ дьячокъ уныло-

невозмутимымъ тономъ, если, гыртъ, съѣсть-снить, такъ и у меня быль бы сытъ, не попрекнулъ бы кускомъ... Да и правда: не намъ съ вами бывать у такихъ персонъ!

— Ну, да я... я, о. Алексѣй, кажется, самъ не маленькій...

Дьячокъ только вздохнулъ. Дрожащими руками Турбинъ нашель скобку и хлопнулъ дверью.

— И прѣкрасно! И прѣкрасно! — съ злобной радостью похохатывалъ онъ, почти бѣгомъ взбираясь на гору.

XVIII.

— Дома? — раздался въ передней голосъ Стѣпушкина, какъ только Турбинъ вошелъ къ себѣ и, скинувъ пальто, упалъ на постель.

Павель отвѣчалъ что-то торопливымъ шопотомъ.

— Ну, ну, не надо; не буди... Богъ съ нимъ.

Дверь хлопнула, все стихло. Турбинъ лежалъ безъ движенія...

— Поздравляю! — раздался вдругъ крикъ Кондрата Семеныча, со смѣхомъ ввалившася въ комнату. — Ты, говорятъ, чортъ знаетъ какихъ штукъ тамъ натворилъ? Какой это ты танецъ своего изобрѣтенія плясалъ?

— Оставьте, пожалуйста, меня въ покоѣ! — тихо отвѣтилъ Турбинъ.

— Да нѣтъ, какъ же, братъ, ты, говорятъ, въ дрѣбезги насадился?

Ухмыляясь, Кондратъ Семенычъ присѣлъ на кровать и продолжалъ уже съ искреннимъ уча

стиемъ, обращаясь къ Турбину, какъ къ завѣдому пьяницѣ:

— Гм, пожалуй, правда, свинство! Ты бы хоть на первый-то разъ поддержался немного... Надо сходить извиниться. Еще, пожалуй, съ мѣста попрутъ...

А черезъ полчаса на столѣ стояла бутылка водки. Турбинъ, уже захмелѣвшій, облокотившись на столъ и положивъ голову на руки, сидѣлъ молча.

— Чортъ знаетъ что! — говорилъ Кондратъ Семенычъ, — говорятъ, тебя за крыльцо выкинули?

— Кто это?

— Что?

— Говорить-то?

— Слѣпушкинъ.

Турбинъ злорадно захохоталъ.

А Кондратъ Семенычъ съ серьезнымъ лицомъ грустно продолжалъ:

— Онъ, братъ, Линтваревъ-то этотъ, глумился надъ тобой. Оплевать, воспользоваться твоей необразованностью! Подло, братъ! Мнѣ тебя отъ души жаль.

Турбинъ вдругъ сморщился, захлопалъ, хотѣлъ что-то сказать, но захлебнулся слезами и только зубами скрипнулъ.

— Ну, вотъ, опять готовъ! — сказалъ Кондратъ Семенычъ съ сожалѣніемъ. — Тебѣ, братъ, стоитъ бросить пить.

— Да не пьянъ я! — закричалъ Турбинъ бѣшено, съ красными полными слезъ глазами, и треснулъ кулакомъ по столу.

— Э-эй, держись! — крикнулъ Васька, когда рыженькая троечка что есть духу разнеслась въ темнотѣ подь гору и толпа ребятъ и дѣвокъ, какъ стадо овецъ, шарахнулась въ сторону.

Взрывъ хохота и криковъ на время покрылъ звонъ колокольчиковъ... Мелькнули огни кабака... Турбина охватило отчаянное чувство смѣлости и веселья.

— Дѣлай! — крикнулъ онъ Васькѣ.

Сани налетѣли на водовозку, сбили ее въ сторону. Около завода какая-то фигура вынырнула изъ темноты и упала на ноги Турбина.

— Митька? Ты? — крикнулъ Кондрать Семечычъ.

— Ребята гнались, — молчи!

— И на поворотѣ въ село фигура выпрыгнула изъ саней и опять скрылась въ темнотѣ.

Въ избахъ свѣтились огни, чернѣли кучки народа на улицѣ, шумъ и гамъ покрывали гортанстыя пѣсни, толкотня, пляска, гармоники. Стономъ стояла и разливалась протяжная „страдательная“, ее заглушалъ азартный трепакъ, топоть ногъ и взвизгиванія...

Сперва попали въ какую-то избу, биткомъ набитую народомъ. Съ непривычки Турбину показалось даже страшно въ ней: такъ было жарко, низко и людно... Шла игра въ „короли“. Неиграющіе, ложась другъ другу на плечи и почти доставая головами до потолка, покрытаго отъ черной топки словно чернымъ густымъ лакомъ, тѣснились къ столу. За столомъ сидѣли ребята въ

разстеленных подушечках и чистых рубашках, дѣвки въ красныхъ ситцахъ, сильно пахнувшихъ краскою. У всѣхъ были сжаты корабликомъ карты въ рукахъ и напряженно-веселы лица. Ребяшки шмыгали по ногамъ, лѣзли изъ сѣнецъ въ избу. „Выстудили избу, окаянные!“ — кричала на нихъ хозяйка и громко спрашивала Кондрата Семеныча:

— А это чей же будетъ?

— Свой, тетка! — отвѣтилъ Турбинъ съ хохотомъ и, сѣвши на лавку, не удержался, завалился за сидящихъ и задралъ ноги.

А черезъ минуту онъ былъ опять въ саняхъ.

Кондратъ Семенычъ втащилъ въ нихъ какую-то хохочущую солдатку и, стоя, крикнулъ Васькѣ:

— Къ печнику!

— Попала шлея подъ хвостъ! — подхватилъ Турбинъ.

XX.

Отъ посѣщенія печника болѣе всего осталось въ памяти его пѣніе. И самъ печникъ, волосатый, пожилой мужикъ, и жена его, всегда веселая и разбитная баба, больше всего на свѣтѣ любили водку и пѣсни. Гости за посѣщеніе ихъ избы называли ихъ, и безпутные супруги бывали очень довольны такими вечерами. И теперь тотчасъ же въ печкѣ зашлалъ огонь, зашипѣла и затрещала яичница съ ветчиной, загудѣла труба на самоварѣ. Запьянѣвшая, раскраснѣвшаяся хозяйка поддувала пламя подъ таганчикомъ и съ ласко-

вой улыбкой останавливалась, разсматривая Турбина. Затѣмъ начался пиръ. За каждымъ кускомъ слѣдовала водка; опалѣвшій Турбинъ не отставалъ отъ другихъ, хотя уже чувствовалъ, что съ великимъ трудомъ слышитъ говоръ и пѣсни вокругъ себя. Пѣсни началъ печникъ. Положивъ голову на руку, онъ что ни есть мочи разливался такимъ неистовымъ крикомъ, что на шеѣ у него вздувались синія жилы.

— Ыньте, что ль, ветчину-то! — кричала хозяйка.

Турбинъ машинально, кусокъ за кускомъ, ѣлъ страшно соленую ветчину, и челюсти у него ломило отъ безплодныхъ усилій разжевать эти жареные брусочки.

На печника уже не обращалъ никто вниманія. Перебивая его пѣсни, Кондрать Семенычъ съ Васькой лихо играли на двухъ гармоникахъ „Барыню“, а бабы, съ прибаутками, съ серьезными, неподвижными лицами выхаживали другъ передъ другомъ, постукивая каблуками:

Посылала меня мать
Караулить гусака—

вычитывала хозяйка.

Ужъ я ее кнутомъ,
И кнутомъ, и прутомъ—

бойко покрикивала въ отвѣтъ солдатка, то прихлопывая въ ладоши, то упирая руки въ бока.

— Дѣлай! — повторялъ Васька, потрясая гармоникой надъ головою и пускаясь въ самыя отчаянныя варьяціи „Барыни“: Въ чаду безпричинной напряженной веселости сознаніе учителя иногда прояснялось. „Гдѣ это я? Что такое?“ —

спрашивалъ онъ себя, но тотчасъ начиналъ хлоп-
пать въ ладоши и въ тактъ „Барыни“ стучать
сапогами въ полъ.

А за окномъ, которое завѣсили попоной, гал-
дѣлъ народъ, порываясь въ избу. Горькій пья-
ница, рабочій съ завода, „Бубень“, огромный
худой мужикъ, съ лошадинымъ лицомъ, съ рас-
трепанными пьяными губами, нѣсколько разъ
отворялъ дверь.

— Не пускай, пу его къ чорту! -- говорилъ
Кондрать Семенычъ.

— Ну, что ты? Кого тебѣ? — спрашивала хо-
зяйка, загораживая порогъ.

Улыбаясь и качаясь, „Бубень“ придерживался
за притолку и говорилъ:

— Да чего? Да ничего! Зайтить закурить толь-
ко.

-- Никого тутъ нѣтути. Иди.

- Буде, буде толковать-то!

Тури его въ шею!—кричалъ Кондрать Се-
менычъ.

У Турбина нестерпимо ломило въ темени отъ
жары и водки. Но онъ все еще не отставалъ отъ
другихъ и, когда раздались крики, что съ лоша-
дей сняли вожжи и черезсѣдельникъ, онъ даже
выскочилъ вмѣстѣ съ Васькой на улицу, гото-
вый на отчаянную драку. На морозѣ водка еще
болѣе разобрала его, и съ этого момента вос-
поминанія его совершенно путаются.

Запомнилъ онъ только то, что долго бродилъ
по сѣнцамъ, а когда Кондрать Семенычъ вы-
нихнулъ къ нему какую-то бабу, онъ потанцилъ

ее на скотный дворъ, и она вырывалась и то-ропливо шептала:

— Что ты, что ты? Ай подъялось?.. Ай очумѣль?.. Охъ, батюшки, пусти, пусти-и!.. Тутъ погребница!..

И ошалѣвшій Турбинъ опять съ трудомъ отыскалъ дверь въ избу и очутился въ полномъ мракѣ, и эта темнота, шопотъ, возня на соломѣ еще болѣе взбудоражили его кровь. Онъ долго шарилъ по соломѣ трясущимися руками, наткнулся на печника, который сидѣлъ на полу и бормоталъ что-то, повалилъ кочергу... потомъ потерялъ всякое представленіе о томъ, гдѣ онъ...

Чувствовалъ только во снѣ, что откуда-то по ногамъ несетъ холодомъ. Онъ тщетно пряталъ ихъ подъ солому. Потомъ началась страшная жажда. Все внутри у него горѣло, и онъ чувствовалъ это сквозь сонъ и никакъ не могъ проснуться, и все шепталъ горячечнымъ шопотомъ:

— Пить... Бога ради пить!..

Казалось, что какая-то толпа растеть вокругъ него, а онъ пляшетъ подъ „Тарантеллу“, пляшетъ, пляшетъ безъ конца и вдругъ слышитъ надъ самой своей головой рукоплесканія и крики, отчаянный крикъ. Онъ вскочилъ: пѣтухъ еще разъ крикнулъ на всю избу и затрепыхалъ крыльями.

Холодъ плылъ по ногамъ. Еле-еле свѣтало. Въ смутномъ сумракѣ было видно нѣсколько чело-вѣкъ, спящихъ на соломѣ. Шатаясь, Турбинъ началъ шарить по печуркамъ спичекъ; въ печуркахъ были какія-то сырыя теплыя перья; на груп-

къ лежала деревянная спичечница, но она была пуста. Турбинъ задыхался отъ жажды.

- Бога ради, напиться! — сказалъ онъ громко.

— Охъ, чтобъ тебѣ совсѣмъ! Вотъ напужалъ-то!

Солдатка вскочила и, заспанная, торопливо и неловко стала завязывать юбку и заворачивать подъ платокъ сбитые волосы.

— Пить нѣтъ ли? Душа запеклась!

- Посмотри въ уголъ, въ щербатомъ чугуни-къ.

Турбинъ съ жадностью припалъ къ чугунику. Но квасъ былъ такъ кисель и холоденъ, что Турбина съ первыхъ глотковъ подхватила лихорадка, и, не попадая зубъ на зубъ, онъ бросился по нарамъ, черезъ Кондрата Семеныча, на печку; Кондратъ Семенычъ замычалъ и заскрипѣлъ во снѣ зубами.

Какой-то тяжелый запахъ и тепло охватили Турбина, и онъ заснулъ, какъ убитый. Но и этотъ сонъ продолжался какъ будто мгновенеіе. Затопили печку по-черному, и дымъ, пеленой потянувшійся подъ потолкомъ въ дверь, завѣшенную попоной, сталъ душить Турбина. Онъ зарывалъ голову въ солому и соръ, но ничто не помогало. Тогда онъ свѣсилъ голову съ печки, кое-какъ приладилъ ее къ кирпичамъ и такъ и проспалъ до самыхъ завтраковъ.

Въ завтраки Кондратъ Семенычъ, съ опухшимъ лицомъ, но уже въ спокойномъ, будничномъ настроеніи, сидѣлъ за столомъ противъ печника; похмелялся и, вертя цыгарку, поглядывалъ

валъ на сонное лицо Турбина. Оно было какъ мертвое: истомленное, страдальческое и кроткое.

— Вотъ-те и педагогъ! — сказалъ онъ съ сожалѣнiемъ. — Пропалъ малый!

Сирота, небось! — задумчиво произнесъ печникъ.

1894 г.

Сосны.

I.

Вечеръ, тишина занесеннаго снѣгомъ дома, шумная лѣсная вьюга наружи...

Утромъ у насъ въ Платоновкѣ умеръ сотскій Митрофанъ, а въ сумеркахъ у меня сидѣлъ священникъ, опоздавшій причастить Митрофана, пилъ чай и долго рассказывалъ о томъ, какъ много народу померзло въ нынѣшнемъ году...

— Чѣмъ не сказочный боръ? — думаю я, прислушиваясь къ шуму лѣса за окнами и къ высокимъ жалобнымъ нотамъ вѣтра, налетающаго вмѣстѣ съ снѣжными вихрями на крышу. И мнѣ представляется путникъ, который кружится въ нашихъ сѣбряхъ и чувствуетъ, что не найти ему теперь выхода вовѣки.

— Есть-ли живъ человекъ въ этихъ хижинахъ? — говоритъ онъ, съ трудомъ различая въ белой крутящейся мглѣ Платоновку.

Но морозный вѣтеръ захватываетъ ему дыханіе, слѣпнеть снѣгомъ, и мгновенно пропадаетъ огонекъ, который, казалось, мелькнулъ сквозь вьюгу. Да и человекъ-ли это хижинны? Не въ такой ли же черной еторожкѣ жила Баба-Яга?

Ив. Бушманъ.

„Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ! Пріюти странника въ ночь!..“

Лежа весь вечеръ, я представляю себѣ, какъ пугливо и зыбко мерцаютъ мои освѣщенные оконечки, такія одинокія среди бушующаго лѣса, съ головы до ногъ посѣдѣвшаго отъ вьюги! Домъ стоитъ у широкой просѣки, въ затишьѣ, но когда ураганъ гигантскимъ призракомъ на снѣжныхъ крыльяхъ проносится надъ лѣсомъ, сосны, которыя высоко царятъ надъ всею окружающимъ, ствѣчаютъ урагану столь угрюмой и грозной октавой, что въ просѣкѣ дѣлается страшно. Снѣгъ при этомъ бѣшено и беспорядочно мчится по лѣсу, непритворенная дверь въ сѣняхъ съ необыкновенной силой бьетъ въ стѣну, а собаки, которыя лежатъ въ нихъ, утопая въ снѣгу, какъ въ пуховыхъ постеляхъ, жалобно взвизгиваютъ сквозь сонъ, дрожа крупной дрожью... И мнѣ опять вспоминается Митрофанъ, который ждетъ могилы въ такую мрачную ночь.

Въ комнатѣ тепло и тихо. Стекла холодно играютъ разноцвѣтными огоньками, точно мелкими драгоценными камнями. Лежанка натоплена жарко, а къ шуму и стуку я такъ привыкъ, что могу не замѣчать ихъ. Лампа на столѣ горитъ ровнымъ соннымъ свѣтомъ. Ровно, чуть внятно звенитъ въ ней выгорающій керосинъ, монотонно и неясно, точно подъ землей, баюкаетъ кто-то ребенка за стѣною въ кухнѣ,—не то сама Федосья, не то ея Анютка, которая съ малолѣтства во всемъ подражаетъ своимъ вѣчно вздыхающимъ теткамъ, матери. И, прислушиваясь къ этому

знакомому съ дѣтства напѣву, къ этимъ шумамъ и стукамъ, весь отдаешься во власть долгаго вечера.

Ходить сонъ по сѣнямъ,
А дрема по дверямъ—

поетъ въ душѣ жалобная пѣсня, а вечеръ рѣшетъ надъ головою неслышною тѣнью, заворачиваетъ сошнымъ звономъ въ лампѣ, похожимъ на замирающее нытье комара, и таинственно дрожить и убѣгаетъ на одномъ мѣстѣ темнымъ волнистымъ кругомъ, кинутымъ на потолокъ лампы.

Но вотъ въ сѣнцахъ слышенъ пѣвучій визгъ шаговъ по сухому бархатистому снѣгу. Хлопаютъ двери въ прихожей, и кто-то топаетъ въ ночь валенками. Слышу, какъ чья-то рука шаритъ по двери, ищетъ скобку, а затѣмъ чувствую холодъ и свѣжій запахъ январьской мятели, сильный, какъ запахъ разрѣзаннаго арбуза.

— Спите? — спрашиваетъ Федосья осторожнымъ шопотомъ.

Нѣтъ... А что? Это ты, Федосья?

Я-съ, отвѣчаетъ Федосья, мѣняя голосъ на громкій и естественный. — Ай я васъ разбудила?

Нѣтъ... Ты что?

Вмѣсто отвѣта Федосья оборачивается къ двери, — хорошо ли притворила? — и, улыбнувшись, становится къ печкѣ. Ей просто хотѣлось провѣдать меня. Это небольшая, но плотно сбитая баба въ полушубкѣ; голова у нея закутана шалью и похожа на совиную, на полушубкѣ и на шали таесть снѣгъ.

Тамъ пыль! говоритъ она съ удовольствіемъ—

емъ и, ежась, прижимается къ печкѣ.—Что, давно вечеръ-то по часамъ?

— Половина десятаго.

Федосья киваетъ головою и задумывается. За день она передѣлала сотни мелкихъ дѣлъ. Теперь она въ туманѣ отдыха. Глядя на свѣтъ совершенно безсмысленными, удивленными глазами, она съ наслажденіемъ затягивается долгимъ и глубокимъ зѣвкомъ и, зѣвая, бормочетъ:

— Ахъ, Господи, что жъ это зѣвается, куда это дѣвается! Вотъ жалко Митрофана-то! Цѣлый день съ ума не идетъ, а тутъ еще наши: выѣхали, нѣтъ ли? Поѣдутъ—замерзнутъ!

И вдругъ быстро прибавляетъ:

— Пойдите,—въ какомъ ухѣ звенитъ?

— Въ правомъ,—отвѣчаю я.— Нынче они не поѣдутъ...

— Вотъ и не угадали! А я было про мужика своего загадала. Боюсь, обморозится...

И, увлеченная думами о выюгѣ, Федосья начинаетъ:

— Такъ-то на Сороки было, на Сорокъ Мучениковъ. Вотъ, расскажу вамъ, страсть-то была! Вы-то, извѣстное дѣло, не помните, вамъ тогда, небось, пяти годочковъ не было, а я-то явственно помню. Сколько тогда народу померзло, сколько обморозилось...

Я не слушаю, я наизусть знаю рассказы о всѣхъ мятеляхъ, которыя помнить Федосья. Я машинально ловлю ея слова, и они странно переплетаются съ тѣмъ, что я слышу внутри себя. „Не въ томъ царствѣ, не въ томъ государствѣ,— нѣвуче и глухо говорить во мнѣ голосъ стари-

ка-пастуха, который часто рассказывает мифы-сказки, не въ томъ царствѣ, не въ томъ государствѣ, а у самомъ у томъ, у какомъ мы живемъ, жилъ, стало-быть, молодой выноша...“

Лѣсъ гудитъ, точно вѣтеръ дуетъ въ тысячу эоловыхъ арфъ, заглушенныхъ стѣнами и выюгой. „Ходитъ сонъ по сѣнямъ, а дрема по дверямъ“, и, намаявшись за день, поѣвши „сосноваго“ хлѣбушка съ болотной водицей, спать теперь по Платоновкамъ наши былинные люди, смыслъ жизни и смерти которыхъ Ты, Господи, вѣси!

Вдругъ вѣтеръ со всего размаху хлопаетъ сѣнной дверью въ стѣну и, какъ огромное стадо птицъ, съ шумомъ и свистомъ проносится по крышѣ.

— Охъ, Господи!—говоритъ Федосья, вздрагивая и хмурясь. — Хоть бы ужъ спать скорѣй въ страсть такую! Ужинать-то будете? — прибавляетъ она, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы взяться за скобку.

— Рано еще...

— А мой сгадъ — нечего третьихъ пѣтуховъ ждать! Поужинали бы и спали бы, спали себѣ!

Дверь медленно отворяется и затворяется, и я опять остаюсь одинъ, все думая о Митрофанѣ.

Это былъ высокій и худой, но хорошо сложенный мужикъ, легкій на ходу и стройный, съ небольшой, откинутой назадъ головой и съ бирюзово-сѣрыми, живыми глазами. Зиму и лѣто его длинныя ноги были аккуратно обернуты сѣрыми онучами и обуты въ лапти, зиму и лѣто онъ носилъ коротенькій изорванный полушубокъ.

На головѣ у него всегда была самодѣльная лѣ-
ячья шапка шерстью внутрь. И какъ привѣтливо
глядѣло изъ-подъ этой шапки его обвѣтренное
лицо съ облупившимся носомъ и рѣдкой бород-
кой! Это былъ Слѣдопытъ, настоящій лѣсной
крестьянинъ-охотникъ, въ которомъ все произ-
водило цѣльное впечатлѣніе: и фигура, и шап-
ка, и заплатанные на колѣняхъ портки, и запахъ
курной избы, и одностволка. Появляясь на поро-
гѣ моей комнаты и вытирая полою полушубка
- мокрое отъ мятели коричневое лицо, оживлен-
ное бирюзовыми глазами, онъ тотчасъ же на-
полнялъ комнату свѣжестью лѣсного воздуха.

— Хорошо у насъ! — говорилъ онъ мнѣ ча-
сто. — Главное дѣло — лѣсу много. Правда, хлѣ-
бушка, случается, не хватаетъ, али чего проча-
го, да вѣдь на Бога жаловаться некуда: есть
лѣсъ — въ лѣсу зарабатывать. Мнѣ, можетъ, еще
труднѣй другого, у меня однихъ дѣтей сколько,
а я все-таки иду да иду! Волка ноги кормятъ.
Сколько годовъ я тутъ прожилъ и все не нажил-
ся... Я и не помню ничего, что было. Былъ буд-
то одинъ-два дня лѣтомъ, али, скажемъ, весной
и больше ничего. Зимнихъ день больше вспоми-
нается, а все тоже похожи другъ на дружку. И
ничего не скушно, а хорошо. Идешь по лѣсу
лѣсъ изъ лѣсу выходитъ, синѣть, а тамъ про-
галина, крестъ изъ села виденъ... Придешь, за-
снешь — глядь, ужъ опять утро и опять пошелъ
на работу... была бы шея — хомутъ найдется! Го-
ворять — живете вы, молъ, въ лѣсу, шямъ мо-
литесь, а спроси его, какъ надо жить — не зна-

еть. Видно, живи какъ батракъ: исполняи что приказано — и шабашъ.

И Митрофанъ дѣйствительно прожилъ всю свою жизнь такъ, какъ будто былъ въ батракахъ у жизни. Нужно было пройти всю ея тяжелую лѣсную дорогу — Митрофанъ шелъ непрекословно... И разладила его путь только болѣзнь, когда пришлось пролежать больше мѣсяца въ темнотѣ избы, — передъ смертью.

За траву не удержишься! --- говорилъ онъ мнѣ, снисходительно улыбаясь, когда я совѣтовалъ ему съѣздить въ больницу.

И кто знаетъ, — не правъ ли былъ онъ?

Умеръ, погибъ, не выдержалъ, — значитъ, такъ надо! — думаю я и поднимаюсь, чтобы пойти на воздухъ. Надѣвъ шубу и шапку, я подхожу къ лампѣ. На мгновение шумъ мятели за окномъ смущаетъ меня, но затѣмъ я рѣшительно дуо на свѣтъ.

Въ темныхъ пустыхъ комнатахъ, черезъ которыя я прохожу, мутно сѣрѣютъ окна. Отъ налетающихъ вихрей они то свѣтлѣютъ, то темнѣютъ, — совсѣмъ какъ въ корабельной каютѣ въ качку. Въ прихожей холодно, какъ въ сѣнцахъ, и пахнетъ сырой, промерзлой корой дровъ, заготовленныхъ на топку. Громадная старинная икона Божіей Матери съ мертвымъ Іисусомъ на колѣняхъ чернѣетъ въ углу...

На дворѣ вѣтеръ рветъ съ меня шапку и съ головы до ногъ осыпаетъ меня морознымъ снѣгомъ. Но, охъ, какъ хорошо поглубже вдох-

нуть холоднымъ воздухомъ и почувствовать, какъ легка и тонка стала шуба, насквозь пронизанная вѣтромъ! На мгновеніе я останавливаюсь и дѣлаю усилие взглянуть... Новый порывъ вѣтра прямо въ лицо перехватываетъ мнѣ дыханіе, и я успѣваю разглядѣть только два-три вихря, промчавшихся по просѣкѣ въ поле. Гулъ дѣса вырывается изъ шума выюги, какъ гулъ органа. Я крѣпко нагибаю голову, погружаюсь почти по поясъ въ сугробъ и долго иду, самъ не зная, куда...

Ни деревни ни дѣса не видно. Но я знаю, что деревня направо и что въ концѣ ея, у плоскаго болотнаго озерка, теперь занесеннаго снѣгомъ, изба Митрофана. И я иду,—долго, упорно и мучительно,—и вдругъ въ двухъ шагахъ отъ меня вспыхиваетъ сквозь дымъ выюги огонекъ. Кто-то бросается мнѣ на грудь и чуть не сбиваетъ меня съ ногъ. Наклоняюсь, — собака, которую я подарилъ Митрофану. Она отскакиваетъ при моемъ движеніи съ жалобно-радостнымъ визгомъ назадъ и бросается къ избѣ, точно хочетъ показать, что тамъ дѣлается. А у избы, около окошечка, свѣтлымъ облакомъ кружится снѣжная пыль. Огонекъ освѣщаетъ ее снизу, изъ сугроба. Утопая въ снѣгу, я добираюсь до окна и торопливо заглядываю въ него. Тамъ, внизу, въ слабо освѣщенной избѣ, лежитъ у окна что-то длинное, бѣлое. Племянникъ Митрофана стоитъ, наклонившись надъ столомъ, и читаетъ псалтырь. Въ глубинѣ избы, на нарахъ, видны въ полумракѣ фигуры спящихъ бабъ и дѣтей...

Утро. Выглядываю въ кусочекъ окна, не запушенный морозомъ, и не узнаю лѣса. Какое великолѣпіе и спокойствіе!

Надъ глубокими, свѣжими снѣгами, завалившими чащи елей, — синее, огромное и удивительно нѣжное небо. Такія яркія, радостныя краски бываютъ у насъ только по утрамъ въ аѳанасьевскіе морозы. И особенно хороши они сегодня, надъ свѣжимъ снѣгомъ и зеленымъ боромъ. Солнце еще за лѣсомъ, просѣка въ голубой тѣни. Въ колеяхъ саннаго слѣда, смѣлымъ и четкимъ полукругомъ прорѣзаннаго отъ дороги къ дому, тѣнь совершенно синяя. А на вершинахъ сосенъ, на ихъ пышныхъ зеленыхъ вѣткахъ уже играетъ золотистый солнечный свѣтъ. И сосны, какъ хоругви, замерли подъ глубокимъ небомъ.

Пріѣхали братья изъ города. Они привезли съ собой много бодрости морознаго утра. Пока въ прихожей обметали вѣниками валенки, обивали отъ снѣга тяжелые воротники шубъ и вносили покупки въ рогожныхъ кулькахъ, пересыпанныхъ сухой снѣжной пылью, какъ мукою, въ комнатахъ находилось и металлически запахло морознымъ воздухомъ.

— Градусовъ сорокъ будетъ! — съ трудомъ выговариваетъ кучеръ, входя съ новымъ кулькомъ. Лицо у него багровое, — по голосу чувствуется, что оно задеревенѣло отъ морозу, — усы, борода и углы воротника на тулупѣ смерзлись въ ледяныя сосульки...

— Митрофановъ братъ пришелъ, — докладыва-

еть Федосья, просовывая голову въ дѣрны:—тесу на гробъ просить.

Я выхожу къ Антону, и онъ спокойно разсказываетъ о смерти Митрофана и дѣловито переводитъ разговоръ на тесь. Равнодушіе это или сила?.. Скрипя сапогами по замёрзшему снѣгу на крыльцѣ, мы выходимъ изъ дому и, переговариваясь, идемъ къ сараю. Воздухъ крѣпко сжатъ утреннимъ морозомъ, голоса наши раздаются какъ-то странно, паръ отъ дыханія вьется при каждомъ словѣ, точно мы куримъ. Тонкій остистый иней садится на рѣсницы.

— Ну, и денекъ Господь послалъ! — говоритъ Антонъ, останавливаясь у сарая, гдѣ уже пригрѣваетъ, и, щурясь отъ солнца, глядитъ на густую зеленую стѣну хвои вдоль просѣки и глубокое ясное небо надъ нею. — Эхъ, кабы и завтра-то такъ же! Ладно бы похоронили!

Потомъ мы отворяемъ скрипучія ворота насквозь промерзшаго сарая. Антонъ долго гремитъ досками и наконецъ взваливаетъ на плечо длинную сосновую тесину. Сильнымъ движеніемъ подкинувъ и поправивъ ее на плечѣ, онъ говоритъ: „Ну, покорнѣйше благодаримъ васъ!“ и осторожно выходитъ изъ сарая. Слѣды лаптей похожи на медвѣжки, а самъ Антонъ идетъ присѣдая, принаравливаясь къ колебаніямъ доски, и тяжелая зыбкая доска, перегнувшись черезъ его плечо, мѣрно покачивается въ ладъ съ его движеніями. Когда же онъ, утонувъ почти по поясъ въ сугробъ, скрывается за воротами, я слышу замирающій скрипъ его шаговъ. Вотъ такъ тишина! Двѣ галки звонко радостно сказа-

ли что-то другъ другу. Одна изъ нихъ съ раздвѣ-
гу опустилась на самую верхнюю вѣточку густо-
зеленой, стройной ели, закачалась, едва не поте-
рявъ равновѣсія, и густо посыпалась и стала
медленно опускаться радужная снѣжная пыль.
Галка засмѣялась отъ удовольствія, но тотчасъ
же смолкла... Солнце поднимается, и все тише
становится въ просѣкѣ...

Послѣ обѣда всѣ ходять смотрѣть Митрофа-
на. Деревня тонетъ въ снѣгу. Снѣжныя, бѣлыя
избушки расположились вокругъ ровной бѣлой
поляны, и на этой ярко сверкающей подъ солн-
цемъ полянѣ очень уютно и пригрѣваетъ. Домо-
вито пахнетъ дымкомъ, печенымъ хлѣбомъ. Маль-
чишки возятъ другъ друга на ледяшкахъ, собаки
сидятъ на крышахъ избъ... Совсѣмъ дикарская
деревушка! Вонъ молодая плечистая баба въ за-
манной рубахѣ любопытно выглянула изъ сѣ-
нецъ... Вонъ худой, похожій на старичка-карли-
ка, дурачокъ Панка въ дѣдовской шапкѣ идетъ
за водовозкой. Въ обмерзлой кадучкѣ тяжело
плескается дымящаяся, темная и вонючая вода, а
полозья визжатъ, какъ поросенокъ... Но вотъ и
изба Митрофана.

Какая она - маленькая, низенькая, и какъ все
буднично вокругъ нея! Лыжи стоятъ у дверей въ
сѣнцы. Въ сѣнцахъ дремлетъ и жуесть жвачку
корова. Стѣна избы, выходящая въ сѣнцы, силь-
но подалась отъ нихъ, и поэтому дверь надо от-
ворять съ большими усиліями. Она отлипаетъ
наконецъ, и въ лицо пахнуло теплымъ избянымъ
запахомъ. Въ полумракѣ стоятъ нѣскольکو бабъ
у печки и, пристально глядя на покойника, шо-

потомъ переговариваются. А покойникъ подь коленкоромъ лежитъ въ этой напряженной тишинѣ и слушаетъ, какъ плаксиво и жалостно читаетъ псалтырь Тимошка.

— Совсѣмъ талый! — съ умиленіемъ говоритъ одна изъ бабъ и, приглашая посмотрѣть покойника, осторожно приподнимаетъ коленкоръ.

О, какой важный и серьезный сталъ Митрофанъ! Голова маленькая, гордая и спокойно-печальная, закрытые глаза глубоко ввалились, большой носъ обрѣзался; большая грудь, приподнятая послѣднимъ вздохомъ, точно закаменѣла, а ниже ея, въ глубокой впадинѣ живота, лежатъ большія восковыя руки. Чистая рубаха красиво отбѣняетъ худобу и желтизну. Баба тихо взяла одну руку, — видно, какъ тяжела эта ледяная рука, — подняла и опять положила. Митрофанъ остался совершенно равнодушенъ и продолжалъ спокойно слушать, что читаетъ Тимошка. Можетъ, онъ знаетъ даже и то, какъ ясенъ и торжествененъ сегодняшній день, — его послѣдній день въ родной деревнѣ?

День этотъ кажется очень дологъ въ мертвой тишинѣ. Солнце медленно проходитъ свой небесный путь, и вотъ красноватый, парчевый лучъ уже скользнулъ въ полутемную избу и косо озарилъ лобъ покойника. Когда же я выхожу изъ избы на улицу, солнце прячется между стволами сосенъ за чистый ельникъ, теряя свой блескъ.

Опять я бреду вдоль просѣки. Снѣга на полянѣ и крыши избъ, которыя точно облиты сахаромъ, алѣютъ. Въ просѣкѣ, въ тѣни, чувствует-

ся, какъ рѣзко морозитъ къ ночи. Еще чище и нѣжнѣй стали краски зеленоватаго неба къ сѣверу, еще тоньше рисуется мачтовый сосновый лѣсъ на его фонѣ. А съ востока уже встала большая блѣдная луна. Гаснетъ закатъ, она подымается все выше... Собака, съ кѣторой я хожу вдоль просѣки, забѣгаетъ иногда въ ельникъ и, выскакивая, вся въ снѣгу, изъ его таинственно-свѣтлыхъ и темныхъ дебрей, замираетъ вмѣстѣ съ своей рѣзкой черной тѣнью на ярко озаренной дорогѣ. Мѣсяць уже высоко... Въ деревушкѣ — ни звука, робко краснѣетъ огонекъ изъ тихой избы Митрофана... И большая остро содрогающаяся изумрудомъ звѣзда на сѣверо-востоку кажется звѣздою у Божьяго трона, съ высоты котораго Господь незримо присутствуетъ надъ снѣжной лѣсной страной...

III.

А на слѣдующій день понесли гробъ Митрофана по лѣсной дорогѣ къ селу.

Воздухъ попрежнему былъ рѣзокъ и морозенъ, и миллионы мельчайшихъ иглъ и крестиковъ тускло поблескивали на солнцѣ, кружась въ воздухѣ. Боръ и воздухъ слегка затуманивались, — только на горизонтѣ къ югу ясно и зелено было ледяное небо. Снѣгъ пѣлъ и визжалъ подъ санями, когда я бѣжалъ на лыжахъ въ село. Тамъ я долго мерзъ на паперти, пока наконецъ увидалъ среди бѣлой сельской улицы бѣлые зипуны и бѣлый большой гробъ изъ новаго тесу. Отворили дверь въ церковь, откуда вмѣстѣ съ за-

пахомъ воска тоже пахнуло холодомъ: бѣдная лѣсная церковка промерзла вся насквозь, -- весь иконостасъ и всѣ иконы побѣлѣли отъ густого матоваго инея. И когда она наполнилась сдержаннымъ говоромъ, стукомъ шаговъ и паромъ отъ дыханія, когда съ трудомъ опустили тяжелый разлтый гробъ на полъ, торопливымъ, простуженнымъ голосомъ заговорилъ и заплѣлъ священникъ. Жидкія синеватыя струйки дыма вились надъ гробомъ, изъ котораго страшно выглядывалъ острый коричневый носъ и лобъ въ вѣщичкѣ. Кадило въ рукахъ священника было почти пусто, дешевый ладанъ, брошенный въ еловые уголья, издавалъ запахъ лучины, а самъ священникъ, повязанный по ушамъ платкомъ, былъ въ большихъ валенкахъ и въ старомъ мужицкомъ полушубкѣ, поверхъ котораго торчала старая риза. Онъ, на перебой съ дьячкомъ, въ полчаса справилъ службу и только „со святыми упокой“ проплѣлъ не спѣша и стараясь придать своему голосу трогательныя отбѣнки, -- печаль о бренности всего земного и радость за брата, отошедшаго, послѣ земного подвига, въ лоно безконечной жизни „иде же праведные упокоеваются“. Напутствуемый протяжнымъ пѣніемъ, гробъ съ мерзлымъ покойникомъ вынесли изъ церкви, пронесли его по улицѣ и за селомъ, на пригоркѣ, опустили въ неглубокую яму, которую и закидали мерзлой глинистой землей и снѣгомъ. Въ снѣгъ воткнули елочку и, покряхтывая отъ мороза, торопливо разошлись и разѣхались.

Глубокая тишина царила теперь на лѣсной полянкѣ, по которой торчало изъ сугробовъ пѣ-

сколько низкихъ деревянныхъ крестовъ. Беззвучно кружились въ воздухѣ безчисленные морозныя остинки, гдѣ-то высоко надъ головой тянуль сдержанный, глухой и глубокой гуль: такъ шумить подъ вечеръ въ отдаленіи море, когда оно скрыто за горами. Мачтовыя сосны, высоко поднявшія на своихъ глинисто-красноватыхъ голыхъ стволахъ зеленыя кроны, тѣсной дружиной окружали съ трехъ сторонъ пригорокъ. Подъ нимъ широко синѣла еловыми лѣсами низменность. Длинный земляной бугоръ могилы, пересыпанный снѣгомъ, лежалъ на скатѣ у моихъ ногъ. Онъ казался совсѣмъ обыкновенной кучей земли, то значительнымъ думающимъ и чувствующимъ. И глядя на него, я долго силился поймать то неуловимое, что знаетъ только одинъ Богъ, — тайну необходимости и въ то же время значительности всего земного. Потомъ я крѣпко двинуль лыжи подъ гору. Облако холодной снѣжной пыли взвилось мнѣ навстрѣчу, и по всему дѣвственно-бѣлому, пушистому косогору правильно и красиво прорѣзались два параллельныхъ слѣда. Не удержавшись, я упалъ подъ горой въ густой и необыкновенно зеленый ельникъ, набилъ въ рукава снѣгу. Задѣвая за ельникъ лыжами, я быстро пошелъ зигзагами между его кустами. Траурныя сороки съ рѣзкимъ стрекотаніемъ, игриво качаясь въ воздухѣ, перелетали надъ ними. Минуты текли за минутами—я все такъ же равномерно и ловко совалаъ ногами по снѣгу. И уже ни о чемъ не хотѣлось думать. Тонко пахло свѣжимъ снѣгомъ и хвоей, славно было чувствовать себя близкимъ этому

снѣгу, лѣсу, зайцамъ, которые любятъ объѣдать
молодые побѣги елочекъ... Небо мягко затума-
нивалось чѣмъ-то бѣлымъ и обѣщало долгую
тихую погоду... Отдаленный, чуть слышный гулъ
сосенъ сдержанно и немолчно говорилъ и гово-
рилъ о какой-то вѣчной, величавой жизни...

1901 г.

Мелитонъ.

Были свѣтлыя майскія сумерки, когда я подъѣзжалъ верхомъ къ караулкѣ. Лошадь шла по узкой дорогѣ среди березоваго и дубоваго лѣса, полного свѣжей поросли осинокъ и орѣшника, и въ полусумракѣ раздавался трескъ каждаго сухого сучка подъ копытомъ. Въ старомъ заказѣ все было молодо, зелено, соловьи нѣжно и отчетливо выщелкивали по сторонамъ, звонко перекликаясь съ эхо. Уже и солнце давно зашло, и алыя пятна заката слабѣли, сквозя по лѣсу, но не было замѣтно, чтобы лѣсъ готовился ко сну. Горлинки журчали гдѣ-то поблизости, кукушка глухо и настойчиво куковала въ отдаленіи... Въ майскія ночи, когда, какъ говоритъ народъ, заря зарю встрѣчаетъ, сонъ слабъ и недологъ, до утра брезжитъ надъ землей полусвѣтъ.

А на полянѣ было и совсѣмъ свѣтло. Въ лоцинѣ зеркаломъ стоялъ большой, полный прудъ, лѣсъ окружалъ поляну высокій и живописный, и нагѣво рисовался надъ столѣтними березами и дубами блѣдный и прозрачный кругъ мѣсяца. Старикъ-караульщикъ, николаевскій солдатъ, сидѣлъ у пруда на шѣ и заботливо подбрасывалъ сухіе прутки въ жаркій и проворный костеръ.

чикъ, разведенный въ земляной печкѣ подь котелкомъ. Какъ всегда, онъ былъ „прибранъ на случай смерти“: чистые, хотя и заплатанные портки и рубаха, онучи аккуратно подвязаны оборочками. Онъ сидѣлъ, поставивъ на колѣни руки и положивъ въ ладони голову, смотрѣлъ на огонь, а самъ напѣвалъ тихимъ и тонкимъ, всѣмъ женскимъ голосомъ.

— Или карасиковъ наловилъ, Мелитонъ? — спросилъ я, соскакивая съ лошади.

Онъ поднялся, вытянулся во весь ростъ и мгновенно принялъ безстрастное выраженіе, стараясь скрыть свою постоянную печаль. Но печаль эта всегда чувствовалась, неловко было смотрѣть въ бирюзовые грустные глаза подь сдвинутыми бровями и видѣть вмѣстѣ съ этимъ солдатскую подтянутость. Росту Мелитонъ былъ высокаго, фигура у него была худая и костлявая. Густыя сѣрыя брови, усы, сходившіеся на щекахъ со щетинистыми бакенбардами, и пробритый подбородокъ придавали ему суровый видъ; но лысина, эти бирюзовые глаза и чистая крестьянская одежда, свидѣтельствующая о готовности лечь „подь святыя“ когда угодно, говорили о кроткой, отшельнической жизни.

Когда картошки въ чугуничкѣ стали синѣть, Мелитонъ потыкалъ въ нихъ сухой щепочкой и снялъ чугуничкъ съ огня. Огонь сталъ потухать, только красная грудка жара свѣтилась въ земляной печкѣ. Возлѣ нея пахло сгорѣвшими дубовыми листьями, а когда старикъ сталъ чистить картошки, запахло такъ вкусно, что я попросилъ и себѣ парочку. И мы молча стали ужинать возлѣ

неподвижнаго потемнѣвшаго пруда, въ тишинѣ непогасавшей весенней зари. Закатъ за деревьями направо алѣлъ нѣжно и прозрачно, и казалось, что за лѣсомъ разсвѣтаетъ.

— Мелитонъ, — спросилъ я съ юношеской простодушностью: — правда, тебя сквозь строй прогоняли?

Правда-съ, — отвѣтилъ онъ просто и кратко.

Онъ ушелъ въ избу, а я долго сидѣлъ одинъ, глядя на свѣтъ зари и на тлѣющіе уголья. Появился онъ изъ сумрака неслышно и принесъ съ собою большой ломоть ржаного хлѣба, ножикъ, сдѣланный изъ старой косы, и горсть соли. Нервно и ласково виляя хвостомъ, появился и Крутикъ, маленькій веселый, но отчаянно злой, несмотря на свою ласковость. Онъ тоже сѣлъ возлѣ огня, съ удовольствіемъ зѣвнулъ, облизнулся и сталъ слѣдить глазами за каждымъ движеніемъ Мелитона, чистившаго горячія картошки. Соловьи нѣли попрежнему страстно и отчетливо, съ нѣжной удалью.

Жена-то у тебя давно померла? — спросилъ я.

— Восьмой годъ-съ. Да вѣдь ихъ у меня двѣ были.

— А дѣти?

— Дѣтей у меня шесть человѣкъ было.

— Живы?

Нѣтъ-съ, померли.

И опять Мелитонъ замолчалъ, со старческой осторожностью пережевывая горячую картошку. Я вглядывался въ его лицо, пока онъ сидѣлъ съ опущенными глазами: нѣтъ, никогда не проникнуть мнѣ въ тайну его печальной молчаливости!

Онъ кротко и безпомощно взглянулъ на меня,— я отвернулся. Было мнѣ тогда девятнадцать лѣтъ, все умиляло меня: лѣсъ, небо, дубовая караулка, пучки какихъ-то травъ и вѣнички въ сѣнцахъ подъ крышей, между сухой листвою рѣшетника... На ногахъ старика лыковые лапти, на тѣлѣ чистая замашная рубаха... Какъ хорошо и самому прожить такую же чистую и простую жизнь!

— Для кого онъ собираетъ и вяжетъ эти вѣнички? — думалъ я. Вяжутъ ихъ изъ перекати-поля, и у старосвѣтскихъ помѣщиковъ еще до сихъ поръ чистятъ ими платье. Они очень душисты; въ дѣтствѣ я самъ собиралъ ихъ... Воспоминанія объ этомъ и какая-то связь между воспоминаніями и Мелитономъ еще болѣе тронули меня, и я сказалъ, подымаясь:

— Совсѣмъ у тебя скитъ, Мелитонъ!

Старикъ улыбнулся.

— Въ скиту часовенки бывають-сь, — сказалъ онъ, бросая корки хлѣба Крутику, и залилъ водой изъ чугунчика уголья. Они зашипѣли и померкли. И тотчасъ же стало видно, что въ лѣсу — свѣтлая лунная ночь, что поляна освѣщена сіяющимъ мѣсяцемъ, а чащи почернѣли и отдѣлились отъ нея. И ночь казалась еще прекраснѣе отъ того, что къ сѣверу за лѣсомъ теплилась заря. Крутикъ, какъ только поужиналъ, тотчасъ же принялся за свою ночную работу. Онъ съ звонкимъ лаемъ хлопоталъ то тамъ, то здѣсь за караулкой, и было похоже, что весь лѣсъ полонъ злыми и неугомонными собачонками. Мелитонъ зажегъ лампочку въ избѣ, настилая мнѣ на

кончикъ сѣна, оконечки подъ ея старой нахлобученной крышей засіяли, какъ два золотые глаза... Потомъ онъ вынесъ лампочку въ сѣни. Я вошелъ туда, и онъ опять улыбнулся мнѣ.

— А то вотъ-съ на мою коечку ложитесь, — сказалъ онъ, указывая глазами на свою кровать.

Подъ крышей мягко и фантастично переламывались наши большія тѣни. Въ углу, направо отъ входа, было устроено нѣчто въ родѣ койки на высокихъ ножкахъ изъ бревенъ. На ней было постлано сѣно, прикрытое попоной и возвышающееся къ изголовью.

— Да какой теперь сонъ, — сказалъ я: — скоро ужъ и разсвѣтать станетъ.

— Скоро-съ, — согласился Мелитонъ безстрастно.

И правда, мы только подремали. Въ темной избѣ было прохладно, въ оконечки виднѣлись зеленоватые кусочки лунной ночи. Но что-то не давало мнѣ спать; достаточно было тонкаго напѣва комара, чтобы очнуться. Я слушалъ Крутика, соловьевъ, думалъ о чемъ-то, чего не вспомнишь, какъ всегда въ бессонную ночь... Не спалъ и Мелитонъ. Его донимали блохи?

— Ну, ужъ погоди, окаянный, отучу я тебя спать подъ койкой! — бормоталъ онъ изрѣдка Крутику.

Потомъ онъ кашлялъ, вздыхалъ и что-то шепталъ... Наконецъ я услышалъ его шаги подъ окнами. Я высунулся изъ окна на прохладу ночного воздуха. Мелитонъ меня не замѣчалъ. Онъ сидѣлъ на порогѣ, опустивъ голову, не спѣша рас-

тирала на ладони листовый табакъ и оный на пѣвалъ грустнымъ женскимъ голосомъ.

- - Ахъ, Господи-Батюшка! прошептала оны съ глубокимъ вздохомъ, покачивая головой и высѣкая огонь. И, закуривъ трубку, оперся на руку и загѣлъ вятнѣе, задушевнѣе.

Слышно было, что разсказывала оны въ пѣснѣ про зеленые сады и напоминала кому-то съ добрымъ укоромъ тѣ мѣста, гдѣ „скончалась-распрощалась ахъ да прежняя любовь“... А ночь такъ и сіяла. Мѣсяцъ выбрался на середину неба надъ самымъ прудомъ. Изрѣдка по водѣ что-то струисто поблескивало, точно серебристый ужъ. У противоположнаго берега воды какъ будто не было. Тамъ была свѣтлая бездна въ другое, подземное небо. Вѣковые дубы и березы на томъ берегу казались теперь выше и стройнѣе, чѣмъ днемъ. Таинственно въ росистой и темной чащѣ лѣса ночью! Но еще таинственнѣе былъ тотъ лѣсъ, который, вверхъ корнями, темнѣлъ подъ берегомъ, уходя внизъ вершинами. А пальво уже занималась утренняя заря; небо тамъ стало стеклянно-зеленое, за опушкой лѣса, далеко въ полѣ, вачали свѣжо и отчетливо перекликаться перепела... Я закрылъ глаза... Когда же очнулся, былъ уже день. Прудъ дымился, поляна посѣдѣла отъ холодной крупной росы, зеленый лѣсъ неподвижно стоялъ вокругъ пруда. Все точно умылось къ утру и ждало его въ спокойной и ясной тишинѣ. А потомъ въ окна потянуло свѣжестью, въ прудѣ заквакали лягушки, и пѣтухъ, сильно и выпукло захлопавъ крыльями, заоралъ въ сѣнцахъ хриплымъ басомъ. Мелитонъ,

согнувшись, шель отъ шруда съ тяжелымъ, полнымъ ведромъ, изъ котораго плескалась вода, и оставлялъ за собою длинный зеленый слѣдъ по сѣдой полянѣ...

Въ тотъ же день я уѣхалъ на югъ, а потомъ за границу и совсѣмъ не замѣтилъ, какъ прошла осень. Изрѣдка вспоминалась мнѣ Россія. И тогда она казалась мнѣ такой глухой, что въ голову приходили древляне, татарщина... Какая темная, сырая осень! Тучи низко идутъ надъ полями и грязными поселками, въ туманномъ отъ мелкаго дождя полѣ одиноко сидитъ грачъ на паничѣ, а на межахъ вѣтеръ качаетъ бурьянъ. Въ голомъ, рѣдкомъ лѣсу почернѣла отъ дождя стѣна караулки, передъ порогомъ стоитъ лужа, полная гнилыхъ листьевъ. Въ избѣ темно и сыро. А ночью бушуетъ въ лѣсу буря, а ночь длится чуть не двадцать часовъ... Какое нужно терпѣніе, чтобы покорно пережить эту безконечную осень!

Когда я вернулся въ Россію, все было подъ снѣгомъ. Двое сутокъ поѣздъ мчалъ меня по снѣжнымъ равнинамъ и лѣсамъ. Въ Россіи были голодъ; но почти весь декабрь стояли хмурые дни, и густой иней нарасталъ подъ сѣрымъ и низкимъ небомъ на деревьяхъ и телеграфныхъ проволокахъ: это предвѣщало урожай:

Отъ инея посѣрѣли и стали кудрявыми шапки, бороды, лошади и тяжелая, холодная волчья полость въ саняхъ. Въ сумеркахъ сливались небо, воздухъ и глубокіе снѣга, завалившіе весь дворъ станціи. Я сѣлъ въ бѣгунки одинъ, послалъ впередъ троечныя сани съ вещами, приказалъ ѣхать

веселѣе. Кучерь, стоя въ саняхъ, перевалился черезъ высокій сугробъ на выѣздъ въ поле и шибко погналъ по глубокой снѣжной дорогѣ. Я отсталъ.

Морозило; иней на межахъ насѣдалъ на бурьяны такъ густо, что они, какъ огромные серебряные паноротники, лежали, пригнувшись къ землѣ. Потомъ уже ничего нельзя было разглядѣть въ сѣдой мглѣ ночи. Чувствуешь только запахъ снѣга и слышишь какой-то шопотъ: это шуршатъ полозья. И поминутно теряется представление о томъ, куда ѣдешь.

Но вотъ во мглѣ на горизонтѣ стало свѣтлѣть. Пробиваясь сквозь нее малиновымъ шаромъ, сталъ подыматься большой мѣсяцъ, еще мутный, перерѣзанный пополамъ лиловатой длинной тучкой. Подымаясь, онъ оставивъ тучку ниже себя, а самъ становился все золотистѣе и прозрачнѣй, и отъ лошади и саней обозначались тѣни. Когда же я подѣхалъ къ заказу, въѣхалъ въ сумракъ, лежавшій отъ него по полю и испещренный узорами свѣта, — вся снѣжная даль направо была озарена ярко и сіяла.

А въ лѣсу было сказочное мертвое царство. Деревья въ пушистомъ инеѣ казались огромными; они низко опустили свои тяжелыя, кудрявыя вѣтви, и мѣсяцъ серебрилъ ихъ вершины. Красновато-золотистой звѣздой засвѣтился огонекъ въ караулкѣ, и по всему чуткому, морозному лѣсу пошелъ звонкій, разбѣгающійся по чащамъ лай Крутика.

У дубка передъ караулкой я привязалъ лошадь. Съ дубка бенгальскимъ огнемъ сыпались искры снѣга, а Крутикъ извивался у меня подъ

погами. Я постоялъ и послушалъ глубокую тишину лѣса, осторожно подошелъ къ завалинкѣ и заглянулъ въ верхній кусочекъ полузамерзшаго окна... И глухая, отшельническая жизнь старика снова поразила меня своей мужицкой, древне-русской суровостью. Въ глубинѣ слабо освѣщенной, законченной избы онъ стоялъ передъ иконою и, закрывая глаза, кланялся ей въ поясъ, точно сокрушаемый великими грѣхами. Должно-быть, онъ только-что выкупался, — конечно, въ ледяныхъ сѣнцахъ, гдѣ рѣшетникъ въ инеѣ сверкалъ при лампочкѣ своей серебряной бахромою. Рѣдкіе волосы его были мокры и причесаны, подбородокъ чисто пробритъ, длинная бѣлая рубаха аккуратно подпоясана. И когда онъ закидывалъ назадъ голову и долго стоялъ такъ съ закатившимися подъ лобъ глазами, я видѣлъ на его лицѣ такую старческую скорбь, такую восторженно-грустную готовность принять желанную смерть!

Говорилъ онъ опять мало, хотя былъ ласковъ. Въ избѣ было тепло и сыро, какъ въ банѣ; я скинулъ шубу и сидѣлъ на лавкѣ у столика. А старикъ стоялъ передо мною, отвѣчалъ не спѣша и все прикрывалъ глаза. Наконецъ, уже собираясь уѣзжать, я какъ будто мимоходомъ спросилъ:

— Мелитонъ, отчего ты такой скучный?

Онъ удивился.

— Я-съ? — спросилъ онъ растерянно. — Я нечего-съ... Извѣстно старость.

— Или горе у тебя какое? — сказалъ я, глядя ему въ глаза.

— Избави Богъ-съ! — сказалъ онъ поспѣшно. — карауно-съ...

— Да нѣтъ, я не про то, — сказалъ я, смутившись. — Я такъ спросилъ...

Онъ понялъ, успокоился и пѣжно улыбнулся, прикрывая глаза.

— А я думалъ обида какая-съ, — сказалъ онъ ласково. — А что я невеселый, такъ какое же веселье? И грѣховъ много-съ...

— Какіе же у тебя грѣхи, Мелитонъ!

— Грѣхи-съ у всякаго есть, — сказалъ онъ со вздохомъ, кротко и серьезно. — На то и живемъ-съ, чтобы за грѣхи каяться.

— Да ты и то какъ святой живешь. Ты вонъ постишься цѣлый вѣкъ...

Онъ опять удивился и даже слегка нахмурился.

— Ъмъ-съ, какъ всѣ, — сказалъ онъ скороговоркой. — Живутъ хуже моего-съ, всѣ такъ живутъ...

— Ну, прощай! — сказалъ я, надѣвая шубу и отворяя дверь на морозный воздухъ лунной ночи.

Морозило крѣпко, и Большая Медвѣдница, какъ брильянтовая, висѣла по небу надъ снѣжной поляной. Мелитонъ безъ шапки и въ одной рубахѣ стоялъ на порогѣ.

— Прощай, Мелитонъ! — сказалъ я, садясь въ сани. — Иди въ избу, простудишься!

Ничего съ, — смиренно отвѣтилъ Мелитонъ.
Счастливей дороги-съ!

Лошадь въ свѣтломъ полѣ бѣжала шибко и бодро, полозья гѣли и визжали по затвердѣвшему снѣгу, вѣтеръ съ сѣвера слегка обжигалъ лицо, сковывая усы и рѣсницы. Я отвертывался отъ него, прикрываясь пахучимъ на морозѣ ено-товымъ воротникомъ...

1901 г.

Костеръ.

У поворота съ большой дороги, у высокаго столба, указывающаго путь на проселокъ, горѣлъ въ темнотѣ костеръ. Я ѣхалъ въ тарантасѣ тройкой, слушалъ звонъ поддужнаго колокольчика и вдыхалъ свѣжесть степной ночи. Костеръ разгорался ярко и, чѣмъ ближе я подъѣзжалъ къ нему, тѣмъ все рѣзче отдѣлялось пламя отъ нависшаго надъ нимъ мрака. А вскорѣ стало можно различить и самый столбъ, озаренный изъ-подъ низу, и черныя фигуры людей, сидѣвшихъ на землѣ. Казалось, что они, точно заговорщики, проводятъ ночь въ какомъ-то хмуромъ подземельѣ, и что темные своды этого подземелья дрожатъ отъ переплетающихся языковъ пламени.

Когда его отблескъ коснулся головъ тройки, люди, сидѣвшіе у костра, повернулись и стали вслушиваться. Позы у нихъ были внимательныя, лица красныя. Собака вдругъ вырѣзалась на огненномъ фонѣ и залаяла. Тревожно, не спуская съ насъ взгляда, поднялся съ земли одинъ

изъ сидѣвшихъ. Въ низкомъ пространствѣ, озаренномъ костромъ, фигура его была огромна.

— Гирла-а! — гортанно и глухо крикнулъ онъ на собаку.

Отчего такъ тянетъ ночью къ костру, къ людямъ, ночующимъ въ степи у дороги? Когда долго ѣдешь проселкомъ, видишь только звѣздное небо и сумракъ надъ сливающимися равнинами, грусть одиночества томить, и волнуетъ каждый огонекъ вдали. Остановивъ лошадей, я поклонился и попросилъ спичекъ:

— Добрый вечеръ! Нельзя ли закурить у васъ?

За лаемъ собаки, человекъ, который выжидалъ, всталъ передо мною, крѣпкій, широкогрудый старикъ въ бараньей шапкѣ и накинутомъ на плечи кожухѣ, не слышалъ меня и злобно топнулъ ногою.

— Атъ, каторжна! — крикнулъ онъ на овчарку и, не спуская съ меня подозрительнаго взгляда, громко прибавилъ гортаннымъ, цыганскимъ говоромъ: — Добрый вичеръ пану! А що милости его завгодно будэ?

Ноздри у него были вырѣзаны рѣзко, борода доходила до самыхъ глазъ. И въ этихъ черныхъ расширенныхъ глазахъ, въ черныхъ жесткихъ волосахъ, густо вьющихся изъ-подъ шапки, въ жесткой, кудрявой бородѣ во всемъ чувствовалась дикость и внимательность степного человека.

— Да вотъ, закурить нечѣмъ, повторилъ я притворно-просто. — Дайте, пожалуйста, пару спичекъ.

— А хибѣ жь есть спички у цыганъ? — спросилъ старикъ и обернулся къ двумъ другимъ, сидѣвшимъ у костра, которые тоже осматривали и лошадей и тарантасъ. — Може, пань, отъ костра запалить?

Старикъ отошелъ къ костру, наклонился и спокойно кинулъ на ладонь руки раскаленный уголь. Я поспѣшилъ приставить къ нему папиросу и кинулъ два-три быстрыхъ взгляда на маленькій таборъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ былъ рыжий оборванный мужикъ, повидимому, бродяга-рабочій съ низовъ, другой — молодой цыганъ. Онъ сидѣлъ, горделиво откинувъ голову назадъ, и, охвативъ руками поднятыя худыя колѣни, искоса сморгѣлъ на меня. Синевато-смуглое лицо его было изящно, какъ у восточнаго принца. Бѣлки глазъ странно выдѣлялись на этомъ лицѣ — и глаза казались изумленными. И одѣтъ онъ былъ щеголемъ: тонкіе сапоги, новый картузь, городской пиджакъ, шелковая лиловая рубаха и длинная серебряная цѣпочка на шеѣ.

— Може, пань блукае? — спросилъ старикъ, кидая уголь въ костеръ.

— Нѣтъ, — пробормоталъ я и еще разъ глянулъ за костеръ, который слѣпилъ меня своимъ яркимъ мерцаніемъ. И тогда изъ темноты выдѣлились сѣрыя полы большого разлатаго шатра брошенная дуга и оглобли телѣги, а возлѣ нихъ самоваръ, горшки и большая перина, на которой лежала толстая цыганка въ лохмотьяхъ, кормившая грудью полуголаго ребенка. Надо всеѣмъ

же этимъ стояла дѣвушка лѣтъ пятнадцати и пристально смотрѣла на меня меланхолично-призывными глазами необыкновенной красоты. Она выдѣлилась изъ сумрака внезапно — и я увидалъ грубые смоляные волосы, страстную нѣжность глазъ, губъ и всего древне-египетскаго овала лица, однимъ взглядомъ охватилъ всѣ формы стройнаго дѣвичьяго тѣла подъ лиловымъ тонкимъ платьемъ, изъ котораго она выросла. Но столько было вопросительнаго ожиданія во всѣхъ лицахъ, а въ глазахъ бродяги столько дерзости, что я смутился и тронулъ за рукавъ кучера.

— Може, проводить пана? — повторилъ старикъ живо.

— Нѣтъ, спасибо, — поспѣшилъ я отвѣтить и, еще разъ ~~ж~~одно взглянувъ на костеръ, откинулся въ задокъ тарантаса. — Пошелъ!

Лошади тронули, копыта дружно застучали, а колокольчикъ такъ и залился жалобнымъ стономъ, перебивая лай бросившейся за нами собаки...

Не было больше тепла и запаха горящаго бурьяна, въ лицо вѣяло свѣжестью ночи, и опять, темнѣя въ сумракъ, бѣжали навстрѣчу мнѣ поля. Черная дуга высоко вырѣзывалась на небѣ и, качаясь, задѣвала звѣзды. Но еще ярче, чѣмъ у костра, видѣлъ я теперь черные волосы, нѣжно-страстные глаза и старое серебряное монисто на шеѣ... И въ запахъ росистыхъ травъ и одинокомъ звонѣ колокольчика, въ звѣздахъ и въ небѣ было уже новое чувство, томящее, непонятное и отъ

этого еще болѣе сладостное. И казалось, что я поступилъ непоправимо, безразсудно, покинувъ что-то близкое, созданное именно для меня и только по какой-то случайности уходящее отъ меня все дальше и дальше...

1901 г.

Осенью.

I.

Въ гостиной наступило на минуту молчаніе, и, воспользовавшись этимъ, она встала съ мѣста и какъ бы мелькомъ взглянула на меня.

— Ну, мнѣ пора, — сказала она съ легкимъ вздохомъ, и у меня дрогнуло сердце отъ предчувствія какой-то большой радости и тайны между нами.

Я не отходилъ отъ нея весь вечеръ и весь вечеръ ловилъ въ ея глазахъ затаенный блескъ, разсѣянность и едва замѣтную, но какую-то новую ласковость. Теперь въ тонѣ, какимъ она какъ бы съ сожалѣніемъ сказала, что ей пора уходить, мнѣ почудился скрытый смыслъ, — то, что она знала, что я выйду съ нею.

Вы тоже? — полуутвердительно спросила она. Значитъ, вы проводите меня, — прибавила она вскользь и, слегка не выдержавъ роли, улыбнулась, оглядываясь.

Стройная и гибкая, она легкимъ и привычнымъ движеніемъ руки захватила юбку черного платья.

И въ этой улыбкѣ, въ молодомъ изящномъ лицѣ, въ черныхъ глазахъ и волосахъ, даже, казалось, въ тонкой ниткѣ жемчуга на шеѣ и блескѣ брильянтовъ въ серьгахъ — во всемъ была застѣнчивость дѣвушки, которая любитъ впервые. И пока ее просили передать поклоны ея мужу, а потомъ помогали ей въ прихожей одѣваться, я считалъ секунды, боясь, что кто-нибудь выйдеть съ нами.

Но вотъ дверь, изъ которой на мгновение упала въ темный дворъ полоса свѣта, мягко захлопнулась. Подавляя нервную дрожь и чувствуя во всемъ тѣлѣ необычную легкость, я взялъ ея руку и заботливо сталъ сводить съ крыльца.

— Вы хорошо видите? — спросила она, глядя подъ ноги.

И въ голосъ ея опять послышалась поощряющая привѣтливость.

Я, наступая на лужи и листья, наугадъ повелъ ее по двору, мимо обнаженныхъ акацій и искусныхъ деревьевъ, которыя гулко и упруго, какъ корабельныя снасти, гудѣли подъ влажнымъ и сильнымъ вѣтромъ южной ноябрьской ночи.

За рѣшетчатыми воротами свѣтился фонарь экипажа. Я взглянулъ ей въ лицо. Не отвѣчая, она взяла своей маленькой, узкой отъ перчатки рукой желѣзный пруть воротъ и безъ моей помощи откинула половину ихъ въ сторону. Поспѣшно прошла она къ экипажу и сѣла въ него, такъ же быстро сѣлъ и я рядомъ съ нею...

II.

Мы долго не могли сказать ни слова. То, что тайно волновало насъ послѣдній мѣсяць, было теперь сказано безъ словъ, и мы молчали только потому, что сказали это слишкомъ ясно и неожиданно. Я прижалъ ея руку къ своимъ губамъ и, взволнованный, отвернулся и сталъ пристально глядѣть въ сумрачную даль бѣгущей навстрѣчу намъ улицы. Я еще боялся ея, и когда на мой вопросъ, —не холодно ли ей,—она только со слабой улыбкой шевельнула губами, не въ силахъ отвѣтить, я понялъ, что и она боится меня. Но на пожатіе руки она отвѣтила благодарно и крѣпко.

Южный вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ на бульварахъ, колебалъ пламя рѣдкихъ газовыхъ фонарей на перекресткахъ и скрипѣлъ вывѣсками надъ дверями запертыхъ лавокъ. Иногда какая-нибудь сгорбленная фигура вырастала вмѣстѣ съ своею шаткою тѣнью подъ большимъ качающимся фонаремъ таверны, но исчезалъ фонарь за нами—и опять на улицѣ было пусто, и только сырой вѣтеръ мягко и непрерывно билъ по лицамъ. Изъ-подъ колесъ брызгами сыпалась въ разныя стороны грязь, и она, казалось, съ интересомъ слѣдила за ними. Я взглядывалъ иногда на ея опущенныя рѣсницы и склоненный подъ шляпой профиль, чувствовалъ всю ее такъ близко отъ себя, слышалъ тонкій запахъ ея волосъ, и меня волновалъ даже гладкій и нѣжный мѣхъ соболя на ея шеѣ...

Потомъ мы свернули на широкую, пустую и длинную улицу, казавшуюся безконечной, миновали старые еврейскіе ряды и базаръ, и мостовая сразу оборвалась подъ нами. Отъ толчка на новомъ поворотѣ она покачнулась, и я невольно обнялъ ее. Она взглянула впередъ, потомъ обернулась ко мнѣ. Мы встрѣтились лицомъ къ лицу, въ ея глазахъ не было больше ни страха ни колебанія,—легкая застѣнчивость сквозила только въ напряженной улыбкѣ, — и тогда я, не сознавая, что дѣлаю, на мгновение крѣпко прильнулъ къ ея губамъ...

III.

Въ темнотѣ мелькали высокіе силуэты телеграфныхъ столбовъ вдоль дороги, — наконецъ пропали и они, свернули куда-то въ сторону и скрылись. Небо, которое надъ городомъ было черно и все-таки отдѣлялось отъ его слабо освѣщенныхъ улицъ, совершенно слилось здѣсь съ землею, и насъ окружилъ вѣтреный мракъ. Я оглянулся назадъ. Огни города тоже исчезали, — они были разсыпаны точно гдѣ-то въ темномъ морѣ, — а впереди мерцалъ только одинъ огонекъ, такой одинокій и отдаленный, точно онъ былъ на краю свѣта. То была старая молдаванская корчма на большой дорогѣ, и оттуда несло сильнымъ вѣтромъ, который путался и торопливо шуршалъ въ изсохшихъ стебляхъ кукурузы.

Куда мы ѣдемъ? — спросила она, сдерживая дрожь въ голосѣ.

Но глаза ея блестѣли, — наклонившись къ ней, я различалъ ихъ въ темнотѣ, — и въ нихъ было странное и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливое выраженіе.

Вѣтеръ торопливо шуршалъ и бѣжалъ, путаясь въ кукурузѣ, лошади быстро неслись ему навстрѣчу. Снова куда-то мы свернули, и вѣтеръ сразу измѣнился, сталъ влажнѣе и прохладнѣе и еще безпокойнѣй заметался вокругъ насъ.

Я полной грудью вдыхалъ его. Мнѣ хотѣлось, чтобы все темное, слѣпое и непонятное, что было въ этой ночи, было еще непонятнѣе и смѣлѣе. Ночь, которая казалась въ городѣ обычной ненастной ночью, была здѣсь, въ полѣ, совсѣмъ иная. Въ ея темнотѣ и вѣтрѣ было теперь что-то большое и властное, — и вотъ наконецъ послышался сквозь шорохъ бурьяновъ какой-то ровный, однообразный, величавый шумъ.

— Море? — спросила она.

— Море, — сказалъ я. Это уже послѣднія дачи.

А въ поблѣднѣвшей темнотѣ, къ которой мы приглядѣлись, выростали влѣво отъ насъ огромные и угрюмые силуэты тополей въ дачныхъ садахъ, спускавшихся къ морю. Шорохъ колесъ и топотъ копытъ по грязи, отдаваясь отъ садовыхъ оградъ, на минуту сталъ явственнѣе, но скоро ихъ заглушилъ приближающійся гулъ де-

ревьевъ, въ которыхъ метался вѣтеръ и шумъ моря. Промелькнуло нѣсколько наглухо забытыхъ домовъ, смутно бѣлѣвшихъ въ темнотѣ и казавшихся мертвыми... Потомъ тополи разступились, и внезапно въ пролетъ между ними пахнуло влажностью, — тѣмъ вѣтромъ, который прилетаетъ къ землѣ съ огромныхъ водяныхъ пространствъ и кажется ихъ свѣжимъ дыханіемъ.

Лошади остановились.

И тотчасъ же ровный и величавый ропотъ, въ которомъ чувствовалась огромная тяжесть воды, и беспорядочный гулъ деревьевъ въ безпокойно дремавшихъ садахъ стали слышнѣе, и мы быстро пошли по листьямъ и лужамъ, по какой-то высокой аллеѣ, къ обрывамъ.

IV.

Море гудѣло подъ ними грозно, выдѣляясь изъ всѣхъ шумовъ этой тревожной и сонной ночи. Огромное, теряющееся въ пространствѣ, оно лежало глубоко внизу, далеко бѣлѣя сквозь сумракъ бѣгущими къ землѣ гривами пѣны. Страшенъ былъ и беспорядочный гулъ старыхъ топей за оградой сада, мрачнымъ островомъ выростававшего на скалистомъ побережьѣ. Чувствовалось, что въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ властно царить теперь ночь поздней осени, и старый большой садъ, забитый на зиму домъ и раскрытыя бесѣдки по угламъ ограды были жут-

ки своей заброшенностью. Одно море гудѣло
ровно, побѣдно и, казалось, все величавѣе въ
сознаніи своей силы. Влажный вѣтеръ валилъ
съ ногъ на обрывѣ, и мы долго не въ состояніи
были насытиться его мягкой, до глубины души
проникающей свѣжестью. Потомъ, скользя по
мокрымъ глинистымъ тропинкамъ и остаткамъ
деревянныхъ лѣстницъ, мы стали спускаться
внизъ, къ сверкающему пѣной прибою. Ступивъ
на гравій, мы тотчасъ же отскочили въ сторо-
ну отъ волны, разбившейся о камни. Высились
и гудѣли черные тополи, а подъ ними, какъ
бы въ отвѣтъ имъ, жаднымъ и бѣшенымъ при-
боемъ играло море. Высокія, долетающія до
насъ волны съ грохотомъ пушечныхъ выстрѣ-
ловъ рушились на берегъ, крутились и свер-
кали цѣлыми водопадами снѣжной пѣны, ры-
кали пескомъ и камнями и, убѣгая назадъ, увлека-
ли спутанные водоросли, иль и гравій, который
гремѣлъ и скрежеталъ въ ихъ влажномъ шумѣ.
И весь воздухъ былъ полонъ тонкой, прохлад-
ной пылью, все вокругъ дышало вольной свѣ-
жестью моря. Темнота блѣднѣла, и море уже
ясно видно было на далекое пространство.

— И мы одни! — сказала она, закрывая глаза.

V.

Мы были одни. Я цѣловалъ ея губы, упиваясь
ихъ нѣжностью и влажностью, цѣловалъ глаза,
которые она подставляла мнѣ, прикрывая ихъ съ
улыбкой, цѣловалъ похолодѣвшее отъ морского

вѣтра лицо, а когда она сѣла на камень, стала передъ нею на колѣни, обезсиленный радостью.

— А завтра? — говорила она надъ моей головою.

И я поднималъ голову и смотрѣлъ ей въ лицо. За мною жадно бушевало море, надъ нами высились и гудѣли тополи...

— Что завтра? — повторилъ я ея вопросъ и почувствовалъ, какъ у меня дрогнулъ голосъ отъ слезъ непобѣдимаго счастья. — Что завтра?

Она долго не отвѣчала мнѣ, потомъ протянула мнѣ руку, и я сталъ снимать перчатку, цѣлуя и руку и перчатку и наслаждаясь ихъ тонкимъ, женственнымъ запахомъ.

— Да! — сказала она медленно, и я близко видѣлъ въ звѣздномъ свѣтѣ ея блѣдное и счастливое лицо. — Когда я была дѣвушкой, я безъ конца мечтала о счастьѣ, но все оказалось такъ скучно и обыденно, что теперь эта, можетъ-быть, единственная счастливая ночь въ моей жизни кажется мнѣ непохожей на дѣйствительность и преступной. Завтра я съ ужасомъ вспомню эту ночь, но теперь мнѣ все равно... Я люблю тебя, — говорила она нѣжно, тихо и вдумчиво, какъ бы говоря только для самой себя.

Рѣдкія, голубоватыя звѣзды мелькали между тучами надъ нами, и небо понемногу расчищалось, и тополи на обрывахъ чернѣли рѣзче, и море все болѣе отдѣлялось отъ далекихъ горизонтовъ. Была ли она лучше другихъ, которыхъ я любилъ, я не знаю, но въ эту ночь она была несравненной. И когда я цѣловалъ платье на ея

колѣняхъ, а она тихо смѣялась сквозь слезы и обнимала мою голову, я смотрѣлъ на нее съ восторгомъ безумія, и въ тонкомъ звѣздномъ свѣтѣ ея блѣдное, счастливое и усталое лицо казалось мнѣ лицомъ безсмертной.

1901 г.

Надежда.

Помнишь ли ты одинъ изъ послѣднихъ дачныхъ дней, проведенныхъ нами въ прошломъ году у моря? Есть особая прелесть въ этихъ осеннихъ дняхъ, сѣрыхъ и прохладныхъ, когда, возвращаясь изъ города на дачу, встрѣчаешь только однихъ ломовыхъ, нагруженныхъ мебелью запоздалыхъ дачниковъ. Уже прошли сентябрьскіе ливни, переулки между садами стали грязны, сады желтѣютъ и рѣдѣютъ, до весны остаются наединѣ съ моремъ... Вдоль узкоколейной дороги, пробѣгающей среди садовыхъ оградъ и рѣшетокъ, только и видишь теперь, что закрытыя фруктовые лавочки, будки, гдѣ продавали лѣтомъ воды, да покинутые газетные кіоски. По всему пути, отъ дорогихъ виллъ въ итальянскомъ и греческомъ стилѣ и до выбѣленныхъ известкой домишекъ на отдаленномъ каменистомъ побережьѣ, то и дѣло мелькаютъ раскрытые балконы, увитые длинными сухими гирляндами дикаго винограда, закрытыя ставни, наглухо забитыя двери, завернутыя въ рогожу нѣжныя южныя растенія. И чѣмъ дальше отъ города — тѣмъ все тише, безлюднѣй. Паровикъ ходитъ уже рѣдко, и тре-

Бовательные свистки его на остановках далеко отдаются въ чистомъ воздухѣ. Шагаешь вдоль пути между садами и слушаешь... Вотъ поѣздъ снова гдѣ-то остановился и два раза жалобно и гулко крикнулъ, но гдѣ, близко, или далеко, не опредѣлишь. Свистокъ похожъ на эхо, эхо на свистокъ, а замерло то и другое, растаявъ глухой, удаляющійся шумъ за садами—и опять настала полная, ничѣмъ не нарушаемая тишина. Не спѣша шагаешь и шагаешь по шпаламъ, сердце бьется ровно, итти и дышать осенней прохладой легко и пріятно... Остаться бы на этихъ дачахъ до весны, слушать по ночамъ шумъ бушующаго въ темнотѣ моря, бродить по цѣлымъ днямъ на обрывахъ! Образъ одинокой женщины на террасѣ зимней виллы рисуется воображенію, длинная аллея тополей, усыпанная гравіемъ, съ синевой моря въ перспективѣ, зоветъ въ свои ворота...

Мы часто заглядывали въ такія аллеи, любуясь старыми мраморными статуями среди цвѣтниковъ и деревьевъ, —дешевыми поддѣлками подъ классическія изваянія боговъ и богинь, —ихъ матовой бѣлизной среди зеленыхъ тиссовъ, мелкими желтыми листьями, которые усыпали садовые дорожки и ступени балконовъ. День былъ сѣрый и спокойный, — прохладный октябрьскій день тона Пювись-де-Шаванья, въ свѣжемъ, бодрящемъ воздухѣ пахло моремъ и увядающими цвѣтниками. Море выглядывало то тамъ, то здѣсь изъ-за кустовъ и деревьевъ, оно наполняло своимъ присутствіемъ всю окрестность, его

свобода и дыханіе чувствовалась все время и всюду. Уходя все дальше отъ города, мы строили неосуществимые планы путешествій и связывали съ ними мечты о той несбыточной любви, которая, казалось, была разлита вокругъ насъ въ этой тишинѣ, прохладѣ, морскомъ воздухѣ, въ нѣжно-разнообразной красотѣ легкихъ лиловатыхъ тоновъ неба и осеннихъ садовъ... Помнишь мраморную нимфу въ чьемъ-то большомъ заброшенномъ паркѣ, что въ свободной и женственной позѣ сидѣла на глыбѣ камня среди фонтана? Лѣтомъ, когда паркъ былъ тѣнистъ и зноенъ, когда солнечныя пятна золотымъ дождемъ осыпали нимфу, изъ камня со всѣхъ сторонъ бѣжало множество холодныхъ и чистыхъ ключей, и, склонивъ голову, нимфа точно прислушивалась къ ихъ непрерывному журчанію. Теперь оно смолкло, въ садахъ было свѣжо, тихо и сквозь низкорослыя акаціи, сквозь вѣтви обнаженныхъ тополей и кустарники цвѣта сухой земли свободно чувствовался просторъ морского побережья... Зачѣмъ такъ прекрасны надежды, которыя неосуществимы? Зачѣмъ эта вѣчная мечта о красотѣ, о любви, слитой со всѣмъ міромъ, о счастьѣ, что недоступно намъ уже по одной кратковременности нашей на землѣ?

Мы шли, а воздушно-голубоватое море все шире открывалось то тамъ, то здѣсь за деревьями и красными черепичными крышами дачъ на обрывахъ. И какъ разъ въ то время, когда мы дошли до того мѣста, гдѣ сады и дачи на полверсты прерываются, гдѣ всегда внезапно останав-

ливаешься, пораженный просторомъ моря, почти на чертъ горизонта увидали мы паруса „Надежды“.

Уже вечерѣло, и среди спокойныхъ сѣрыхъ облаковъ, длинными грядами закрывавшихъ небо, появились оранжевые оттѣнки,—признакъ того, что холодѣетъ. Къ горизонту было свѣтлѣе, а прохлада послѣ дождей и безъ того очистила воздухъ и необыкновенно расширила дали. Въ морѣ былъ штиль, и оно развертывалось безграничной равниной нѣжно-зеленоватой, отчасти сиреневой стали, которая смѣлымъ и вольнымъ полукругомъ касалась вдали неба. Внизу, по извиистой линіи заливовъ, зеленая вода была такъ прозрачна, что даже съ обрыва видны были темно-лиловыя спины камней подъ нею; дальше ея поверхность кое-гдѣ морщилась, какъ поверхность шелковой ткани, подъ набѣгавшимъ легкимъ вѣтромъ, доносившимъ до насъ свѣжій морской запахъ, а еще дальше спокойный просторъ моря убѣгалъ къ горизонту длинными и тонко начертанными полосами теченій и оттѣнковъ. У горизонта онъ терялся, казалось, что за горизонтомъ снова начинаются спокойныя нѣжно-зеленоватыя водяныя поля; но, должно-быть, тамъ, гдѣ была „Надежда“, былъ ровный попутный бризъ. И, поднявъ въ нѣсколько ярусовъ паруса, сузившись въ отдаленіи, „Надежда“, какъ сказочная плавучая колокольня, четко сѣрѣла на той зыбкой грани, гдѣ море касалось неба. Она была одна и необыкновенно подчеркивала эту ровную ширь, во всей полнотѣ воскресшая своими парусами поэзію стараго моря. И даже съ

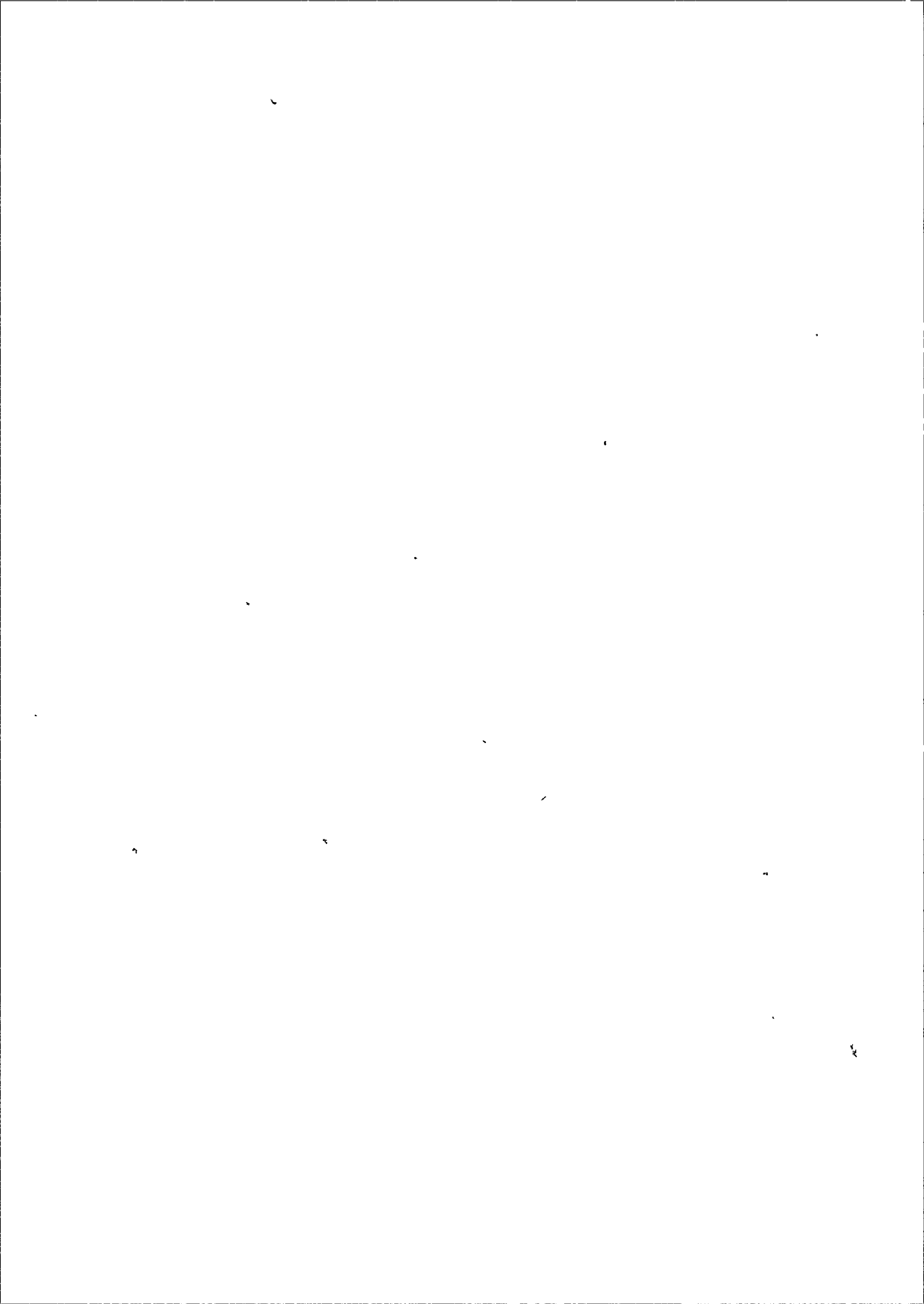
прибрежья, несмотря на огромное для глаза расстояние, видно было теперь, какое это славное, сильное судно, изящное и гордое, точно королевский бригъ. Лѣтомъ оно вернулось изъ Австраліи, и мы встрѣтили его, какъ друга, смотрѣли на него, какъ на живое. Сколько странъ и морей видѣло оно, сколько океанскихъ волнъ омывало его острую, высокую грудь! Гавань была переполнена судами, но все это были тяжелые и неуклюжіе пароходы, дымившіе черными, приземистыми трубами, нагруженные черепицей, желѣзомъ, хлѣбомъ и бочками съ масломъ, по цѣлымъ днямъ грохотавшіе лебедками. Они знали только свои грузы, а на „Надеждѣ“ странствовали и учились молодые моряки, и какъ выдѣлялась въ этомъ плавучемъ городѣ судовъ легкая и вольная „Надежда“, входившая въ гавань подъ шестью ярусами своихъ парусовъ! Теперь она снова покидала насъ... И все, о чемъ мы такъ юношески мечтали, глядя съ мола въ море, вѣчно что-то обѣщающее за своими зыбкими горизонтами, все, чѣмъ оно волновало насъ въ этотъ осенній день въ тишинѣ опустѣвшихъ дачныхъ садовъ, — все съ необыкновенной силой охватило насъ при видѣ далекой „Надежды“.

Коснувшись горизонта, она вырѣзалась и какъ бы замерла на немъ. Куда она держала путь? Къ югу, къ Босфору, Средиземному морю... Завтра передъ ней откроются болѣе нѣжныя дали, тонко засинѣютъ новые берега... Лиловато-сѣрая, стройная, одинокая на послѣдней грани огромной, зеленовато-стальной равнины моря, она удалялась незамѣтно, но неуклюжно. И уже новые го-

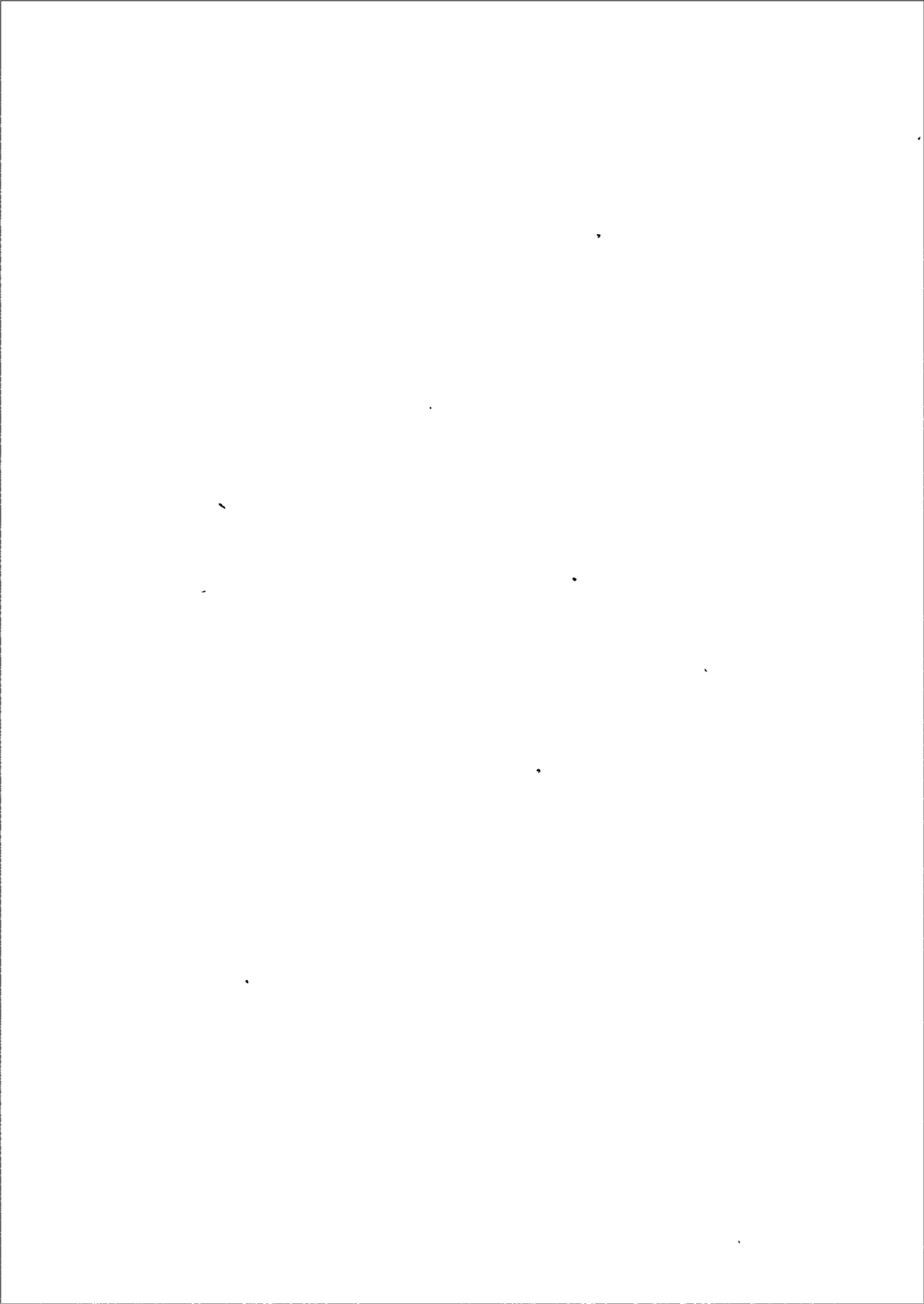
ризонты развѣртывались передъ тѣми, которые были на ней. Глядя на нее, мы сами чувствовали эти горизонты. Мы какъ бы сами были на ней, мы прозрѣвали то новое и манящее, что обѣщаетъ всякая даль, какъ, можетъ быть, воочию увидятъ наши потомки все, что мы только предчувствуемъ и что волнуетъ насъ несбыточными надеждами, чувствомъ красоты жизни и мечтами о томъ, какъ будутъ счастливы люди въ будущемъ...

Поздно ночью, когда набѣгающій вѣтеръ спокойно и осторожно, точно ища чего-то, шелестѣлъ сухими вѣтвями дикаго винограда на нашемъ балконѣ и доносилъ полусонный шумъ волнъ, я мысленно провожалъ „Надежду“ на пути въ темномъ морѣ. „Надежда“ была теперь уже далеко. Но какъ сладко было хотя мысленно слѣдить за ней!

1902 г.

ИЗЪ КНИГИ „ЛИСТОПАДЪ“.

ЛИСТОПАДЪ.

Лѣсъ, точно теремъ распясной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Веселой, пестрою стѣной
Стоитъ надъ свѣтлою поляной.

Березы желтою рѣзью
Блестятъ въ лазури голубой;
Какъ вышки, елочки темнѣютъ,
А между кленами синѣютъ
То тамъ, то здѣсь въ листьѣ сквозной
Просвѣты въ небо, что оконца...
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной,—
За лѣто высохъ онъ отъ солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступи на нынче въ теремъ свой...

Какъ хорошо ей! На полянѣ, —
Среди широкаго двора, —
Воздушной паутины ткани
Блестятъ, какъ свѣтъ изъ серебра.
Просѣлка узкая, какъ сѣни,
Уводитъ въ теремъ, а по ней
Лежитъ коверъ листьвы осенней
Среди кустарниковъ и пней.
Сегодня цѣлый день играетъ
Въ дворѣ послѣдній мотылекъ
И, точно бѣлый лепестокъ,

На паутинѣ замираетъ,
Пригрѣтый солнечнымъ тепломъ
Сегодня такъ свѣло кругомъ.
Такое мертвое молчанье
Въ лѣсу и въ сивей вышинѣ,
Что можно въ этой тишинѣ
Разслышать листика шуршанье.
Лѣсъ, точно теремъ расписной, —
Лилый, золотой, багряный, —
Стоитъ надъ солнечной поляной,
Завроженный тишиной;
Закрохчетъ дождь перелетая
Среди и дощикъ, такъ густая
Листва огненный стблескъ льетъ:
Играя, въ небѣ промелькнетъ.
Сворцовъ разсѣянная стая —
И снова все кругомъ замретъ...
Лѣсъ разовѣетъ А въ ворота —
Среди двухъ высохшихъ осинъ —
Глядятъ и сивея долины,
И мелкоколѣе, и болота,
И даль мловыхъ черезенъ...
Какъ хорошо! Но жаль чего-то,
И грустно Осени весь день.

Порой задумчиво выводитъ
Она на солнце изъ ворота
И бредитъ въ полѣ, и не сводитъ
Очей съ желтѣющихъ болотъ.
Тамъ по лощинамъ и полянамъ,
Густыхъ кустарникъ въ бугры
Раскинулись широкимъ станомъ
Какъ темно-красные шатры.

Тамъ путь на югъ. Съ нѣмой печалью
На край небесъ глядитъ она,
Гдѣ даль слилась съ небесной далью,
Мечтами тихими полна.
А день уходитъ. Небо ясно,
Прозрачный воздухъ сухъ и тихъ,
Лѣса алѣютъ... И безгласно
Уходитъ свѣтлый день отъ нихъ.

Послѣднiя мгновенья счастья!
Ужъ знаетъ Осень, что такой
Глубокой и нѣмой некой —
Предвѣстникъ долгаго ненастья.
Все строже вдалѣ она глядитъ,
Все рѣзче тайное страданье
Въ ея нѣмыхъ очахъ сквозить...
Какое вѣщее молчанье!
Глубоко, странно лѣсъ молчалъ
И на зарѣ, когда съ заката
Пурпурный блескъ огня и злата
Пожаромъ теремъ освѣщаль.
Потомъ угрюмо въ немъ стемнѣло...
Луна восходитъ, а въ лѣсу
Ложатся тѣни на росу...
Вотъ стало холодно и бѣло
Среди полянъ, среди сквозной
Осенней чащи помертвѣлой,
И жутко Осени одной
Въ пустынной тишинѣ ночной!

Теперь ужъ тишина другая:
Прислушайся — она растеть;
А съ нею, блѣдностью пугая,

И мѣсяцъ медленно встаетъ.
Всѣ тѣни сдѣлалъ онъ короче,
Прозрачный дымъ навелъ на лѣсъ —
И вотъ ужъ смотрите прямо въ очи
Съ туманной высоты небесъ.
О, мертвый сонъ осенней ночи!
О, жуткѣй часъ ночныхъ чудесъ!
Въ сребристомъ и сыромъ туманѣ
Свѣтло и пусто на полянѣ;
Лѣсъ, бѣлымъ свѣтомъ залитой,
Своей застывшей красотой
Какъ будто смерть себѣ пророчилъ.
Сова, и та молчитъ: сидитъ
Да тупо изъ вѣтвей глядитъ...
Перою дико захохочетъ,
Сорвется съ шумомъ съ высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядетъ на кусты
И смотритъ круглыми глазами,
Вода ушагой головой
По сторонамъ, какъ въ изумленьи...
А лѣсъ стоитъ въ оцѣпенѣннѣи,
Наполненъ блѣдой, легкой мглой
И листьевъ сыростью гвиздой...

Не жди: на утро не проглянетъ
На небѣ солнце. Довѣдь и мгла
Холоднымъ дымомъ лѣсъ туманятъ, —
Не дромъ эта ночь прошла!
Но О снѣ затаитъ глубоко
Все, что она пережила
Въ нѣмую ночь, и одиноко
Запрется въ теремъ своемъ

Пусть боръ бушуетъ подъ дождемъ!
Пусть мрачны и ненастны ночи,
И на полянѣ волчьи очи
Зеленымъ свѣтятся огнемъ!
Лѣсъ, точно теремъ безъ призора,
Весь потемнѣлъ и полинялъ,
Сентябрь, кружась по чашамъ бора,
Съ него мѣстами крышу саялъ
И входъ сырой листвою усыпалъ;
А тамъ зазимокъ ночью выпалъ
И таять сталъ, все умертвивъ...

Трубятъ рога въ поляхъ далекихъ;
Звонитъ ихъ мѣдный переливъ,
Какъ грустный вопль, среди широкихъ
Ненастныхъ и туманныхъ нивъ.
Сквозь шумъ деревьевъ, за долиной,
Теряясь въ глубинѣ лѣсовъ,
Угрюмо воетъ рогъ туринный,
Склика на добычу псовъ,
И звучный гамъ ихъ голосовъ
Разноситъ бури шумъ пустынный...
Льетъ дождьъ, холодный, точно ледъ,
Кружатся листья по полянамъ,
И гуси длиннымъ караваномъ
Надъ лѣсомъ держать перелетъ...
Но дни идутъ. Свѣжѣетъ просинь
Студеныхъ далей. Ихъ просторъ
Въ поля инья тянетъ Осень...
Близка зима, стихаетъ боръ.

И вотъ встаютъ столбами дымы
Въ селѣ на утренней зарѣ;

Лѣса багряны, недвижимы,
Земля въ морозномъ серебрѣ.
И въ горностаевомъ шугаѣ,
Умывши блѣдное лицо,
Послѣдній день въ лѣсу встрѣчая,
Выходитъ Осень на крыльцо.
Дворъ пустьъ и холоденъ. Въ ворота
Среди двухъ высохшихъ осивъ,
Видна ей синева долины
И ширь пустыннаго бслота,—
Дорога на далекой югъ...
Туда отъ зимнихъ бурь и вьюгъ,
Отъ зимней стужи и мгели
Давно ужъ птицы улетѣли;
Туда и Осень поутру
Свой одинокой путь направитъ
И навсегда въ пустомъ бору
Раскрытый теремъ свой оставитъ...

Прости же, лѣсъ! Прости, прощай!
День будетъ ласковый, хорошій,
И скоро мягкою порошей
Засеребрится мертвый край.
Какъ будутъ страны въ этотъ бѣлый,
Пустынный и холодный день
И боръ, и теремъ опустѣлый,
И крыши тихихъ деревень,
И небеса, и безъ границы
Въ нихъ уходящія поля!
Какъ будутъ рады соболя,
И горностаи, и куницы,
Рѣзвась и грѣясь на бѣгу
Въ сугробахъ мягкихъ на лугу

А тамъ, какъ буйный плясъ шамана,
Ворвутся въ голую тайгу
Вѣтры изъ тундры, съ океана,
Гонимы крутящимся снѣгу
И выывая въ полѣ звѣремъ...
Они разрушаютъ старый теремъ,
Оставятъ колья и потемъ
На этомъ островѣ пустомъ
Повѣсятъ шени сквозные,
Воздвигнутъ арки кружевные, —
И будутъ въ небѣ голубомъ
Сіять чертоги леляные
И хрусталемъ и серебромъ.

А въ ночь, межъ бѣлыхъ ихъ разводовъ,
Взойдутъ огни небесныхъ сводовъ,
Заблещетъ звѣздный щитъ Стожарь —
Въ тѣть часъ, когда среди молчанья
Мрозный свѣтится пожаръ,
Расцвѣтъ Полярнаго Сіанья!

НА РАСПУТЬѢ.

На распутьѢ въ дикомъ древнемъ полѢ
Черный воронъ на крестѢ сидитъ.
Заросла бурьяномъ степь на вотѢ,
И въ травѢ заржавѢль старый щитъ.

На распутьѢ люди начертали
Роковую надпись: „Путь прямой
Много бѣдъ готовить, и едва ли
Ты по немъ возвратишься домой.“

„Путь направо безъ коня оставить, —
Побредешь одинъ и сирь, и нагъ, —
А того, кто въ твою путь направитъ,
Встрѣтитъ смерть въ незнаемыхъ поляхъ...“

Жутко мнѢ! Вдали стоятъ могилы...
Въ нихъ былое дремлетъ вѣчнымъ сномъ...
„Отзовися, воронъ чернокрылый!
Укажи мнѢ путь въ краю глухомъ.“

„Я покинулъ островъ Царь-Дѣвицы,
Сине море, теремъ и сады,
Не ищу я по свѣту Жарь-Птицы, —
Укажи мнѢ ключъ живой воды!“

Дремлетъ полдень. На тропахъ звѣриныхъ
Тлѣютъ кости въ травахъ. Три пути
Вижу я въ желтѣющихъ равнинахъ...
Но куда и какъ по нимъ ийти?

Гдѣ равнина дикая граничить?
Кто, пугая чуткаго коня,
Въ тишинѣ изъ синей дали кличетъ
Человѣчьимъ голосомъ меня?

Вѣсть поле тишиной великой.
Мертвецы въ могилахъ древнихъ слягъ.
Очарованъ красотою дикой,
Опускаю я покорно взглядъ.

И одинъ я въ полѣ, и отважно
Жизнь зоветъ, а смерть въ глаза глядитъ...
Черный воронъ сумрачно и важно,
Полусонный, на крестѣ сидитъ.

1900.

ВИРЬ.

Гдѣ ельникъ сумрачный стоитъ
Въ лѣсу зубчатымъ темнымъ строемъ,
Гдѣ старый позабытый скитъ
Манитъ задумчивымъ покоемъ,

Есть птица Вирь. Ея уборъ
Весь сѣро-аспиднаго цвѣта,
Головка въ хохолкѣ, а взоръ
Исполненъ скорбною привѣта.

Она такъ жалостно поетъ,
Съ такою нѣжностью глубокой,
Что, если къ скиту забредетъ
Случайно спутникъ одинокій,

Онъ не покинетъ тѣ мѣста:
Лѣсъ молчаливый и унылый
И скорбной пѣсни красота
Полны неотразимой силы!

Вирь тихо плачетъ межъ вѣтвей,
Вирь состраданія не знаетъ,
И человѣкъ идетъ за ней
И дней печальныхъ не считаетъ.

Безмолвной жалостью къ себѣ,
Томленьемъ сладостнымъ объятый,
Покорный горестной судьбѣ,
Онъ помнитъ лишь одни закаты.

И вотъ, когда въ лѣсу пустомъ
Горитъ заря, а ельникъ черный
Стоитъ на фонѣ золотомъ
Сгѣною траурно-узорной,

Съ какой страдѣй ловить огнь
Все, что зарей еще не тальнѣй:
Вечерній колокольный зевотъ,
Налѣвы женщины въ роцѣ дальней,

И гуль сосны, и вѣтерка
Однообразный шелестъ въ чащѣ...
Невыразима ихъ тоска,
И нѣтъ ея больнѣй и слаще!

Когда же лѣсъ одѣтый тьмой,
Сгустится въ ней, и тьма сольется
Съ его мощной бахромой, —
Вирь въ темнотѣ тревожно бьется,

Въ испугѣ бьется средь вѣтвей,
Тоскливо стонетъ и рыдаетъ,
И тѣмъ тоскливѣй, тѣмъ грустнѣй,
Чѣмъ человекъ больнѣй страдаетъ...

1900.

ИЗЪ СКАЗКИ.

Все лѣсъ и лѣсъ. Въ лѣсу темнѣетъ,
Низы синѣютъ, и трава
Сѣдой росой въ лугахъ бѣлѣетъ...
Проснулась сѣрая сова.

На западъ сосны вереницей
Идутъ, какъ рать сторожевыхъ,
И солнце мутное Жаръ-Птицей
Горить въ ихъ дебряхъ вѣковыхъ.

1899.

* * *

Ночь печальна, какъ мечты мои.
Далеко въ глухой степи широкой
Огонекъ мерцаетъ одинокій...
Въ сердцѣ много грусти и любви.

Но кому и какъ расскажешь ты,
Что зоветъ тебя, чѣмъ сердце полно!
— Путь далекъ, глухая степь безмолвна.
Ночь печальна, какъ мои мечты.

1900.

К О В Ы Л Ь.

Что ми шумить, что ми звенить
давеча рано предъ зорями?

Сл. о Пл. Игор.

I.

Что шумить - звенить передъ зарею?
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?

Холодѣетъ ночь передъ зарею,
Смутно травы шепчутся сухія, —
Сладкій сонъ ихъ нарушаетъ вѣтеръ.
Опускаясь низко надъ полями,
По курганамъ, по могиламъ соннымъ,
Нависаетъ въ темныхъ балкахъ сумракъ.
Блѣдный день надъ сумракомъ забрезжилъ,
И разсвѣтъ ненастный задымился...

Что шумить - звенить передъ зарею?
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?

Холодѣетъ ночь передъ зарею,
Сѣрой мглой подернулись балки...
Или это ратный станъ бѣлѣетъ?
Или снова вѣетъ вольный вѣтеръ
Надъ глубоко спящими полками?
Не ковыль ли, старый и сонливый,
Онъ качаетъ, клонить и качаетъ,
Вежи половецкія колышетъ
И бѣжитъ - звенить старинной былью?

II.

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходитъ вдаль. Кругомъ все степь да степь.
Шумить трава дремотно и лѣниво,
Нѣмыхъ могилъ сторожевая цѣль
Среди хлѣбовъ загадочно сияетъ,
Кричатъ орлы, пустынный вѣтеръ вѣетъ
Въ задумчивыхъ, тоскующихъ поляхъ,
Да тѣнь отъ тучъ кочующихъ темнѣетъ.

А путь бѣжить... Не тотъ ли это шляхъ,
Гдѣ Игоря обозы проходили
На синій Донъ? Не въ этихъ ли мѣстахъ,
Въ глухую ночь, въ яругахъ волки были,
А днемъ орлы на медленныхъ крылахъ
Его въ степи безбрежной провожали
И клектомъ псовъ на кости созырали,
Грозя ему великою бѣдой?
—Гей, отзовись, степной орелъ сѣдой!
Отвѣтъ мнѣ, вѣтеръ буйный и тоскливый!

...Безмолвна степь. Одниъ ковыль сонливый
Шуршитъ, склоняясь ровной чередой...

1894.

КОСТЕРЪ.

Ворохъ листьевъ сухихъ все сильнѣй, веселѣй разго-
рается,

И трещить, и пылаеть костеръ.

Пышетъ пламя въ лицо; теплый дымъ на вѣтру раз-
вѣвается,

Затянулъ весь лѣсной косогоръ.

Лѣсъ гудитъ на горѣ, низко гнутся березы вѣтвистыя,
Межъ стволами качается тѣнь...

Блескомъ, шумомъ листья наполняютъ лѣса золотис-
тые

Этотъ солнечный вѣтренный день.

А въ долину — затишье, свѣтло отъ орѣшника яркаго,
И по свѣтлой долину лѣсной

Тянетъ гармо сухой отъ костра распаленнаго, жар-
каго,

Развѣвается дымъ голубой.

Камни, заросли, рвы. Лучезарнымъ тепломъ очарован-
ный,

Въ полуснѣ я лежу у куста...

Странно желтой листвою озаренъ этотъ доль закол-
дованный,

Эти лѣсы, глухія мѣста!

Вѣтеръ стоны несетъ... Не собаки ль вдали залива-
ются?

Не рога ли тоскуютъ, воютъ?
А вершины шумятъ, а вершины скрипятъ и кача-
ются,

Однотонно шумятъ и скрипятъ...

- 17. IX. 95.

Лѣсъ Жемчужникова.

* * *

Не видно птицъ. Покорно чахнетъ
Лѣсъ, опустѣвшій и больной.
Грибы сѣшли, но крѣпко пахнетъ
Въ оврагахъ сыростью грибной.

Глушь стала ниже и свѣтлѣе,
Въ кустахъ свалялася трава
И, подъ дождемъ осеннимъ тлѣя,
Чернѣетъ темная листва.

И далеко въ лѣсу багряномъ
Кустарникъ виденъ по горѣ
И лугъ, синѣющій туманомъ
На ранней утренней зарѣ.

А въ полѣ вѣтеръ. День холодный
Угрюмъ, но свѣжъ, — и цѣлый день
Скитаюсь я въ степи свободной,
Вдали отъ селъ и деревень.

Тѣснятся тучи небосводомъ,
Синѣетъ рѣзко даль подъ нимъ,
И бодро конь идетъ по всходамъ,
По взметамъ, вязкимъ и сырымъ.

И, убаюканъ шагомъ коннымъ,
Съ отрадной грустью внемлю я,
Какъ вѣтеръ звономъ монотоннымъ
Гудитъ-поетъ въ дуло ружья.

1898.

ВЪ ОТЪЪЗЖЕМЪ ПОЛЪ.

Сумракъ ночи къ западу уходитъ,
Сврой мглой надъ черной пашней бродитъ,
По бурьянамъ стелется къ землѣ...
Звѣзды стали тусклы и далеки,
Небеса — туманны и глубоки,
Но востокъ ужъ виденъ въ полумглѣ.
Лошади продрогли. Свверъ дышитъ
Вѣтромъ ночи и полынь колышетъ...
Вогъ и солнце. — Въ колеяхъ дорогъ
Грязь чернѣетъ, лужи заалѣли...
Томно псы голодные заплѣли...
Встань, труби въ холодный, звонкій рогъ!

Старыхъ предковъ я наслѣдье чую,
Звѣремъ въ полѣ осенью ночую,
На зарѣ добычи жду... Скудна
Жизнь моя, расцвѣтшая въ неволѣ,
И хочу я слѣпо въ дикомъ полѣ
Силу страсти вычерпать до дна!

1900.

* * *

Свѣжѣютъ съ каждымъ днемъ и молодѣютъ со
сны,

Чернѣетъ лѣсъ, синѣетъ мягко даль.—
Сдается наконецъ сырымъ вѣтрамъ февраль,
И потемнѣлъ въ лощинахъ снѣгъ наносный.

На гумнахъ и въ саду по зимнему покою
Царитъ въ затишь дѣдовскихъ строений,
Но что-то тянетъ въ залъ, холодный и пустой,
Гдѣ пахнетъ сыростью весенней.

Сквозь стекла потныя заклеенныхъ дверей
Гляжу я на балконъ, гдѣ снѣгъ еще наваленъ,
И голый, мокрый садъ теперь мнѣ не печаленъ,—
На гнѣзда въ сучьяхъ липъ опять я жду грачей.

Жду, какъ въ тюрьмѣ, давно желанней воли,
Тумановъ мартовскихъ, чернѣющихъ бугровъ,
И свѣта и тепла отъ бѣлыхъ облаковъ,
И первыхъ жаворонковъ въ полѣ!

1892.

* * *

Бушуетъ полая вода,
Шуми́тъ и глухо, и протяжно.
Грачей пролетныя стада
Кричатъ и весело, и важно.

Дымягся черныя бугры,
И утромъ въ воздухъ нагрѣтомъ
Густыя бѣлыя пары
Напоены тепломъ и свѣтомъ.

А въ полдень лужи подъ окномъ
Такъ разливаются и блещутъ,
Что яркимъ солнечнымъ пятномъ
По залу „зайчики“ трепещутъ.

Межъ круглыхъ рыхлыхъ облаковъ
Невинно небо голубѣетъ,
И солнце ласковѣе грѣетъ
Въ затишьѣ гумень и дворовъ.

Весна, весна! И все ей радо.
Какъ въ забытьѣ какомъ стоишь
И слышишь свѣжій запахъ сада
И теплый запахъ талыхъ крышъ.

Кругомъ вода журчитъ, сверкаетъ,
Крикъ пѣтуховъ звучитъ порой,
А вѣтеръ, мягкій и сырой,
Глаза тихонько закрываетъ.

1892.

* * *

Лѣсъ — и ясно лазурное небо глядится
По-весеннему въ свѣтлыя воды рѣки,
На лугахъ заливныхъ тонкій паръ золотится,
И рыбалки блестятъ, и кричатъ кулики.

Лѣсъ зеленый кругомъ, молодой и росистый,
А въ лѣсу тишина, и среди тишины —
Только голосъ кукушки. Вѣщунъ голосистый!
Отзовись, доживу ли до новой весны?

И приду ли опять въ этотъ лѣсъ, напоенный
Ароматомъ весеннемъ и блескомъ лучей.
Буду ль снова считать въ чащѣ темной, зеленой,
Сколько свѣтлыхъ еще мнѣ осталось дней?

Буду ль снова в-нимать тебѣ съ грустью глубокой,
Съ тайной грустью въ душѣ, что проходятъ года,
Что весь мѣръ я люблю, но люблю одиноко,
Одинокій вездѣ и всегда?

1891.

НОВОЛУНІЕ.

Народился мѣсяць молодой.
Робко онъ весенними зарями
Свѣтитъ надъ зеркальною водой,
По садамъ сіяя межъ вѣтвями.

Не угасъ еще вдали закатъ,
И листва сквозитъ узоромъ четкимъ,
А поць ней ужъ серебрится садъ.
Свѣтомъ и таинственнымъ, и кроткимъ.

Тихій прудъ среди кудрявыхъ вербъ
Озарился, блестками играя...
Но настала ночь — и лунный серпъ
Угасаетъ, точно умирая.

Завтра онъ зарею выйдесть вновь
И опять напомнитъ, одинокій,
Мнѣ весну и первую любовь
И твой образъ, милый и далекій...

1900.

СОЛОВЬИ.

То разрастаясь, то слабѣя,
Громъ за усадьбой грохоталъ,
Шумѣла тополей аллея,
На стекла сумракъ набѣгалъ.
Все ниже тучи наплывали;
Все ощутительнѣй, свѣжѣй
Порывы вѣтра обвѣвали
Дождемъ и запахомъ полей.
Въ поляхъ хлѣба къ межамъ клонились...
А изъ лощинъ и изъ садовъ —
Отвсюду съ вѣтромъ доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.

Но вотъ по тополямъ и кленамъ
Холодный вихоръ пролетѣлъ...
Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,
Окно захлопнулось со звономъ,
Блеснула молнія огнемъ...
И вдругъ надъ самой крышей дома
Раздался трескъ короткй грома
И тяжкй грохотъ... Все кругомъ
Затихло сразу и глубоко,
Садъ потемнѣвшй присмирѣлъ, —
И благодатно и широко
Весеннй ливень зашумѣлъ.
На межи низко наклонились
Хлѣба въ поляхъ... А изъ садовъ
Все такъ же звучно доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.

Когда же, медленно слабѣя,
Дождь отшумѣлъ и замеръ громъ,
Ночь переполнила аллею
Благоуханьемъ и тепломъ.
Парь, неподвижный и пахучій,
Стоялъ въ хлѣбахъ. Свала земля.
Заря чуть теплилась подъ тучей
Полоской алаго огня.
А изъ лощинъ, гдѣ распускались
Во тьмѣ цвѣты, и изъ садовъ
Лились и въ чащахъ отдавались
Все ярче пѣсни соловьевъ.

1892.

* * *

Когда деревья въ свѣтлый майскій день
Дорожки осыпаютъ бѣлымъ цвѣтомъ,
И вѣтерокъ въ аллеѣ, полной свѣтомъ,
Струитъ листвы узорчатую тѣнь,
Я свой привѣтъ изъ тихихъ деревень
Шлю дѣвушкамъ и юношамъ-поэтамъ:
Пусть встрѣтитъ жизнь ихъ ласковымъ привѣ-
томъ,
Пусть будетъ свѣтелъ ихъ весенній день,
Пусть ихъ мечты развѣетъ бѣлымъ цвѣтомъ!

1900.

* * *

Лѣсъ шумить неенятымъ, ровнымъ шумомъ...
Лепеть листьевъ клонитъ въ сонъ и лѣнь...
Пѣтухи въ далекой бараулкѣ
Распѣваютъ про весенній день.

Лѣсъ шумить невнятымъ сладкимъ шумомъ...
Хорошо и беззаботно мнѣ
На травѣ, среди березъ зеленыхъ,
Въ тихой и безвѣстной сторонѣ!

Тянетъ вѣтеръ теплый, благовоный,
Лѣсъ шумить, дрожитъ узоръ тѣней...
Убѣгаетъ свѣтлый лепеть листьевъ,
Тихій лепеть свѣтлыхъ дѣтскихъ дней...

1900.

* * *

Крупный дождь въ лѣсу зеленомъ
Прошумѣлъ по стройнымъ кленамъ,
По лѣснымъ цвѣтамъ ..
Слышишь?— Звонко пѣсня льется,
Беззаботный раздается
Голосъ по лѣсамъ.

Крупный дождь въ лѣсу зеленомъ
Прошумѣлъ по стройнымъ кленамъ,
Глубь небесъ ясна...
Въ каждомъ сердцѣ возникаетъ, —
И томитъ, и увлекаетъ
Образъ твой, Весна!

О, надежды золотыя!
Рощи темныя, густыя
Обманули васъ...
Голосъ нѣжный и призывный!
Прозвучалъ ты пѣсней дивной —
И въ дали угасъ!

1893.

* * *

Какъ дымкой даль полей закрывъ на полчаса,
Прошелъ ввезанный дождь косыми полосами —
И снова глубоко синѣютъ небеса
Надъ освѣженными лѣсами.

Тепло и влажный блескъ. Запахли медомъ ржи.
На солнцѣ бархатномъ пшеницы отливаютъ,
И въ зазвѣнѣ вѣтвей, въ березахъ у межи,
Безпечно иволги болтаютъ.

И веселье звучный лѣсъ, и вѣтеръ межъ березъ.
Ужъ вѣетъ ласково, а бѣлыя березы
Роняютъ тихій дождь своихъ алмазныхъ слезъ
И улыбаются сквозь слезы.

1889.

* * *

Еще утро не скоро, не скоро,
Ночь изъ тихихъ лѣсовъ не ушла.
Подъ навѣсами соннаго бора —
Предразсвѣтная теплая мгла.

Еще раннія птицы не пѣли,
Чуть сѣрѣютъ вверху небеса,
Влажно-зелены темныя ели,
Пахнетъ лѣтнею хвоей роса.

И пускай не свѣтаетъ подольше.
Этотъ медленный путь по лѣсамъ,
Эта ночь—не воротится больше,
Но легко предъ разлукою намъ...

Колокольчикъ въ молчаніи бора
То замретъ, то опять запоетъ...
Тихо ночь по долинамъ идетъ...
Еще утро не скоро, не скоро.

* * *

Въ темнѣхъ щихъ поляхъ, какъ въ безграничномъ морѣ,
Померкъ и потонулъ зари печальный свѣтъ —
И мягко мракъ ночной шиветъ въ степномъ просторѣ
Нѣмой зарѣ во слѣдъ.

Изъ зрѣющихъ хлѣбовъ, какъ теплсе дыханье,
Порою вѣтерокъ касается чела.
Но спятъ уже хлѣба. Царить кругомъ молчанье,
Молчатъ перепела.

Лишь суслики во ржи скликаются свистками,
Иль по межѣ тушканъ, таинственно, какъ духъ,
Несется быстрыми, неслышными прыжками
И пропадаетъ вдругъ...

1897.

* * *

Серпъ луны подъ тучкой длинной
Льетъ полночный слабый свѣтъ.
Надъ безмолвною долиной —
Темной церкви слуэть.

Серпъ луны за тучкой таетъ, —
Прошывая, гаснетъ онъ.
Съ колокольни долетаетъ,
Замирая, сонный звонъ.

Серпъ луны въ просвѣты тучи
Съ грустью тихою глядитъ,
Подъ вѣтвями ивъ плакучихъ
Тускло воду золотитъ.

И въ рѣкѣ, среди глубокой
Предразсвѣтной тишины
Замираетъ одинокии
Золотой двойникъ луны.

1887.

ПО ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЬ.

Засинѣли, темнѣютъ равнины...
Далеко, далеко въ тишинѣ
Колокольчикъ поетъ, замирая...
Мнѣ груствѣй и больнѣе вдвойнѣ.

Вотъ ужъ звукъ его плачетъ чуть слышно ;
Вотъ и пыль надъ просторомъ нѣмымъ,
По широкой пустынной дорогѣ,
Опускаясь, темнѣетъ, какъ дымъ...

Но душа еще ждетъ и тоскуетъ...
О, зачѣмъ ты и ночью и днемъ
Вспоминаешься мнѣ такъ призывно ?
Отчего ты вездѣ и во всемъ ?

Вслѣдъ зарѣ, уходящей къ закату,
Умирающимъ звукамъ вослѣдъ
Посылаю тебѣ мою душу,—
Мой печальный и нѣжный привѣтъ !

1900.

* * *

Нынче ночью кто-то долго пѣлъ.
Далеко скитаясь въ темномъ полѣ,
Голосъ грустный удалю звенѣлъ,
Пѣлъ о прошломъ счастьѣ и о волѣ.

Я открылъ окно и сѣлъ на немъ.
Ты спала... Я долго слушалъ жадно...
Съ поля пахло рожью и дождемъ,
Ночь была душиста и прохладна.

Что въ душѣ тотъ голосъ пробудилъ,
Я не знаю... Но душа грустила,
И тебя такъ нѣжно я любилъ,
Какъ меня когда-то ты любила.

1899.

* * *

Неуловимый свѣтъ разлился надъ землею,
Надъ кровлями безмолвнаго села.
Отчетливѣй кричатъ передъ зарею
Далеко на степи перепела.

Нѣтъ ни души кругомъ — ни звука, ни тревоги...
Спать безмятежнымъ сномъ зеленые овсы...
Нахоясь, кобчикъ спитъ на кочкѣ у дороги,
Покрытый пылью матовой росы...

Но ужъ свѣтлѣетъ даль... Зелено-серебристый,
Неуловимый свѣтъ восходитъ надъ землей,
И бѣлый паръ луговъ, холодный и душистый,
Какъ ошамъ, плыветъ передъ зарей.

1894.

Еще отъ дома на дворѣ
Синѣютъ утреннія тѣни.
И подѣ навѣсами строеній
Трава въ холодномъ серебрѣ;
Но ужъ сіяетъ яркій зной,
Давно топоръ стучитъ въ сараѣ,
И голубей пугливыхъ стаи
Сѣркаютъ снѣжной бѣлизной.

Съ зари кукушка за рѣкою
Кукуетъ звучно вдалекѣ,
И въ молодомъ березнякѣ
Грибами пахнетъ и листвою.
На солнцѣ свѣтлая рѣка
Трепещетъ радостно, смѣется,
И гулко въ роцѣ отдается
Надъ нею ладный стукъ валька.

А за деревнею, гдѣ межи
Въ поля привольныя бѣгутъ,
Гдѣ хуторки бѣлѣютъ рѣже,—
Ржи наливаютъ и цвѣтутъ,
Въ лазури жаворонки рѣютъ,
Поютъ про степь наперебой,
И, какъ миражъ, курганы мрѣютъ
Въ дали воздушно-голубой.

1892.

РОДНИКЪ.

Въ глуши лѣсной, въ глуши зеленой,
Всегда тѣнистый и сырой,
Въ крутомъ оврагѣ подъ горой
Бьетъ изъ камней родникъ студеный :

Кипить, играетъ и свѣшитъ,
Крутятся хрустальными клубами,
И подъ вѣтвистыми дубами
Стекломъ расплавленнымъ бѣжитъ.

А небеса и лѣсъ нагорный
Глядятъ, задумавшись въ тиши,
Какъ въ свѣтлой влагѣ голыши
Дрожатъ мозаикой узорной.

1900.

СУМЕРКИ.

Все---точно въ полуснѣ. Надъ свою водой
Сползаетъ съ горъ туманъ, холодной и густой,
Подъ нимъ гудитъ прибой, зловѣще разрастаясь,
А темныхъ голыхъ скалъ прибрежная стѣна,
Въ дымящійся туманъ погружена,
Лѣниво курится во мглѣ небесъ теряясь.

Суровъ и дикъ ея могучій видъ!
Подъ шумъ и гулъ морской, она въ дыму стоитъ,
Какъ неугасшій жертвенникъ титановъ,
И Ночь, спускаясь съ горъ, вступаетъ точно въ храмъ,
Гдѣ мрачный хоръ поетъ въ сѣдыхъ клубахъ тумановъ
Торжественный хоралъ невѣдомымъ богамъ.

1900.

* * *

На мертвый якорь кинули баканъ,
И вотъ среди кипящаго залива,
Онъ прыгаетъ и мечется тоскливо,
И звонъ его несется сквозь туманъ

Осенній мракъ сгущается вдали,
Подходитъ ночь,—и по волнамъ тяжелымъ
Ныряютъ и качаются за моломъ
Рыбацкіе пустые корабли.

И мачты ихъ средь темной высоты
Чертятъ туманъ все шире и быстрее,
И плаваютъ среди тумана реи,
Какъ черные могильные кресты.

1900.

* * *

Къ побережью моря длинная аллея
Ведетъ вдали какъ будто въ небосклонъ:
Тамъ море подымается, синѣя
Межъ позабытыхъ мраморныхъ колоннъ.

Тамъ на прибой идутъ ступени стройно
И львы лежатъ, какъ сфинксы, надъ горой;
Далеко въ море важно и спокойно
Они глядятъ вечернею порой. —

А на скамьѣ межъ ними одиноко
Сидитъ она... Нѣтъ имени для ней,
Но знаю я, что нѣжно и глубоко
Она съ душой сроднилася моей.

Я ль не любилъ? Я ль не искалъ мятежно
Любви и счастья юность раздѣлить
Съ душою женской, чистою и нѣжной.
И жизнь мою въ другую перелить?

Но та любовь, что душу посѣщала,
Оставила въ душѣ печальный слѣдъ,—
Она звала, она меня прельщала
Той радостью, которой въ жизни нѣтъ.

И отъ нея я взялъ воспоминанья
Лишь лучшихъ дней и ужъ не ту люблю,
Кого любилъ... Люблю мечты созданья
И снова о несбыточномъ скорблю.

Вечерняя безмолвная аллея
Зоветъ меня къ скалистымъ берегамъ,
Гдѣ море подымается, синѣя,
Къ пустыннымъ и далекимъ небесамъ.

И горько я и сладостно тоскую,
И грезится мнѣ свѣтлая мечта,
Что воскреситъ мнѣ радость неземную
Печальная земная красота.

1900.

* * *

Ту звѣзду, что качалася въ темной водѣ
Подъ кривою ракетой въ заглушемъ саду, —
Огонекъ, до разсвѣта мерцавшій въ прудѣ,
Я теперь въ небесахъ никогда не найду.

Въ то селенье, гдѣ шли молодые года,
Въ старый домъ, гдѣ я первыя пѣсни слагалъ,
Гдѣ я счастья и радости въ юности ждалъ,
Я теперь не вернусь никогда, никогда!

1900.

Изъ книги

„НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ“.

НОЧЬ И ДЕНЬ.

Старую книгу читаю я въ долгія ночи
При одинокомъ и тихо дрожащемъ огнѣ:
„Все мимолетно,—и скорби, и радость, и пѣсни,
Вѣчень лишь Богъ. Онъ въ ночной неземной тишинѣ“.

Ясное небо я вижу въ окно на разсвѣтѣ.
Солнце восходитъ, и горы къ лазури зовутъ:
„Старую книгу оставь на столѣ до заката.
Птицы о радости вѣчнаго Бога поютъ.“

1901.

РУЧЕЙ.

Ручей соеди сухихъ песковъ...
Куда съйти и убѣгаетъ?
Зачѣмъ межъ скудныхъ береговъ
Такъ стойко путь свой пролагаетъ?

Отъ зноя блѣдень небосклонъ,
Ни облачка въ лазури жаркой;
Весь миръ какъ будто заключенъ
Въ песчаный кругъ въ пустынь яркой.

А онъ, прозраченъ, говорливъ,
Онъ словно знаетъ, что съ востока
Придетъ онъ къ морю, гдѣ заливъ
Предъ нимъ раскроетъ даль широко—

И приметъ свѣтлую струю,
Подъ вольной ширью небосклона,
Въ безбрежность синюю свою,
Въ все торжественное лоно.

1901.

ВЪ АЛЬПАХЪ.

На высотѣ, на снѣговой вершинѣ,
Я вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сонетъ.
Проходятъ дни. Быть-можетъ, и донынѣ
Снѣга хранятъ мой одинокій слѣдъ.

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Гдѣ радостно сияетъ зимній свѣтъ,
Глядѣло только солнце, какъ стилетъ
Чертилоу мой стихъ на изумрудной льдинѣ.

И весело мнѣ думать, что поэтъ
Меня пойметъ. Пусть никогда въ долинѣ
Его толпы не радуется привѣтъ!

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ
Лишь для того, кто на вершинѣ.

1901.

ОТТЕПЕЛЬ.

Еще и холодень и сыръ
Февральскій воздухъ, но надъ садомъ
Ужъ смотритъ небо яснымъ взглядомъ,
И молодѣетъ Божій міръ.

Прозрачно-блѣдный, какъ весной,
Слезится снѣгъ недавней стужи
А съ неба на кусты и лужи
Ложится отблескъ голубой.

Не налюбуюсь, какъ сквозятъ
Деревья въ лонѣ небосклона,
И сладко слушаю у балкона,
Какъ снѣгири въ кустахъ звенятъ.

Нѣтъ, не пейзажъ влечетъ меня,
Не краски жадный взоръ подмѣтитъ,
А то, что въ этихъ краскахъ свѣтитъ:
Любовь и радость бытія.

Она повсюду разлита,—
Въ лазури неба, въ птичьемъ пѣньи,
Въ снѣгахъ и вешнемъ дуновеньи,—
Она вездѣ, гдѣ красота.

И, упиваясь красотой,
Лишь въ ней дыша полнѣй и шире,
Я знаю,—все живое въ мірѣ
Живетъ въ одной любви со мной.

ОБЛАКО.

Высоко въ просторѣ неба,
Все сіяя бѣлизною,
Вышло облачко на полдень
Надъ равниной водяною.

Изъ болотъ оно возстало,
Изъ холоднаго тумана—
И замлѣло, засіяло
Въ синей стали океана...

— Не затѣмъ ли ты возникло,
Чтобы въ вѣчномъ отразиться?
Не затѣмъ ли въ высь стремилось,
Чтобъ подъ солнцемъ раствориться?

Вышло облачко высоко,
Стало тонкое, сквозное,
Улыбнулось одиноко—
И угасло въ яркомъ зноѣ

1901.

РАКЕТА.

Быль поздній часъ--и вдругъ надъ темнотою,
Высоко надъ уснувшюю землею,
Прорѣзавъ ночь оранжевой чертой,
Взвилась ракета бѣшеной змѣею.

Стремительно порывъ ее вознесъ...
Но мигъ одинъ--и въ темное забьенье
Уже текутъ алмазы крупныхъ слезъ,
И медленно ихъ тихое паденье.

1901.

ПОДСНѢЖНИКИ.

Раскрылось небо голубое
Межъ облаковъ въ апрѣльскій день.
Въ лѣсу все сѣрое, сухое,
И паутиной пала тѣни.

Зато все ярче и нѣжнѣе
Живая небѣ бирюза,
И смотрять, весело синѣя,
Въ кустахъ подснѣжниковъ глаза.

Заѣя, шурша листвою дубовой,
Зашевелилася въ дуплѣ
И въ лѣсъ пошла, блестя лиловой,
Пятнистой кожей по землѣ.

И нѣжный вѣтеръ, подымая
Весенній шумъ своимъ крыломъ,
Пахнулъ широкой ласкою мая
И мягкимъ солнечнымъ тепломъ.

Сухіе листья, запахъ пряный,
Атласный блескъ березняка...
О мигъ счастливый, мигъ обманный!
Стократъ блаженная тоска!

1901.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Затрепетали звѣзды въ небѣ,
И отъ зари, изъ-за аллей,
Повѣялъ чистый, легкій вѣтеръ
Весенней свѣжестью полей.

Къ закату, точно окрыленный,
Спѣшу за нимъ, и жадно грудь
Его вечерней ласки ищетъ
И счастья въ жизни потонуть.

Всѣхъ, для кого берегъ я юность,
Кого любилъ, опять люблю
И въ тепломъ вѣтрѣ, въ звѣздномъ небѣ
Вновь ласки женскія ловлю.

Не вѣрю, что умру, усгану,
Что навсегда въ землѣ усну, —
Нѣтъ, — упоенный счастьемъ жизни,
Я лишь до солнца отдохну,

И снова день меня разбудить,
И снова, — чѣмъ бы ни былъ я, —
Я буду жить и сладко плакать
И славить радость бытія!

1901.

ЖЕМЧУГЪ,

Милъ мнѣ жемчугъ нѣжный, чистый даръ морей!
Въ лонѣ океана, въ раковинѣ тѣсной,
Росъ онъ одиноко, какъ цвѣтокъ безвѣстный,
На обломкахъ мшистыхъ мертвыхъ кораблей.

Бурею веселней выброшенъ со дна,
Онъ лежалъ въ прибоѣ на побережьи дикомъ,
Гдѣ носились чайки надъ водою съ крикомъ,
Гдѣ его качала шумная волна...

Милъ мнѣ жемчугъ нѣжный на груди твоей!
Сладко уживаясь юной красотой,
Въ свѣтломъ Божьемъ мѣрѣ я брожу мечтою,—
Въ небѣ, въ блескѣ солнца, въ тишинѣ морей,

Съ перлами морскими подъ водой цвѣту.
Разсыпаюсь въ рифахъ влагой голубою—
И одно есть счастье: раздѣлить съ тобою
Эту радость жизни, эту красоту!

1901.

СЪ КУРГАНА.

Дымится поле, разсвѣтъ бѣлѣтъ,
Въ степи туманной кричатъ орлы.
И дико-звонокъ ихъ плачь голодный
Среди холодной плывучей мглы.

Въ росѣ ихъ крылья, въ росѣ бурьяны,
Благоухаютъ поля со сна...
Зарею сладокъ твой бодрый холодъ
Твой томный голодъ,—твой зовъ, весна!

Ты побѣдила,—вся степь дымится,
Надъ степью властно кричатъ орлы,
И тучи жаркимъ горятъ пожаромъ,
И солнце шаромъ встаетъ изъ мглы!

1901.

* * *

Гроза прошла надъ лѣсомъ стороною.
Былъ теплый дождь, въ травѣ стоитъ вода...
Иду одинъ тропишкою лѣсною,
И въ сивевѣ вечерней надо мною
Слезою свѣтлой искрится звѣзда.

Иду—и вспоминается мерцанье
Мнѣ звѣздъ еныхъ... глубокой мракъ рѣсницъ,
И ночь, и тужи жаркое дыханье,
И молодой грозы благоуханье,
И трепеть замирающихъ зарницъ...

Все пронеслось, какъ бурный вихрь весною,
И все въ душѣ я сохраню, любя...
Слезою свѣтлой блещетъ надо мною
Звѣзда весны надъ чащей кружебною...
Какъ я люблю тебя!

1901.

ВЪ СТАРОМЪ ГОРОДѢ.

Съ темной башни колоколь уныло
Возвѣщаетъ, что закатъ угасъ.
Вотъ и снова городъ ночь скрыла
Въ мягкій сумракъ отъ усталыхъ глазъ.

И нисходитъ кроткій часъ покоя
На дѣла людскія. Въ вышинѣ'
Грустно свѣтятъ звѣзды. Все земное
Смерть, какъ стражъ, обходитъ въ тишинѣ.

Улицей бредетъ она пустынной,
Смотритъ въ окна, гдѣ чернѣетъ тьма...
Всюду глухо. Съ важностью старинной
Въ переулкахъ высятся дома.

Тамъ въ садахъ платаны зацвѣтаютъ,
Нѣжно вѣетъ раннею весной,
А на окнахъ дѣвушки мечтаютъ,
Упиваясь свѣжестью ночной,

И въ молчаньи только имъ не страшенъ
Близкой смерти медленный дозоръ,
Сонный городъ, думы черныхъ башенъ
И часовъ задумчивый укоръ.

1901.

* * *

Отошли закаты на дажекій сѣверъ,
Но всю ночь хранится солнца алый слѣдъ.
Тихо въ темномъ полѣ, сладко пахнетъ клеверъ,
Надъ землею брезжить слабый полусвѣтъ.

Это — ночи робкихъ молодыхъ мечтаній,
Предразсвѣтный сумракъ въ чуткомъ полуснѣ.
Это — ночи грусти и воспоминаній,
Думы на закатѣ о былой веснѣ.

1901.

* * *

Облака, какъ призраки развалинъ,
Встали на зарѣ изъ-за долинъ.
Теплый вечеръ темень и печалью,
Въ темномъ домѣ я совсѣмъ одинъ.

Слабымъ звономъ люстра отвѣчаетъ
На шаги по комнатѣ пустой...
А вдали заря зарю встрѣчаетъ,
Ночь зоветъ безсмертной красою.

Покоряясь смѣнѣ, одиноко
Мы уходимъ... Скоро догоритъ
Нашъ закатъ... Но день ужъ недалеко, —
Онъ другихъ улыбкой озаритъ.

Кто сумѣетъ въ эту ночь ствѣтить,
Для чего лелеялъ я мечты?
Не затѣмъ ли, чтобъ покорно встрѣтить
Эту смѣну вѣчной красоты?

1901.

ЭЛЕГІЯ.

Стояли ночи сѣвернаго мая,
И рѣялъ въ домѣ блѣдный полусвѣтъ.
Я легъ уснуть, но, тишинѣ внимая,
Все вспоминалъ о грезахъ прежнихъ лѣтъ.

Я вновь грустилъ, какъ въ юности далекой,
И слышалъ я, какъ ты вошла въ мой домъ, —
Неуловимый призракъ, одинокій
Въ старинномъ залѣ, низкомъ и пустомъ.

Я различалъ за шелестомъ одежды
Твои шаги въ глубокой тишинѣ —
И сладкія забытыя надежды,
Мгновенныя стѣснили сердце мнѣ.

Я уловилъ изъ оконъ свѣжесть мая,
Глядѣлъ во тьму съ тревогой прежнихъ лѣтъ...
И призракъ твой и тишина нѣмая
Сливались въ грустный, блѣдный полусвѣтъ.

1901.

СЧАСТЬЕ.

* Весенняго ливня мы ждемъ...
Ужъ тучки синѣютъ сердито
И въ воздухъ пахнетъ дождемъ,
А къ югу все небо раскрыто...
Какъ чисто и весело въ немъ!

Нѣтъ солнца, но свѣтлы пруды,
Стоять зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсѣмъ бы казались пустыми,
Но въ нихъ отразились сады.

Вдругъ капля, какъ шляпка гвоздя,
Упала—и, сотнями иголь
Затоны прудовъ бороздя,
Сверкающій ливень запрыгаль —
И садъ зашумѣлъ отъ дождя.

И вѣтеръ, играя листвою,
Смѣшалъ молодыя березки,
И солнечный лучъ, какъ живой,
Зажегъ задрожавшія блески,
А лужи налилъ синевою.

Вонъ радуга... Весело жить
И весело думать о небѣ,
О солнцѣ, о зрѣющемъ хлѣбѣ
И счастьемъ простымъ дорожить:

Съ открытой бродить головой,
Глядѣть, какъ разсыпали дѣти
Въ бесѣдкѣ песокъ золотой...
Иного нѣтъ счастья на свѣтѣ!

1901.

НА МОНАСТЫРСКОМЪ КЛАДБИЩѢ.

Ударилъ колоколъ—и дрогнулъ сонъ гробницъ,
И голубей испуганная стая
Вдругъ поднялась съ карнизовъ и бойницъ
И закружилась, крыльями блистая,
Надъ мшистою стѣной монастыря...

О, ранній благовѣсть и майская заря!
Какъ этотъ звонъ, могучій и тяжелый,
Сливается съ открытой и веселой
Равниной зеленѣющихъ полей!
Ударилъ колоколъ — и стала ночь свѣтлѣй,
И позабыты старыя гробницы
И кельи тѣсныя, и страхи темноты, —
Душа, затрепетавъ, какъ крылья вольной птицы,
Коснулась солнечной, поющей высоты!

1901.

Зеленый цвѣтъ морской воды
Сквозитъ въ стеклянномъ небосклонѣ;
Алмазъ предугренией звѣзды
Блеститъ въ его прозрачномъ лонѣ.

И, какъ ребенокъ послѣ сна,
Дрожитъ звѣзда въ огнѣ денницы,
А вѣтеръ дуетъ ей въ рѣсницы,
Чтобъ не закрыла ихъ она.

1901.

НОЧЬ.

Ищу я въ этомъ мірѣ сочетанья
Прекраснаго и вѣчнаго. Вдали
Я вижу ночь: пески среди молчанья
И звѣздный свѣтъ надъ сумракомъ земли.

Какъ писмена, мерцаютъ въ тверди синей
Плеяды, Вега, Марсъ и Ориѣнъ.
Люблю я ихъ теченье надъ пустыней
И тайный смыслъ ихъ царственныхъ именъ!

Какъ нынѣ я, mirьяды глазъ слѣдили
Ихъ древній путь. И въ глубинѣ вѣковъ
Всѣ, для кого онѣ во тѣмѣ свѣтили,
Исчезли въ ней, какъ слѣдъ среди песковъ:

Ихъ было много, нѣжныхъ и любившихъ,
И дѣвушекъ, и юношей, и женъ,
Ночей и звѣздъ, прозрачно-серебрившихъ
Евфратъ и Ниль, Мемфисъ и Вавилонъ!

Вотъ снова ночь. Надъ блѣдной сталью Понта
Юпитеръ озаряетъ небеса,
И въ зеркалѣ воды, до горизонта,
Столбомъ стекляннымъ свѣтитъ полоса.

Прибрежья, гдѣ бродили тавро-скиѣы,
Уже не тѣ,—лишь море въ лѣтній штиль
Все такъ же сыплеть ласково на рифы
Лазурно-фосфорическую пыль.

Но есть одно, что вѣчной красотою
Связуетъ насъ съ отжившими. Была
Такая жь ночь— и къ тихому прибою
Со мной на берегъ дѣвушка пришла.

И не забыть мнѣ этой ночи звѣздной
Когда весь міръ любилъ я для одной
Пусть я живу мечтою бесполезной,
Туманной и обманчивой мечтой,—

Ищу я въ этомъ мірѣ сочетанья
Прекраснаго и тайнаго, какъ сонъ.
Люблю ее за счастье сліянья

Въ одной любви съ любовью всѣхъ вѣременъ
1901.

ЗАРНИЦА.

Зарницы ликъ, какъ сновидѣнье.
Блеснулъ—и въ темнотѣ исчезъ.
Но увидалъ я на мгновенье
Всю даль и глубину небесъ.

Тамъ въ горнемъ свѣтѣ встали горы
Изъ розоватыхъ облаковъ,
Тамъ градъ и райскіе соборы...
И снова черный палъ покровъ.

Вотъ задрожалъ и вспыхнулъ снова—
И снова блещущій восторгъ,
И мракъ томленія земного
Господь десницею расторгъ...

Не такъ же ль въ радости случайной
Мечта взмахнетъ порой крыломъ—
И вдругъ блеснетъ небесной тайной
Все потонувшее въ быломъ?

1901.

* * *

Спокойный взоръ, подобный взору лани,
И все, что въ немъ такъ нѣжно я любилъ,
Я до сихъ поръ въ печали не забылъ,
Но образъ твой теперь уже въ туманѣ.

А будутъ дни—угаснетъ и печаль,
И засинѣетъ сонъ воспоминанья,
Гдѣ нѣтъ уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль.

1901.

ЗАКАТЪ .

За все Тебя, Господь, благодарю!
Ты, послѣ дня тревоги и печали,
Даруешь мнѣ вечернюю зарю,
Просторъ полей и кротость синей дали.

Я одинокъ и нынѣ—какъ всегда.
Но вотъ закатъ разлилъ свой пышный пла-
мень,
И таетъ въ немъ Вечерняя Звѣзда,
Дрожа насквозь, какъ самоцвѣтный камень.

И счастливъ я печальною судьбой
И есть отрада сладкая въ сознаньи,
Что я одинъ въ безмолвномъ созерцаньи,
Что всѣмъ я чуждъ и говорю—съ Тобой
1901.

ВЕСНЯНКА.

(Отрывокъ)

Предъ грозой, въ Петровки, жаркой ночью,
Среди лѣсного ропота и шума,
Спѣшилъ я, спотыкаясь на коряги
И путаясь межъ елокъ за Веснянкой.
Она неслась стрѣлой среди деревьевъ
И, бѣлая, мелькала въ темнотѣ,
Когда зарницу вѣтромъ раздувало,
А у меня ужъ запеклись уста
И сердце трепетало точно голубь.
„Постой!“ — хотѣлъ я крикнуть — и не могъ.

Мы долго съ ней бѣжали по болоту,
Вдоль озера, вдоль отмели, заросшей
Купавами, травой и камышами,
И наконецъ я выбился изъ силъ.
Хочу сказать: „Остановись, не бойся!“ —
Она на мигъ оглянется — и въ путь!
А между тѣмъ поднялся вѣтеръ,
Деревья недовольно зароптали,
Задвигали мохнатой хвоей ели,
И звѣзды замелькали изъ за нихъ.
Кричу за ней: Остановись, послушай!
Я все равно до свѣта не отстану,
Ты понапрасну мучишься“... Не слышитъ!

Вдругъ молнія всю чащу озарила
Таинственнымъ и блѣдно-синимъ свѣтомъ...
„Стой! — крикнулъ я. — Лишь слово! Я не трону...“

(Она остановилась на мгновение)
„Отвѣтъ, — вскричалъ я, — кто ты? И зачѣмъ
Ты здѣсь со мной встрѣчалась вечерами,
Ждала меня надъ заводью темнѣвшей,
Гдѣ сумрачно и тускло рдѣли воды?
Зачѣмъ со мной ты слушала, грустя,
Далекихъ пѣсенъ радость молодую?
Зачѣмъ потомъ, когда онѣ смолкали
И только комары зренѣли сонно
Да нѣжно пахло сонною водой,
Ты разбирала ласково мнѣ кудри,
А я глядѣлъ съ твоихъ колѣнъ въ глаза?
Зачѣмъ во тьмѣ, когда изъ тихой рощи
Гремѣли соловьи, ты наклонялась
Къ моей щекѣ горячею щекой
И цѣловала сладко, осторожно,
А послѣ все томительнѣй и крѣпче?
Скажи, зачѣмъ?..“ Она лицо руками
Закрыла вдругъ и кинулась впередъ.

И долго мы, какъ звѣри за добычей,
Опять бѣжали въ рощѣ. Шумный ливень
По темнымъ чащамъ съ громомъ бушевалъ,
Даль раскрывали молніи, и ярко
Бѣлѣло платье дѣвичье... Но вдругъ
Оно исчезло, точно провалилось.
Я выскочилъ съ разбѣга на опушку,
Упалъ въ овесъ, запутанный и мокрый,
И зарыдалъ, забился...

1901.

Не слышать еще тяжкаго грома за лѣсомъ, —
Только отблескъ зарницъ пробѣгаетъ въ вершинахъ...
Листы елей висятъ неподвижнымъ навѣсомъ,
И запуталась хвоя въ сухихъ паутинахъ...

Если жь молнія вспыхнетъ, какъ пламя надъ горномъ,
Раскрываются чащи въ изломахъ невѣрныхъ,
Точно древніе своды во храмахъ пещерныхъ,
Въ подземельѣ Перуна, высокомъ и черномъ.

1901.

КУРГАНЪ.

Любилъ онъ ночи темныя въ шатръ,
Степныхъ кобылъ заличатое ржанье,
И передъ битвой волчье завыванье,
И коршуновъ на сумрачномъ бугрѣ.

Страсть буйной мощи силясь утѣлить,
Онъ за врагомъ скакалъ какъ изступленный,
Чтобъ дерзостью погони опьяненной,
Горячей кровью землю напоить.

Стрѣлою сквозъ насквозь его пробилъ,
И тамъ, гдѣ смерть ему закрыла очи,
Возсталъ курганъ — и темный вѣтеръ ночи
Дождемъ холодныхъ слезъ его кропилъ.

Прошли вѣка, но слава древней были
Жила въ вѣкахъ... Нѣтъ смерти для того,
Кто любить жизнь, и пѣсни сохранили
Далексе наслѣдіе его.

Онѣ поютъ печаль воспоминаній,
Онѣ безсмертье прошлаго поютъ
И жизни, отошедшей въ міръ преданій,
Свой братскій зовъ и голосъ подають.

1901.

СОНЪ - ЦВѢТОКЪ.

Это было глухое, тяжелое время.

Дни въ разлукѣ текли, я, какъ мертвый, блуждалъ;

И коня на закатѣ сѣдлалъ

И въ безлюдномъ дворѣ ставилъ ногу на стремя.

На горѣ меня темное поле встрѣчало.

Въ темноту, на востокъ, направлялъ я коня —

И пустынная ночь окружала меня

И, склонивши голову, молчала.

Замыкалось кольцомъ море спѣлаго хлѣба.

Жизни не было въ немъ. Ужъ давно оцѣбли

Тѣ цвѣты, что въ поляхъ хорошоды вели

И смотрѣли въ далекое, ясное небо.

И, молча зно внемля, я тихо склонялся

Головой на луку. Я безъ мысли глядѣлъ

На дорожную пыль и душой холодѣлъ,

И въ холодной тѣснѣ забывался.

Позднимъ лѣтомъ въ степи, на казацкихъ могилахъ

„Сонъ - цвѣтокъ“ въ полуснѣ одиноко цвѣтеть:

Онъ живой, но сухой. Онъ угаснуть не въ силахъ,

Но весна для него не придетъ.

1901.

* * *

Свѣтло, какъ днемъ, и тѣнь за нами бродитъ
Въ нагихъ кустахъ. На серебрѣ травы
Луна съ небесъ таинственно обводитъ
Сіяніе вокругъ темной головы.

Луна взошла надъ садомъ такъ высоко,
Что рѣдкій садъ весь виденъ до воровъ.
И все молчитъ. И вѣтъ издалика
Съ пустого поля сыростью болотъ.

Остановясь, ловлю твой взоръ прощальный,
Но въ сердце холодъ мергвенный таю —
И блѣдный ликъ, загадочно-печальный,
Подъ блѣдною луной не узнаю.

1901

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Въ окно я вижу груды облаковъ,
Холодныхъ, бѣлоснѣжныхъ, какъ зимою,
И яркость неба влажно - голубого.
Осенній полдень свѣтелъ, и на сѣверъ
Уходятъ тучи. Клены золотые
И бѣлая березки у балкова
Сквозятъ на небѣ рѣдкою листвою,
И хрусталемъ на нихъ сверкаютъ льдинки.
Орѣ, качаясь, таютъ, а за домомъ
Бушуетъ вѣтеръ... Двери на балконѣ
Уже давно заклеены къ зимѣ,
Двойныя рамы, топленныя печи —
Все охраняетъ ветхій домъ отъ стужи,
А по саду пустому кружить вѣтеръ
И, листья подметаая по аллеямъ,
Гудитъ въ березахъ старыхъ... Свѣтелъ день,
Но холодно, — до снѣга не далеко.

Въ концѣ аллеи есть старая калитка.
Подъ нею лужа зеркаломъ чернѣетъ,
А въ лужѣ — куча листьевъ. За калиткой
Зеленыхъ всходовъ лоснится равнина
И даль полей открыта .. Много дней
Вдоль тѣхъ аллеи, среди березъ гудящихъ,
Подъ холодомъ и вѣтромъ я скитался,
Пытаясь къ одиночеству привыкнуть,
Забыть тебя, унять тоску разлуки. ..

Теперь я отдыхаю. одиноко
Проходят дни, но горе миновало.
Мнѣ радостно глядѣть теперь на небо,
На облака, на солнце... Я съ улыбкой
Внимаю пѣснѣ вѣтра, что разгульно
Весь день звенитъ и свищетъ въ щели рамъ.

Я часто вспоминаю осень юга ..
Теперь на Черномъ морѣ и прерывно
Бушуютъ бури: тусклый блескъ отъ солнца,
Скалистый берегъ, бѣшеный прибой
И по волнамъ сверкающая пѣна...
Ты помнишь этотъ берегъ, окзѣмленный
Ея широкой свѣжною грядой?
Бывало, мы сбѣжамъ къ водѣ съ обрыва
И жадно ловимъ вѣтеръ. Вольно вбегъ
Отъ бодростью и свѣжесть морской;
Срываю брызги съ бурнаго прибоя,
Онъ влажной пылью воздухъ увлажняетъ
И свѣжныхъ чаекъ ищетъ надъ волнами.
Мы въ шумѣ волнъ кричимъ ему навстрѣчу,
Онъ валитъ съ ногъ и заглушаетъ голоса,
А намъ легко и весело, какъ птицамъ...
— Не надо думать въ радости и горѣ,
Люби и грусть, и радость, — пѣсни жизни!

Все это сномъ мнѣ кажется теперь.
Деревня, глушь, забытая усадьба,
И только вѣтеръ тотъ же... Онъ играетъ
Въ березахъ старыхъ, кружится по саду
И въ щели рамъ, мѣняясь каждый мигъ,
Поетъ о чемъ то, звонко и высоко...
Какое дѣло вѣтру до сомнѣній,

До слезъ о прошломъ? Жизнь не замедляетъ
Свой вольный бѣгъ, — она зоветъ впередъ,
Она поетъ, какъ вѣтеръ, лишь о вѣчномъ!
Зачѣмъ смущать себя бесплодной думой,
Что мы живемъ не счастьемъ, а надеждой
На эт. счастье, — что никто не знаетъ,
Къ чему всѣ наши радости и скорби,
Когда насъ ждетъ забвеніе, ничто?
Умру — и все жь ес анусь въ этомъ мірѣ,
Какъ часть его великой, вѣчной жизни,
И пусть, пока я сознаю его,
Пока я это чувствую и мыслю,
Пусть сердце не смущается въ печали,
Пусть познаетъ, что и печаль, и радость
Равно прекрасны въ вѣчной жаждѣ — жить!

1901.

ЭПИТАЛАМА.

Озарень былъ сумракъ мрачный
Въ старомъ храмѣ, и сіяль
Чистый образъ невообрачвой
При огняхъ, въ фатѣ прозрачной,
Подъ молитвенный хоралъ.

А изъ оконъ ночь синѣла;
Зимній вечеръ темень былъ,
Вьюга въ сумракъ шумѣла,
Грустно съ колоколомъ пѣла,
Подымая снѣгъ съ могиль...

Восприми же въ часъ урочный
Юной жизни торжество.
Будь любимой, непорочной:
Близокъ мертвый часъ полночный,
Близокъ сонъ и мракъ его.

Сохрани уборъ вѣнчальный,
Сохрани цвѣты твои:
Въ жизни краткой и печальной
Свѣтитъ только безначальный,
Непорочный свѣтъ любви!

1901.

КУСТАРНИКЪ.

Жесткой, черной листвою шелеститъ и трепещетъ
кустарникъ,

Точно въ снѣжную даль убѣгаетъ въ испугѣ.

Въ бѣломъ полѣ стога, косогоръ и забытый
овчарникъ

Тонуть въ бѣломъ дыму разгулявшейся вьюги.

Дымный вѣтеръ кружить и нестеть въ небѣ ворона
бокомъ.

Ковскій слѣдъ на бѣгу порошокъ-заметаеть...

Вонь прохожій вдали. Истомлень на пути
одинокомъ,

Мертвымъ шагомъ онъ мѣрно и тупо шагаетъ.

„Добрый путь, человекъ! Далекъ ль до села,
до ночлега?“

Онъ не слышитъ, идетъ, только голову клонить...

А куда и спѣшитъ противъ холода, вѣтра и снѣга?

Родились мы въ снѣгу, — быста насъ и схоронить.

Занесетъ равнодушно, какъ стогъ, какъ забытый
овчарникъ...

Хорошо ей у насъ на просторѣ великомъ!

Безпріютная жизнь, одинокій подъ бурей
кустарникъ,

Не тебѣ одолѣть въ полѣ темномъ и дикомъ

1901.

НА ОСТРОВЪ

Люблю я нашъ обрывъ, гдѣ дикою грядою
Бѣлѣютъ стѣны скалъ, смотря на дальній югъ,
Гдѣ моря синяго раскинутъ полукругъ.
Гдѣ кажется, что мѣръ кончается водою,
И дышатся легко среди безбрежныхъ водъ.

Въ веселый лѣтній день, когда на солнцѣ блещетъ
Скалистый извѣстнякъ, и въ каждый звонкій гротъ
Зеленая вода хрустальной влагой шещетъ,
Люблю я зной и ширь, и вольный небосводъ,
И острова пучинная верста.

Ласкаютъ ихъ вѣтры и волны лижутъ ихъ,
А чайки зоркія заглядываютъ въ гротъ, —
Косятся въ чуткій мракъ пещеръ береговыхъ
И вдругъ, надъ бѣлыми утесами взмывая,
Сверкаютъ крыльями въ просторахъ голубыхъ,
Кого-то жалобно и звонко призывая.

1901.

ЗВѢЗДЫ.

Не устанемъ восхвалять васъ, звѣзды! —
Вѣчно вы неизмѣненны и юны.
Съ дѣтскихъ днѣй я робко постигаю
Темныхъ безднъ сіяющія руны.

Въ детствѣ я любилъ васъ безотчетно, —
Сказкою вы ивѣжно мерцали.
Въ молодые годы только съ вами
Я делилъ надежды и печали.

Вспоминая первая признанья,
Я ищу мнѣ васъ образъ милый...
Дни пройдутъ — вы будете свѣтиться
Надъ моею забытою могилой.

И быть можетъ, я пойму васъ, звѣзды,
И мечта, быть можетъ, воплотится,
Что земнымъ надеждамъ и печалямъ
Суждено съ небесной тайной слиться!

1901.

СМЕРТЬ.

Спокойно на погостѣ подѣ луною...
Крестовѣ объятѣ, камни и сирень...
Но вотъ нашъ склепъ, — подѣ мраморной стѣною.
Какъ темный призракъ, вытянулась тѣнь.

И жутко мнѣ. И мой двойникъ могильный
Какъ будто ждетъ чего-то при лунѣ...
Но я иду -- и тѣнь, какъ рабъ безсильный,
Опять ползеть, опять покорна мнѣ!

1902.

ЛѢСНАЯ ДОРОГА.

Въ березовомъ лѣсу, гдѣ распѣваютъ птицы,
Гдѣ въ шелковой травѣ сквозь тѣнь лучи горятъ,
Темнѣютъ холмики,—могила забытыхъ рядъ,
А подъ березами, какъ юныя черницы,
Смирненно елочки зеленая стоятъ

Были здѣсь когда то скитъ, какъ говорятъ преданья,
И десять дѣвственницъ, отрекшись отъ земли,
Въ немъ приняли обѣтъ сятаго созерцанья.
Держали строгій постъ и, какъ цвѣты, цвѣли
Подъ тѣнью Божьихъ птицъ и странниковъ сказанья.

Были здѣсь дремучій боръ, въ народѣ говорятъ,
Были долгій санъ татаръ, въ лѣсахъ кипѣли битвы;
Потомъ были этотъ край снесены и богаты,
И древній скудный скитъ и подвиги молитвы
Забылись толи сонъ, ужь много лѣтъ назадъ.

Немало было сновъ,—зачѣмъ намъ помнить ихъ?
И вотъ опять весна. Въ лѣсу все зеленѣетъ,
Лѣсъ сѣнокоса ждетъ, а небосклонъ синѣетъ
Межъ бѣлыхъ облаковъ, среди вершинъ лѣсныхъ,
И на глазахъ трава въ полдневномъ зноѣ млѣетъ.

Пройдетъ моя весна, и этотъ день пройдетъ,
Но весело бродить и знать, что все проходитъ,

Межь тѣмъ какъ счастье жить во бѣки не умретъ,
Покуда надъ землей заря зарю выводитъ
И молодая жизнь родится въ свой чередъ.

Бѣжить зеленый лѣсъ, поютъ и свищутъ птицы,
А вонъ и озеро, песчанки, бѣлыя скаты...
Пошелъ! И зубенцы играютъ и гремятъ,
Въ колесахъ, какъ лучи, блестятъ на солнцѣ сыны,
И еружева тѣней по лонамъ скользятъ...

1902.

НА ОЗЕРѢ.

(Отрывокъ.)

На озерѣ, среди лѣсовъ зеленыхъ,
Кувшинки бѣлыя, какъ звѣзды, расцвѣли.
Въ Петровки, въ жеркій день, когда въ бору сосновомъ
Такъ сухо и светло отъ солнца и песковъ,
Я прихожу на дуги, подъ тѣнь ольхи серебристой,
Гдѣ пахнетъ мягою и теплою водою
Гдѣ ринуть радужно-стекляныя стрекозы
И блещетъ озеро среди стволовъ березъ.

На озерѣ, въ веселый лѣтній полдень,
Я слышу женской смѣхъ, далекій крикъ и плескъ,
Въ бору за озеромъ аукается кто-то —
И сладко мнѣ дремать и слушать въ полуснѣ...
Люблю я молодыхъ, счастливыхъ и безпечныхъ.
Люблю зеленый лѣтъ и догнй лѣтній день.
Всѣ гдѣсь ея меня зовутъ, волнуютъ...
Но я заката жду...

Закроются на озерѣ кувшинки...
Какъ ночь въ лѣсу темна, спокойна и тепла!
Кузнечики въ травѣ чуть шепчутся. Сявозъ вѣтви
Блещетъ озеро, — тамъ звѣзды въ глубинахъ...
Стоишь и слушаешь — и кажется, что звѣзды
Глядятъ изъ темныхъ вокъ, и свѣтляки въ кустахъ
Для тѣхъ, кто ждетъ любви, затеплились недвижно...
И вотъ она идетъ — неслышно и легко.

Тайнственно съ песчаного прибрежья
Она сойдетъ къ водѣ, одежды тихо снявъ, —
И ласковымъ тепломъ вода ее обниметъ,
И закачается у берега звѣзда.
Какъ жутко-хорошо въ ночномъ подводномъ небѣ
Какая глубина!..
Прохладны и легки одежды послѣ влаги,
Песокъ еще хранитъ полдневное тепло...

1902.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Передъ закатомъ набѣжало
Надъ лугомъ облако—и вдругъ
На взгорье радуга упала,
И засверкало все вокругъ.

Стеклянный, рѣдкій и ядреный,
Съ веселымъ шорохомъ сѣвша,
Промчался дождь, и лѣсъ зеленый
Запахъ, прохладою дыша.

Вотъ день! Ужъ это не впервые:
Прольется—и уйдетъ изъ глазъ...
Какъ эти ливни золотые,
Пугая, радовали насъ!

Едва лишь добѣжимъ до чащи—
Все стихнетъ. . . . О, росистый кустъ!
О, взоръ счастливый и блестящій,
И холодокъ покорныхъ устъ!

1902.

* * *

Когда вдоль корабля, качаясь, вьется пѣна
И небо межъ свастей синѣетъ въ вышинѣ,
Люблю твой блѣдный ликъ, печальная Селена,
Твой безнадежный взоръ, сопутствующій маѣ.
Люблю родъ шорохъ волнъ рыбацкіе напѣвы
И свѣжесть отъ воды — ночные вздохи волнъ.
И созданный мечтой, манящій образъ дѣвы,
И мой безцѣльный путь, мой одинокій челнъ.

1902.

* * *

Что напрасно мечтать! Кто на пѣсню откликнется?
Каждый слышетъ въ ней только свое...
Пусть-же сердце скорѣй съ одиночествомъ свыкнется:
Все равно не воротишь ее!

Если бъ вы и сошлись, если бъ вы и смирлись, —
Ужъ не той она будетъ, не той!
Кто вернетъ тотъ закатъ, какъ на вѣкъ вы простились,
Темный взоръ, засіявшій слезой?

Дни бѣгутъ — и теперь отъ былого остались
Только думы о томъ, чего нѣтъ,
Лишь цвѣты, что цвѣли въ день, когда вы вѣичались,
Да поблекшій портретъ!

1902.

Чашу съ темнымъ виномъ подала мнѣ богиня печали.
Тихо выпивъ вино, я въ смертельной истомѣ поникъ.
И сказала безстрастно, съ холодной улыбкой богиня:
„Сладокъ ядъ мой хмѣльной. Это розы съ могилы
любви.“

1902.

Какъ все спокойно и какъ все открыто!
Какъ на землѣ стало тихо и бѣдно!
Садъ осыпается, — все въ немъ забыто,
Небо велико и холодно - блѣдно...

Небо далекое, не ты ли, нѣмое,
Меня пугаешь своимъ просторомъ?
Здѣсь, въ этой бѣдности, гдѣ все родное,
Встрѣчу я осень радостнымъ взоромъ.

Еще разсвѣтъ огонь листопада,
И рѣдкія краски ласково - ярки;
Еще синицы свещутъ изъ сада,
И какъ имъ тихо въ забытомъ паркѣ!

И только ночью, когда бушуетъ
Осенній вѣтеръ все чуждо снова...
И одинокое сердце тоскуетъ:
О, если бы близость сердца родного!

1902.

БРОДЯГИ.

На позабытомъ трактѣ къ Оренбургу
Въ безплесной и холмистой котловинѣ
Большой, глухой дороги на востокъ,
Стоитъ въ лугу холщевая кибитка
И бродятъ кляча въ путяхъ. Ни души
Нѣтъ на лугу, — цыганъ въ кибиткѣ дремлетъ,
И дѣвочка подростокъ у дороги
Сидитъ себѣ одна и равнодушно
Съ привычной скукой, смотреть на закатъ:
На солнце, уходящее за пашню,
На блескъ лучей надъ темнымъ косогоромъ.
Наморщивъ лобъ отъ вѣтра, вся въ лохмотьяхъ,
Она слѣдитъ въ безлюдь за холоднымъ,
Печальнымъ солнцемъ, тѣнью отъ холма
И алой пылью, вѣющей съ дороги
Изъ-подъ копытъ кобыды, — то молчитъ,
То будто грезитъ, — что то напѣваетъ...
Какая глушь! Какая скудность жизни!
Какіе заурывные напѣвы!

Бродя по свѣту, выгнанный изъ дому
Нуждой и скукой, часто вспоминаю
Я собственное дѣтство: протекло
Оно въ степи, среди лощень и пашень,
Среди такихъ же голыхъ косогоровъ,
Какъ вотъ на этомъ трактѣ; много тихихъ
Печальныхъ дѣтствъ зачѣмъ-то расцвѣтало

И расцвѣтетъ не разъ еще въ безлюдьѣ
Степныхъ полей; мнѣ тяжело любить ихъ,
Но какъ забыть родное? — Ни души
Нѣтъ на лугу, а солнце въ тучку сѣло,
Темнѣетъ въ котловинѣ, вѣтеръ дуетъ
И ночь идетъ... Пошли Господь бродягамъ
Не думать днемъ и не слышать, какъ ночью
Шатается въ сухомъ бурьянѣ вѣтеръ
И что-то шепчетъ, словно въ забытьѣ!
Спи подъ кибиткой, дѣвочка! Преснешься —
Буди отца больного, запрягай —
И снова въ путь... А для чего, — кто скажетъ?
Жизнь, какъ могила въ полѣ, молчалива.

1902.

ЗАБЫТЫЙ ФОНТАНЪ

Разсыпался чертогъ изъ янтаря, —
Изъ края въ край сквозитъ аллея къ дому.
Холодное дыханье сентября
Разноситъ вѣтеръ по саду пустому.

Онъ заметааетъ листьями фонтанъ,
Взвѣваетъ ихъ, внезапно налетая,
И, точно птицъ испуганная стая,
Кружатъ они среди сухихъ полянъ.

Порой къ фонтану дѣвушка приходитъ,
Влача по листьямъ спущенную шаль,
И подолгу очей съ него не сводитъ

Въ ея лицѣ — застывшая печаль,
По цѣлымъ днямъ она, какъ призракъ,
бродитъ,
А дни бѣгутъ... Имъ никого не жаль.

1902.

ЭПИТАФИЯ.

Я дѣвучкой, невѣстой умерла.
Онъ говорилъ, что я была прекрасна,
Но о любви я лишь мечтала страстно, —
Я краткими надеждами жила.

Въ эпифанснй день я отъ людей ушла,
Ушла невѣкъ покорно и безгласно —
И все-жъ была я въ жизни не напрасно:
Я для его любви не умерла.

Здѣсь въ тѣни кладыщенской аллеи
Гдѣ только вѣтеръ вѣетъ въ воусти,
Все говоритъ о счастьѣ и веснѣ.

Снегъ любви на старомъ мавзолеѣ
Звучи ть безсмертной грустью обо мнѣ,
А небеса сонюють вломъ аллеи.

1902.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ ВЪ ОБЕРЛАНДЪ.

Лазурнымъ пламенемъ сіяютъ небеса...
Какъ ясны зимній день, какъ восхищаютъ взоры
Въ безбрежной высотѣ изваянныя горы, —
Титановъ снѣговыхъ полярная краса!

На скатахъ ихъ, какъ сѣтъ, чернѣются лѣса
И бѣлая поля сквозятъ въ ея узоры,
А выше, точно рать, бредетъ на косогоры
Темно-зеленыхъ пихтъ и елей полоса.

Зовутъ ихъ горный мѣръ, зовутъ снѣговъ пустыни,
И тянетъ къ нимъ уйти, — быть вольвымъ, какъ дикарь,
И цѣлый день дышать морозомъ на вершинѣ.

Уйти и чувствовать, что ты — пигмей и царь,
Что надъ тобой, какъ храмъ, воздвигся куполъ сивій
И блещетъ Зильбергортъ, какъ ледяной аитарь!

1902.

СИВАШЪ.

Багряная печальная луна
Виситъ вдали, но степь еще темна.
Луна во тьму свой теплый отблескъ светъ,
И надъ болотомъ красный сумракъ рветъ ..
Ужъ поздно — а какая тишина!

Мнѣ кажется, — луна оцѣпенѣетъ:
Она какъ будто выросла со дна
И допотопной лиліей краснѣетъ ..

Но меркнуть звѣзды. Даль озарена.
Равнина водъ на горизонтѣ млѣетъ,
И въ ней луна столбомъ отражена,
Склонивъ лицо прозрачное, свѣтлѣетъ
И грустно въ воду смотрится она...

Поетъ комаръ. Тепломъ и гнилью вѣетъ.

1902.

КОНДОРЪ.

Громады горъ, зазубренные скалы
Изъ океана высятся грядой.
Подъ ними берегъ, дикій и пустой,
Надъ ними кондоръ, тяжкій и усталый.

Померкъ закатъ. Въ ущелья и провалы
Нисходитъ ночь. Госимой тьмотой,
Уродливо-плечистый и худой,
Онъ медленно спускается на скалы.

И долгій крикъ, звенящій крикъ тоски,
Вдругъ раздается жалобно и властно
И замираетъ въ небѣ. Но безстрастно

Синѣетъ море. Скалы и пески
Скрываетъ ночь — и вѣетъ на вершинѣ
Дыханьемъ смерти, холодомъ пустыни.

1902.

АККЕРМАНСКІЯ СТЕПИ

„Крымскіе сонеты“ Мицкевича.

Выходимъ на просторъ степного океана.
Возъ точетъ въ зелени, какъ челнъ въ равнинѣ водъ,
Межъ заводей цвѣтовъ, въ волнахъ травы плыветъ,
Мкнуя острова багрянаго бурьяна.

Темнѣетъ. Впереди—ни шляха, ни кургана.
Жду путеводныхъ звѣздъ, гляжу на небосводъ...
Вонъ обещетъ облако, а въ пемъ звѣзда встаетъ:
То за стальнымъ Днѣстромъ маякъ у Аккермана

Какъ тихо! Постоймъ. Да еко въ сторонѣ
Я слышу журавлей въ незримой вышинѣ,
Вземлю, какъ мотылекъ въ травѣ цвѣты колышетъ,
Какъ гдѣ-то скользкій ужъ, шурша, въ бурьянѣ ползетъ.

Таль ухо звука ждетъ, что можно бы разслышать
И зовъ съ Литвы... Но въ путь! Никто не позоветъ.

ЧАТЫРДАГЪ.

„Крымскіе сонеты“ Мицкевича.

Склоняюсь съ треногомъ къ стопамъ твоей твердыни,
Великій Чатырдагъ, могучій ханъ Яйлы.
О, мачга крымскихъ горъ! О, минаретъ Ашлы!
До тучъ вознесся ты въ лазурныя пустыни

И тамъ стоишь одинъ, у вратъ надзвѣздныхъ стражъ,
Какъ грозный Гавріиль у вратъ святого рая.
Зеленый лѣсъ — твой плащъ, а тучи твой тюрбанъ,
И молніи на немъ узоры ткуть, блистая.

Печетъ-ли солнце насъ, шлыветъ-ли мгла, какъ дымъ,
Летитъ-ли саранча, иль жжетъ гяуръ селенья, —
Ты, Чатырдагъ, всегда и нѣмъ и недвижимъ.

Безстрастный драгоманъ всемірнаго творенья,
Поправъ весь дольний міръ подножіемъ своимъ,
Ты внемлешь лишь Творца предвѣчныя вѣлѣнья!

АЛУШТА НОЧЬЮ.

„Крымскіе сонеты“ Мицкевича.

Повѣялъ вѣтерокъ, прохладною лаская,
Свѣтильникъ міра палець съ небесъ на Чатырдахъ,
Разбился, расгочилъ багрянецъ на скалахъ
И гаснетъ Тьма растега, молчаніемъ пугая.

Чернѣютъ гробни горъ, въ долинахъ ночь глухая,
Какъ будто въ полуснѣ журчатъ ручьи вилѣмахъ ;
Ночная пѣснь цвѣтовъ — дыханье розъ въ садахъ —
Беззвучной музыкой плыветъ, благоухая.

Дремлю подъ темными колыями тишины.
Вдругъ метеоръ блеснулъ — и, ослѣпляя взоры,
Пустоломъ золота залилъ лѣса и горы.

Ночь! одалиска ночь! Ты навѣзаетъ сны,
Ты гасишь лаской страсть, но лишь она утихнетъ —
Твой искрометный взоръ тотчасъ же снова вспыхнетъ!